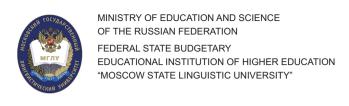
ISSN 2542-2197

СТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА





The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 4 (793)

Moscow FSBEI HE MSLU 2018



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 4 (793)

Москва ФГБОУ ВО МГЛУ 2018 Печатается по решению Ученого совета Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор Г.Г. Бондарчук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан) Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Г.Р.Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения) К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания) И.А.Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ) Н. А. Дудик, канд. филол. наук, (МГЛУ) М.С.Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан) К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) О.К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Г.Ф.Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

С.С.Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан) Т.В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Л.В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) А.И.Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан) Л.А.Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Т.В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Р.К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) О.А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия) М.Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия) И.А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ) Т.С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) И.И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)

Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)

Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)

Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

л. ш. г ахамоскова, капд. филол. паук, доц. (тт

Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ) Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

3. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)

э. А. Лириптончик, д-р филол. наук, проф. (беларусь

Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)

В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)

О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)

Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)

С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)

С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (Ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)

E. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)

Р.А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)

В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

А. Н. Лощилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
Пищальникова В.А. Этнопсихолингвистика как методологическая база межкультурных исследований	.1
Валиулина Т.А.	
Методологические проблемы лингвоисториографии 2	:0
ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИКИ	
Германова Н. Н. Философия языка в трудах С. Т. Кольриджа: проблемы эпистемологии и герменевтики	3
Кириллов И.А. Христиан Гольдбах – математик, лингвист, криптограф4	6
Радченко О.А. Dies Incommodi: годовщина смерти В. фон Гумбольдта в национал-социалистической Германии	3
КОГНИЦИЯ, ИНТЕРАКЦИЯ, ДИСКУРС	
Алексеенко Н.В. Особенности вербализации фиктивной интеракции в русском языке	32
<i>Братцева А. Л.</i> (Де)фокусирование как когнитивный механизм в основе детерминологизации9)4
Куковская А.В. Дисклеймеры в современном англоязычном интернет-дискурсе 10)8

	Салиева Л. К. Художественная литература и пропаганда как прием: точки схождения
ЛИТЕ	РАТУРОВЕДЕНИЕ
	Пискарева А. В. Способы модификации фразеологизмов в русском и немецком языках (на материале текстов СМИ)
	Ивина Л. В. Когнитивные основания зооморфной метафоры в инвестиционной терминологии английского языка
	Джахангирли Т. Ф. гызы Метафоризации концепта «family / ailə» (на материале английского и азербайджанского языков)
	Григорьев Д.Ю. Сопоставительное исследование особенностей глагольной семантики языка дари и русского языка
	Архипова Л. С. Лексикографический аспект нормирования современных миноритарных языков (на материале ольстерского шотландского языка)
СЛ	10ВО В ЯЗЫКЕ, СЛОВАРЕ, ДИСКУРСЕ
	Похолкова Е.А., Альварес Солер А.А. Особенности перевода документов по историко-культурному наследию России в испанских архивах
	Мамедова И. Лексико-синтаксические аспекты когезии в немецком и азербайджанском научном дискурсе
	Маковеева А. И. Эмпирическое исследование воспроизводства стереотипа СЕМЬЯ в устном дискурсе взрослых и детей

	Травкин С.В. Языковая презентация пространственно-временно́го континуума произведений фэнтези	222
	Чулкова Е. Д. Особенности функционирования топонимов в жанре шпионского романа	232
КУЛЬ	ТУРОЛОГИЯ	
	Афанасик Д. А. Концепт «брак» в сознании носителей современной русской лингвокультуры: динамический аспект	242
	Попова О. В. Содержание термина «интроверт / интроверсия» в обыденном сознани британцев (на основе британского национального корпуса)	
	Пучков С. И. Национальная специфика речевого события	264
ФИЛО	РСОФИЯ	
	Курлов А. Б., Каюмов А. Т. Информационная среда как субстрат современного общества	276
	<i>Маслова А. В.</i> Акт прощения как вызов и спасение	289
	Самуйлов Г. Н. Философия Фрэнсиса Бэкона: наука и идеология	299

CONTENTS

LINGUISTICS

ME	THODOLOGICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS
	Pishchalnikova V. A. Ethno-Psycholinguistics as a Methodological Basis for Intercultural Research
	Valiulina T.A. Methodological Problems in Linguistic Historiography
LIN	NGUISTIC HISTORIOGRAPHY
	Guermanova N. N. S. T. Coleridge's Philosophy of Language: Problems of Epistemology and Hermneutics
	Kirillov I. A. Christian Goldbach: Mathematician, Linguist, Cryptanalyst
	Radchenko O.A. Dies Incommodi: W. von Humboldt's Death Anniversary in National Socialist Germany
СО	GNITION, INTERACTION, DISCOURSE
	Alekseenko N. V. Verbalization of Fictive Interaction in the Russian Language
	Brattseva A. L. Foregrounding and Backgrounding as Bases of Determinologization 94
	Kukovskaya A. V. Disclaimers in the Contemporary English Internet-Discourse
	Makoveyeva A. I. Empirical Study of Family Stereotype in Adults' and Children's Spoken Discourse in Russian 123

Mammadova I. Lexical and Syntactic Aspects of Cohesion in German and Azerbaijan Scientific Discourse	142
Pokholkova E.A., Alvares Soler A.A. Basic Features of Translation of Documents on Historical and Cultural Heritage of Russia in Spanish Archives	150
WORD IN LANGUAGE, WORD-STOCK, DISCOURSE	
Arkhipova L. S. The Lexicographic Aspect of Normalization of Modern Minority Languages (the case of Ulster Scots)	163
Grigoryev D. Yu. Comparative Research of the Verbal Semantic Characteristics of Dari and Russian	177
Dzhahangirli gizi T. F. Metaphorization of "Family / AilƏ" Concept (on the material of the English and Azerbaijani languages)	182
Ivina L. V. Cognitive Foundations of Zoomorphic Metaphors in English Investment Terminology	189
Piskareva A. V. Methods of Phraseology Modification in German and Russian (an analysis of mass media texts)	199
LITERARY STUDIES	
Salieva L. K. Artistic Literature and Propaganda as a Technique: Points of Convergence	211
Travkin S. V. Verbalization of Space-Time Continuum in the Fantasy Fiction Genre	222

	Chulkova E. D.	
	Functional Aspects of Toponyms in the Spy Fiction Genre	232
CULT	UROLOGY	
	Afanasik D. A. The Concept "Marriage" in the Consciousness of Bearers of the Modern Russian Linguoculture: the Dynamic Aspect	242
	Popova O. V. The Content of the Term Introvert / Introversion in British Everyday Thinking (based on data from British National Corpus)	253
	Puchkov S. I. The National Speech Event's Specificity	264
PHILO	DSOPHY	
	Kurlov A. B., Kayumov A. T. The Information Environment as Substratum of Modern Society	276
	Maslova A. V. The Act of Forgiveness as a Challenge and Salvation	289
	Samuylov G. N. Philosophy of F. Bacon: Science and Ideology	299

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81.53

В. А. Пищальникова

доктор филологических наук, профессор; профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена выявлению основных теоретических проблем, связанных с формированием методологии межкультурных исследований. Автор отмечает, что отечественные этнопсихолингвистические работы затрагивают различные аспекты изучения этнически специфичной речевой деятельности и полагает, что теория речевой деятельности А. А. Леонтьева позволяет решать целый комплекс сложнейших задач теоретического и практического планов: исследовать междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания и самосознания, обнаруживать характер представления системы ценностей личности / социума в речевой деятельности, моделировать содержание этнически важных категорий на основе национальной специфики речевой деятельности, выявлять базовые оппозиции современных культур и др. Автор рассматривает межкультурное общение как специфически мотивированную речевую деятельность. Это дает возможность исследовать национально-культурную специфику смыслообразования, репрезентированную в речевых действиях носителей разных культур. Понимание этой специфики практически обеспечивает эффективность межнациональных и межэтнических контактов, а теоретически позволяет создать методологическую основу межкультурной коммуникации.

Особенности смыслообразования проявляются в соотношении речевое действие – речевая операция, в котором обнаруживаются индивидуально и конвенционального обусловленные мотивы речевой деятельности. Поэтому психолингвистика дает возможность исследовать собственно внутреннюю структуру речевой

деятельности, а не внешние условия ее осуществления и моделировать содержание и структуру национально обусловленного образа мира. На основании исследования методологического состояния современной этнопсихолингвистики автор ставит ряд теоретических задач. Это систематизация терминологии в рамках принятой методологии в соответствии с базовой теорией, что позволит распространить концептуальный аппарат и на изучение специфики межкультурной коммуникации; расширение экспериментальных методов исследования этнической детерминированности речевой деятельности, в том числе в сопоставительном плане; установление роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, включая определение специфики способов действования со словом в разных культурных сферах (проблема дискурсивных практик); разработка методик диагностирования динамики культурных базовых ценностей и стереотипов; вербальная диагностика межэтнической напряженности (пока этой проблеме посвящены только отдельные исследования).

Такое разноаспектное рассмотрение речевой деятельности позволяет выйти на решение многих важнейших междисциплинарных проблем, связанных с национально-культурной спецификой социума / этноса.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика; межкультурная коммуникация; методология; речевое действие; языковое сознание; образ мира.

V. A. Pishchalnikova

Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

ETHNO-PSYCHOLINGUISTICS AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR INTERCULTURAL RESEARCH

The article defines major theoretical problems concerning formation of methodology for intercultural research. The author underlines that contemporary Russian ethno-psycholinguistic studies deal with different aspects ethnically specific speech activity and assumes that A. Leontyev's theory of speech activity facilitates solutions for a number of complex theoretical and practical issues: to research interdisciplinary problems of content of ethnical consciousness and self-awareness; to reveal the nature of individual's / society's value system's representation in speech activity; to model content of ethnically important categories on the basis of national specifics of speech activity, to uncover basic oppositions of modern cultures, etc.

The author explores intercultural communication as a specifically motivated speech activity. This approach enables research of national and cultural specifics of semantic formation manifested in speech acts of different cultures' representatives.

Understanding of the above-mentioned specifics in practice enables effectiveness of international and interethnic contacts and in theory allows for creation of methodological basis for intercultural communication.

Specifics of semantic formation come out in interaction between a speech act and a speech operation when individually and conventionally determined motives of speech activity manifest themselves. That is why Psycholinguistics enables research of inner structure of speech activity vs. outer environment of its conduction and modelling of content and structure of nationally determined image of the world. The author formulates a number of theoretical issues based on research of methodological condition of modern Ethno-psycholinguistics. They include systematization of terminology in the framework of accepted methodology in accordance with the base theory that will allow disseminating of conceptual apparatus into research of specifics of intercultural communication; broadening of experimental methods of research of ethnical determination of speech activity including comparative aspects; establishing a role of speech activity in emergence and transformation of a culture including definition of specifics of handling a word in different cultural spheres (problem of discoursive practices); development of methods for diagnostics of basic cultural values and stereotypes' dynamics; verbal diagnostics of interethnic tension (currently research on this issue is limited).

This multi-aspect research of speech activity enables solutions for many important interdisciplinary issues related to national and cultural specifics of society/ethnos.

Key words: ethnopsycholinguistics; intercultural communication; methodology; speech act; language consciousness; image of the world.

Ввеление

Отечественные этнопсихолингвистические исследования неоднородны и могут акцентировать разные аспекты исследования: психологический, когда на основе речевой деятельности моделируется специфика психических функций и этнически обусловленные свойства индивидов; этнографический, когда исследуется речевая специфика, обусловленная этнической культурой; социолингвистический, когда изучаются способы взаимовлияния социальных и собственно этнических факторов на характер речевой коммуникации, межкультурный, когда на основе исследования речевой деятельности сопоставляется содержание стереотипов и ценностей разных культур, и многие другие.

Это обусловлено методологической основой этнопсихолингвистики — теорией речевой деятельности А. А. Леонтьева, которая, реализуя деятельностный подход к изучению речевых и психических явлений, позволяет решать целый комплекс сложнейших задач теоретического и практического плана: исследовать междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания и самосознания, обнаруживать характер представления системы ценностей личности / социума в речевой деятельности, моделировать содержание этнически важных

категорий на основе национальной специфики речевой деятельности, выявлять базовые оппозиции современных культур и др.

Именно идея деятельности, включенности речевого акта в другие виды психической и иной деятельности человека определяет универсальность такой теоретико-методологической базы.

Представляется, что и теория межкультурной коммуникации может стать фундаментальной, если рассматривать межкультурное общение как специфически мотивированную речевую деятельность. Метафоры, с помощью которых исследователи обоснованно подчеркивают специфику межкультурной коммуникации как диалога сознаний, общения культур и др., к сожалению, не выявляют операциональных единиц, на основе которых можно осуществлять такой диалог.

Поэтому перед методологами стоят серьезные задачи, требующие как теоретического, так и операционального определения национально-культурной специфики смыслообразования, отраженной в речевых действиях носителей разных культур, ведь именно она определяет этнические особенности концептуализации действительности. Понимание этой специфики практически обеспечивает эффективность межнациональных и межэтнических контактов, а теоретически позволяет создать методологическую основу межкультурной коммуникации.

Исследование

В анализе взаимодействия культур, как известно, выделяют этнический, национальный цивилизационный уровни взаимодействия, и каждый из них может принимать различные формы, однако в любом случае в полной мере репрезентируется в языке. В нем проявляется всё: и простое количественное изменение в культуре этноса, который осваивает некоторые достижения другой культуры; и качественное изменение культуры этноса под влиянием более зрелой; и потеря собственной специфики в результате контакта с более развитой культурой; и деструкция культуры под влиянием внешних воздействий. В нем отражается смена норм и ценностей культуры и их динамика, формирование новых элементов самосознания, установление новой, функциональной, взаимозависимости между разными элементами культуры и в целом — национально-культурная вариантность познавательной и коммуникативной сторон речевой деятельности. Эта вариантность обнаруживается в: «а) речевых операциях, речевых действиях

и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, т. е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [Леонтьев 1997, с. 192].

Из теории речевой деятельности вытекает, что в соотношении речевое действие — речевая операция, составляющем основу для обнаружения как индивидуального, так и конвенционального обусловленного мотива речевой деятельности, как правило, и проявляются особенности смыслообразования.

Таким образом, психолингвистика дает возможность исследовать собственно внутреннюю структуру речевой деятельности, а не внешние условия ее осуществления и, следовательно, определять *пингвистические* основы смыслообразования и моделировать содержание и структуру национально обусловленного образа мира.

Такой подход позволяет отойти от двух весьма распространенных теоретических заблуждений. Первое связано с изучением не *речевых действий*, а *языковых знаков*, устойчиво коррелирующих, по мнению части исследователей, с одной стороны, с некими «компонентами» образа мира, с другой — с реалиями действительности. При этом чаще всего интерпретируется содержание лексем, получаемых в качестве реакций в свободном ассоциативном эксперименте, как *языковых единиц*, но далее это содержание приписывается компонентам «образа мира». Опорой интерпретации, как правило, являются словарные дефиниции и частично — данные культурологического характера. Такая подмена психолингвистической парадигмы лингвистической стала весьма распространенной (см., например: [Нго Тиен Занг 2003; Незговорова 2004; Калжанова 2004; Псеунова 2005; Федченко 2005; Уфимцева 2006] и многие другие).

Многочисленные данные, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, зафиксированные в научных публикациях и специальных словарях, дают богатый материал для анализа пары стимул — реакция как речевого действия. Теоретически это обосновано. Однако эффективное практическое изучение этой вербальной пары именно как речевого действия блокируется несколькими обстоятельствами методологического и чисто «внешнего» порядка. Во-первых, в психолингвистике до сих пор нет достаточно разработанных процедур анализа речевого действия вообще, поэтому часто исследователи принимают

ряд допущений, которые позволяют напрямую связывать вербальную реакцию с содержанием образа сознания (конструкта скорее операционального, чем содержательного характера). Во-вторых, ряд исследователей принципиально отказывается от системного изучения единичных реакций, полученных в ассоциативном эксперименте. Но именно в этих единичных реакциях в большей степени фиксируются способы вербального представления *присвоенного* психологического значения — личностного смысла, способы ментального *действования* со словом, в том числе и национально специфичные.

Исследование единичных реакций может привести к пониманию содержания и структуры ядра языкового сознания как совокупности образов сознания, *стабилизированных* интерсубъектым содержанием, в единстве их концептуальных, перцептивных и процедурных характеристик, но при этом принципиально динамичных. Отметим, что перцептивные и процедурные характеристики образов сознания в современной этнопсихолингвистике практически не исследуются. Изучение же концептуальных свойств хотя и декларируется, но на деле сводится к выявлению значений лексических единиц, полученных в качестве реакций на слова-стимулы, и в лучшем случае — к установлению подчас произвольной или мало аргументированной связи между этими лексическими значениями и какими-либо явлениями культуры.

Чтобы выйти из круга этих вольных и невольных заблуждений, на наш взгляд, во-первых, следует уточнить, что ассоциативное поле вербального стимула - это не фрагмент вербальной памяти человека, а лингвистический конструкт, моделирующий ее структуру, который может подвергаться психолингвистической интерпретации. Во-вторых, способы ментальной репрезентации ассоциативного поля не известны (понятна лишь всеобщая ассоциативность компонентов сознания) и могут быть представлены совокупностью разных моделей (см., например: [Сонин 2002, с. 102-194]). Ментальные репрезентации невозможно исследовать непосредственно, поэтому основной способ их анализа – построение моделей. При этом основной задачей исследования моделей репрезентации является установление принципов организации знаний в них. Ассоциативное поле – лишь одна из многих (и, надо отметить, не самых аргументированных: ассоциативное поле относится к моделям аналогической интерпретации, поскольку постулирует изоморфизм между репрезентирующим и репрезентируемым мирами) моделей ментальной репрезентации. Она, как и другие модели, позволяет в рамках определенной методологии устанавливать причинные связи между внешне наблюдаемыми явлениями иих ментальными репрезентациями, между словами и соотнесением их с определенными внутренними состояниями. По сути, ассоциативное поле — это такая модель сознания, которая представляет собой совокупность *правил оперирования знаниями*. Однако на деле эти правила вообще не исследуются, а анализ компонентов поля подменяется «качественной характеристикой содержания сознания, стоящих за словом» (принципы выявления которой не определены), т. е. анализом лингвистической семантики слов-ассоциатов. Поэтому, как представляется, перед методологами этнопсихолингвистики стоит очень сложная задача — установить основополагающие принципы организации знания в ассоциативном поле в соответствии с классической теорией деятельности.

Еще одна серьезная методологическая проблема – не всегда корректное использование базовых понятий психологии и психолингвистики: образ мира, языковое сознание, образ сознания. (Безусловно, эти понятия, интерпретирующие специфический объект, могут и должны развиваться, однако при этом нельзя забывать о системном характере концептуального аппарата, толкующего тот или иной научный объект). Так, языковое сознание трактуется неоднозначно, а чаще как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000, с. 26], т. е. только та часть сознания, которая овнешнена в языковых единицах и их различных объединениях (подсистемах). При этом классическое определение, данное А. А. Леонтьевым, таково: «Образ мира ... это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997, с. 268] (курсив наш. – В. Π .), и оснований для его сужения теория психолингвистики не дает. Логично было бы предположить существование в подобных концепциях двух соотносимых пар понятий: сознание (образ мира) – образ сознания, языковое сознание – образ языкового сознания и искать операциональные средства их анализа. Но между образом мира и языковым сознанием, оказывается, ставится знак равенства: «Языковое же сознание ... мы понимаем как опосредованный языком *образ мира* той или иной культуры, т. е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Уфимцева 2005, с. 219]. Очень часто в исследованиях, причисляющих себя к психолингвистическим, постулаты теории речевой деятельности упоминаются, но реальный анализ материала в подавляющем большинстве случаев на них не опирается.

Выводы

Следовательно, перед современной этнопсихолингвистикой стоят важные теоретические задачи.

- 1. Систематизация терминологии в рамках принятой методологии в соответствии с базовой теорией, что позволит распространить концептуальный аппарат и на изучение специфики межкультурной коммуникации.
- 2. Расширение экспериментальных методов исследования этнической детерминированности речевой деятельности, в том числе в сопоставительном плане.
- 3. Установление роли речевой деятельности в становлении и трансформации культуры, включая определение специфики способов действования со словом в разных культурных сферах (проблема дискурсивных практик).
- 4. Разработка методик диагностирования динамики культурных базовых ценностей и стереотипов (см., например: [Патсис 2005; Карданова 2006] и др.).
- 5. Вербальная диагностика межэтнической напряженности (пока этой проблеме посвящены только отдельные исследования; см., например: [Пищальникова, Рогозина 2004; Адамова 2006]) и др.

Такое разноаспектное рассмотрение речевой деятельности позволяет выйти на решение многих важнейших междисциплинарных проблем, связанных с национально-культурной спецификой социума / этноса: выявить сущностные свойства менталитета, принципы и способы его моделирования; установить психолингвистические основы взаимодействия / взаимовлияния менталитетов; выработать адекватные комплексные методы изучения динамики базовых категорий и понятий, характерных для определенной культуры и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамова 3. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.
- Калжанова А. К. Психолингвистические аспекты соотнесенности эмотивной и колористической лексики (на материале русского и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- *Карданова К. С.* Лингвопсихологическое исследование реструктурации образа сознания «империя» / «empire» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
- *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 286 с.
- *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- *Нго Тиен Занг.* Влияние русской лингвокультурной среды на языковое сознание вьетнамцев, проживающих в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 22 с.
- *Незговорова С. Г.* Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- Патсис М. И. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова (на материале греческого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
- *Псеунова Б. Н.* Особенности языкового сознания русских, адыгов и англичан : автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
- Пищальникова В. А., Рогозина И. В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 120–128.
- *Сонин А. Г.* Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 222 с.
- *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.
- Уфимцева~H.~B Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга, 2005. С. 217–227.
- Уфимцева Н. В. Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, РосНОУ, 2006. С. 307–309.
- Федченко А. В. Изменения в ассоциативном поле слова «любовь» в языковом сознании русских и американских подростков 11–16 лет // Язык. Сознание. Культура. М.–Калуга: ИЯ РАН Институт психологии РАН, 2005. С. 198–205.

УДК 81'11/81'13

Т. А. Валиулина

соискатель каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: tatiana.valiulina@qmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена методологическим и эпистемологическим проблемам лингвистической историографии. В работе приводятся мнения ученых на важность усовершенствования методологии с целью повышения валидности результатов и уменьшения вероятности ошибок и искажений. Интерпретация прогресса является основанием для анализа и оценки достижений лингвистов за изучаемый период, поэтому мы даем краткий обзор мнений на сущность развития научного знания. В статье также поднимается вопрос об объективности и истинности в историографической практике, возможности отказа от субъективности; особое внимание уделяется нарративному подходу как потенциальному решению дилеммы «объективности – субъективности».

Ключевые слова: нарратив; лингвоисториография; методология; объективность; субъективность; прогресс.

T. A. Valiulina

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY

The article focuses on methodological and epistemological problems in linguistic historiography. It discusses the scientific opinion on the importance of improving methodology for enhancing the validity of findings and minimizing mistakes and distortions. The understanding of the notion of development underlies analysis and evaluation of achievements of linguists of a given period, thus we review different interpretations of scientific progress. The article raises the issue of objectivity and truth in historiography, avoiding subjectivism; special attention is paid to the narrative approach as a potential solution the "subjectivity-objectivity" dilemma.

Key words: narrative; linguistic historiography; methodology; objectivity; subjectivity; progress.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в последние годы вопросы лингвистической историографии не получают должного внимания, по крайней мере в отечественном языкознании. Однако невозможно переоценить практическую и теоретическую значимость

истории лингвистики, о которых писали Н. Ю. Бокадорова [Бокадорова 1986, с. 68], Г. Брекле [Brekle 1985, с. 49], Е. Ф. К. Кёрнер [Koerner 1999, с. 211–216], П. Свиггерс [Swiggers 2012, с. 38 – 39], П. Шмиттер [Schmitter 1982, с. 18].

В книге «Историография грамматических концептов» голландский исследователь Э. Элфферс-ван Кетел приводит обзор мнений современных ученых о необходимости усовершенствования историографических методов. Согласно этому автору, исследователи по этому вопросу условно разделились на тех, кто стремится к выработке эффективного методологического аппарата, веря в то, что это поможет избежать искажений, субъективности, а хуже того, трансляции из работы в работу исторических мифов и неточностей; и тех, кто полагает, что роль методологии значительно переоценена, и наивно думать, что усовершенствование методов значительным образом скажется на историографической практике. Интересно отметить, что в рядах «скептиков» и «апологетов» строгой методологии часто встречаются одни и те же имена (например, P. Schmitter, J. Noordegraaf, K. Grotsch) [Elffers-van Ketel 1991]. Это свидетельствует о сложности и многоаспектности проблемы. Говоря о важности методологии, стоит отметить, что результаты исследования могут считаться валидными только при экспликации метода, которыми они были получены. Сложно не согласиться с Э. Элфферс-ван Кетел в том, что ограничение одной лишь импликацией теоретических предпосылок и методов приводит к неверифицируемости результатов исследования. Признавая тот факт, что методологические соображения в истории лингвистики играют второстепенную роль по сравнению с основной задачей дисциплины – созданием исторических нарративов – Э. Элфферс-ван Кетел отмечает, что совершенствование методологии и создание концептуального аппарата помогут уменьшить вероятность ошибок.

Как справедливо отмечает автор, в процессе исследования роль методологии может определяться знакомством исследователями с направлением работы. Если исследование стандартное, внимание к методическим аспектам может быть минимальным. Если работе присуща новизна, необходимо согласовывать каждое исследовательское действие с методическими требованиями, уделяя особое внимание составлению программы исследования и контролю результатов. Это прямым образом касается создания историографии лингвистики

стран и регионов, ранее не описанных в научной литературе, когда работа ведется практически «с нуля», не существует, например, одобренной научным сообществом периодизации предмета исследования, классификации материала по школам и направлениям или достоверных данных о влиянии концепций одних ученых на взгляды других и т. д. Поэтому, приступая к работе по написанию историографии лингвистики Канады XX в., мы не можем недооценивать роль методологии в историографической практике и не учитывать методологические проблемы лингвоисториографии, на которые указывают крупные ученые.

Е. Ф. К. Кёрнер, в частности, полагает, что лингвоисториографы сталкиваются с рядом методологических и эпистемологических трудностей, упоминая такие вопросы, как периодизация, контекстуализация, процедуры исследования в целом, смещение акцентов в современной лингвистической практике, определение этапов развития в рамках одного направления, роль контекста, в том числе социальнополитических факторов в установлении или отказе от определенного теоретического направления, разработка метаязыка [Коегпет 1995, с. 15]. Особое место в работах современных историков отводится обсуждению проблемы объективности исторических нарративов, а также вопросу развития исторического знания.

В историографической практике перед исследователем встает необходимость анализа и оценки достижений лингвистов за изучаемый период. По мнению немецкого историографа лингвистики П. Шмиттера, прогресс является как оценочной категорией, так и собственно объектом историографической практики [Schmitter 1987, с. 100].

Рассматривая прогресс как объект историографии, ученые разрабатывают модели развития науки, описывающие траекторию движения лингвистической мысли [Коеrner 1989, с. 51–55]. Но очевидно, что описание тенденций развития невозможно без оценки достижений коллег в имплицитной или эксплицитной форме. В этом отношении ценными представляется анализ подходов к категории прогресса П. Шмиттера, поскольку автор предостерегает историографов от слишком критичного или даже высокомерного отношения к достижениям предшественников. То, какую оценку историограф дает вкладу других ученых, зависит от его теоретико-методологических оснований. П. Шмиттер критикует идеалистическую телеологическую трактовку прогресса,

когда под целью подразумевается полное познание природы языка и структуры отдельных языков и приближение к истине.

Мнения современных ученых по поводу научного прогресса П. Шмиттер разделил на две группы. К первым он относит последователей традиции Х. Штейнталя (1823–1899) и Т. Бенфея (1809–1881), рассматривающих историю лингвистики как путь к современному состоянию науки (Г. Аренс, М. Ивич).

Более радикальная позиция в рамках данного подхода выражается в критике предшественников. В качестве примера П. Шмиттер упоминает слова Л. Блумфилда (1887–1949) из книги «Язык» (1933): «Поскольку отдельные ученые склонны повторять ошибки прошлого...» или Р. Робинса из книги «Краткая история языкознания», где Р. Робинс называет этимологию в диалоге «Кратил» неправдоподобной и причудливой [Schmitter 1982, с. 38–40].

Уместным представляется замечание К. Кёрнера о том, что ошибочно смотреть на прошлое глазами современника и судить о прогрессе, не принимая во внимание предпосылки и условия становления дисциплины [Koerner 1995, с. 17–18].

Для второй группы (В. К. Персиваль, А. Рей, Р. Таннер, К. Титер, Р. Тройк) характерен поиск «великих предшественников» — узнавание современных теорий в прошлом, утверждение факта влияния вне контекста. Представители такого подхода видят ценность идей Аристотеля, стоиков, Августина, средневековых ученых и мыслителей Возрождения исключительно в том, что они были предвестниками Ф. Соссюра, Р. Якобсона, Н. Хомского. По мнению П. Шмиттера, подобные попытки установления связи или выявления сходства между старыми и новыми теориями предпринимаются для придания современным идеям большей убедительности, ценности и даже изысканности [Schmitter 1982, с. 41–42].

Вопрос установления предшественников и выявления влияния занимал и К. Кёрнера. Он резко критикует коллег, развенчивая мнения о том, что, например, на А. Шлейхера (1821–1868) оказала влияние теория Ч. Дарвина, поскольку мысли об эволюции языка Шлейхер высказывал намного раньше; или о том, что трактовка Ф. Соссюром (1857–1913) языка как социального явления является результатом влияния социологических концепций Э. Дюркгейма (1858–1917). Конрад Кёрнер утверждает что, тот факт, что современники, говорящие на

одном языке, выражают похожие идеи, не доказывает влияние, и ссылается на ученика Ф. Соссюра, А. Мейе (1866–1936), который отрицает возможные связи и возможность влияние [Koerner 1995, с. 19–21].

Крайним проявлением второго подхода П. Шмиттер считает «виговскую интерпретацию истории», при которой отдельные факты вырываются из контекста и представляются как направление развития таким образом, что создаваемая история является «ратификацией» или восхвалением настоящего [Schmitter 1992, с. 42–43]. Эту же проблему затрагивает американский философ Р. Рорти (1931–2007), рассуждая о жанрах историографии философии, но эти соображения могут быть ценны и для лингвоисториографов. Доксографию Р. Рорти подвергает критике, называя такой вид работы «отчаянными попытками заставить Лейбница и Гегеля, Милля и Ницше, Декарта и Карнапа говорить об одних и тех же темах», «попыткой втиснуть проблематику в канон» [Рорти 2001].

Вышеупомянутые примеры довольно яркие и показательные, но нельзя не согласиться с тем, что академическая традиция и формальные требования к содержанию и представлению научных исследований минимизируют вероятность подобных выводов, однако в историографическом анализе важно учитывать возможность совершения таких ошибок, особенно при описании малоизученного автора, периода, региона или страны (например, Канада) при наличии рядом крупных лингвистических школ, формирующих тенденции развитиях лингвистики почти повсеместно (например, американский дескриптивизм, генеративная лингвистика, когнитивная лингвистика). Однако, делая выводы из классификации П. Шмиттера, мы не можем априори утверждать, что американские лингвисты повлияли на канадских. Для этого необходим тщательный нарративный исторический анализ.

Еще одной важной проблемой для историографической практики является вопрос объективности и истинности, который особенно остро встает во второй половине XX в. в связи с лингвистическим поворотом и ростом популярности нарративного направления в историографии.

Оппозиция «объективное — субъективное» подразумевает два противопоставления: личное — интерсубъективное и реальное — нереальное. Наивный реализм стоит на том, что объективные знания поступают только через органы чувств, а ошибки могут быть вызваны

субъективным вмешательством в процесс получения знаний. И хотя, как отмечает Э. Элфферс-ван Кетел, представление о том, то разум пассивно получает знание извне, заменились на идею о том, что разум активно формирует часть знаний, и наивный реализм больше не актуален, противопоставление «объективное — субъективное» остается важной дихотомией и интерпретируется на разный манер, сохраняя отчасти свое изначальное значение. Одной из таких модификаций значения объективности стало то, что объективизм относится к информации, носящей интерсубъективный характер, при этом не подразумевается, что знание соответствует внешнему миру. Возможна также и противоположная ситуация: объективизм подразумевает существование внешнего мира, не зависящего от нашего разума, без какого-то ни было акцента на соответствии между знанием и внешним миром. Значение термина «субъективизм» также варьируется [Elffers-van Ketel 1991].

При всех попытках избегать предвзятости, даже если фактические материалы считаются объективными, любая интерпретация событий влечет субъективную трактовку. В книге «Краткая история языкознания» Р. Робинс пишет, что не существует непредвзятой истории, потому что без субъективных суждений история представляла бы собой анналы (хронику) [Robins 1976, с. 3]. Исторические нарративы читают для первичного ознакомления с фактами, однако, они не являются простым собрание фактов. Факты и события представляют единое целое, что позволяет читателю понимать повествуемую историю.

Факты обременены теорий, поэтому их статус может быть дискуссионным. Установление того, какие факты нуждаются в интерпретации, и что считать удовлетворительной интерпретацией, зависит от общих методологических и теоретических оснований историка. Исторические исследования конструируются не свободно, а должны соответствовать фактам. Но поскольку сами факты – конструкты, объективность традиционно основывается на том, что в определенный период историки считают валидными и придерживаются определенных методов конструирования фактов. Таким образом, объективность в традиционном смысле является не чем иным как групповой субъективностью.

К. Кёрнер придерживается позитивистского подхода, поскольку в своих работах стремится к развенчанию мифов и установлению

фактов, которые бы говорили сами за себя. Его убежденность в том, что одни исторические исследования более правдивы, а другие являются всего лишь фантазией историографа — это то, в чем он расходится с П. Шмиттером. Однако К. Кёрнер отмечает, что П. Шмиттер не строго следует эпистемологическим и философским установкам, поэтому на выходе имеется традиционное историографическое исследование [Коеrner 1995, с. 21–22].

Рассмотрение К. Кёрнером модели Т. Куна приводит к утверждению ряда моделей («основное направление», «маятник», «относительный прогресс»), каждая из которых акцентирует отдельный аспект истории лингвистики и таким образом повествует только половину истории [Коегпет 1977, с. 170]. Наивный реализм К. Кёрнера основан на убеждении, что в конечном итоге интеграция всех моделей и соблюдение методологии исследования приведет к адекватному описанию того, как все в действительности происходило.

Ссылаясь на работу Б. Кроче, К. Кёрнер говорит о важности различения истории и хроники (регистрация событий, не различая важные и неважные). Столь же необходимо, по его мнению, разграничить термины «история» и «историография», поскольку история имеет свойство быть предвзятой, а историография должна разработать методологию, с помощью которой историограф сможет вооружить лингвиста знаниями, позволяющими ему избежать недостатков, ошибок и искажений предыдущих интерпретация истории. Иными словами, историография должна ориентироваться на теорию, а не данные, хотя сбор фактов все-таки является необходимой, но не достаточной частью работы историографа [Koerner 1995, с. 4-5]. Кроме того, К. Кёрнер оспаривает мнение Х. Уайтао том, что историограф свободен в интерпретации истории, и внимания историка заслуживают не только события, но анализ теорий и дискурс, создаваемый другими историками. К. Кёрнер полагает, что подобный подход не укрепляет методологические основания лингвистической историографии и не способствует приращению знаний [Коегпет 1995, с. 10].

Интересным представляется наблюдение Э. Элфферс-ван Кетел, которая рассматривает К. Кёрнера, с одной стороны, как историографа лингвистики, а с другой – как историографа историографии. Как историограф лингвистики он с полным правом критикует неэффективные методологии, приведшие к ошибкам, и предлагает альтернативные.

Во втором качестве он совершает ту же ошибку, которую разоблачает в своих работах: называет труды предшественников ошибочными и любительскими [Elffers-van Ketel 1991].

Критика П. Шмиттера в адрес К. Кёрнера касается объективистских взглядов Кёрнера на исторические факты. П. Шмитер полагает, что не существует «истинной» историографии лингвистики, поскольку историческое описание является не точной копией событий, а повествованием, в котором прошлое рассматривается с разных точек зрения и является реконструкцией с целью ответа на разные вопросы [Schmitter 1982, с. 192]. Субъективизм П. Шмиттера произрастает из сочетания наивного реализма и понимания того, что историческое знание не заключается в регистрации с фотографической точностью «действительного прошлого», а является конструктом историка.

Вероятно, каждый историограф стоит перед дилеммой объективизма—субъективизма, стремясь, с одной стороны, максимально точно и правдиво описать предмет исследования, выявить его свойства, структуру и динамику развития, а с другой стороны, осознавая ограничения, налагаемые характером исторических фактов, методологией, социальной и экономической ситуацией, «климатом мнений» и личностью самого субъекта исследования. Соглашаясь с П. Шмиттером в том, что амбиции историографа составить нарратив, описывающий события абсолютно так, как они происходили на самом деле, завышены, и, склоняясь к субъективизму в качестве теоретикометодологического основания, а точнее, принимая его неизбежность, считаем важным подчеркнуть, что субъективизм не приводит к меньшей степени научности или меньшей валидности результатов.

П. Шмиттер стремится к максимальному сходству между историческими нарративами и научными теориями: точка зрения, предложенная Артуром Данто (1965), — анализ исторического нарратива как элементов, функционирующих в качестве *explanandum* и *explanans*.

¹ Климат мнений — термин, который К. Кёрнер использует в своих работах со ссылкой на К. Беккера, обозначающий совокупность политических, экономических, социальных, моральных и интеллектуальных установок времени, влияющих на одобрение или отрицание научных идей (см. Коегпет 1995, с. 17; Koerner 2002, с. 41, 132, 164, 287, 298).

Примечательно, что П. Шмиттер сочетает крайний субъективизм с нарративизмом¹, что, кажется, минимизирует проблему интерсубъективной оценки: если удается эксплицитно установить, что через что объясняется, значит, эти элементы интерсубъективно проверяемы также, как и научные теории.

Сохраняя псевдообъективность в отношении фактов, П. Шмиттер придерживается субъективистских взглядов на уровне построения нарративов, в которые вписываются факты.

П. Шмиттер упоминает критерии, дающие основание предполагать наличие связи между фактами, но эти критерии относятся к фактическому уровню. Он использует термин «связь» (Verknüpfung) как для, с одной стороны, связей, которые историк акцентирует в презентации нарратива на поверхностном уровне текста (хронологическая, географическая, тематическая классификация материала); с другой – связи, которые историк расценивает как объяснение. Это двойственное употребление «связей» могло, по мнению Э. Элфферс-ван Кетел, способствовать «фактическому» взгляду П. Шмиттера на требования для установления обоих видов связи [Elffers-van Ketel 1991]. Причинная связь должна быть настолько же истинной, насколько и авторство текста. Релевантность причинных связей для использования в нарративе может определяться на усмотрение историографа. Претензии исторического повествования на истинность завышены, однако следование методологии при отборе фактов и установление связи между ними позволяет претендовать на правильность [Schmitter 1982, c. 196].

Голландский философ Ф. Анкерсмит, на чьи труды ссылаются большинство современных лингвоисториографов, не верит в возможность отказа от субъективизма и говорит о том, что каждая попытка избавиться от проявлений субъективности заменяется еще большим количеством новых необъективных утверждений. По мнению Ф. Анкерсмита, историческая перспектива — это вопрос личного предпочтения, поэтому исторические споры, по сути, неразрешимы. «Нарративные интерпретации обращаются к прошлому, а не корреспондируют

¹ Нарративизм — направление в историографии, основанное на аналитической философии истории, занимающееся интерпретацией исторических текстов.

и не соотносятся с ним. Нет никакой фиксированности в отношении между ними и прошлым. Нарративные интерпретации обладают природой предложений. Предложения могут быть полезны, плодотворны или нет, но не могут быть истинны или ложны; то же самое можно сказать относительно исторических нарративов» [Анкерсмит 2003, с. 122].

По мнению Ф. Анкерсмита, «нарратив – это предлагаемая точка зрения, с которой надо смотреть на освещаемые события. Это приводит к исторической реконструкции, в которую естественным образом вписываются факты и события [Ankersmit 1984, с. 187]. Хороший нарратив от плохого отличает то, насколько факты вписываются в логику исторической реконструкции. Для плохого нарратива характерны незавершенность, необъясненные факты, неправдоподобные события, неявные отношения, непоследовательность.

Ключевым понятием нарративной философии истории является понятие «нарративная субстанция», введенное Ф. Анкерсмитом. Нарративные субстанции выражаются через нарративные высказывания, составляющие исторический нарратив. По мнению И. В. Демина, концепт нарративной субстанции позволяет избежать субъективизма и сохранить научное понимание нарративной философии науки [Демин 2008, с. 4]. По мысли Демина, исторический нарратив не только выражает нарративную субстанцию, но и является заместителем исторического прошлого. Следовательно, различные исторические нарративы, выражающие одну нарративную субстанцию, являются различными вариантами замены самого прошлого, что сохраняет возможность достоверного знания о прошлом [Демин 2008, с. 6].

В. Н. Сыров, напротив, отмечает, что в рамках нарративного подхода «повествования становятся чуждыми тому миру, который авторы пытаются описать, в силу чуждости ему самой формы нарратива» [Сыров 2009, с. 39]. С точки зрения автора, подобный эскапизм создавать условия для навязывания определенного видения «в интересах господства и манипуляции» [Сагт D. 1991; цит. по: Сыров 2009].

Согласно наблюдению Э. Элфферс ван Кетель, философия науки отказалась от наивного реализма, но его следы еще сохраняются в философии истории. Философия науки разработала концептуальный аппарат, чтобы придать инсайтам и гипотезам интерсубъективный характер (объяснительная сила, интерпретативная теория). Философия

науки не стремится к полному отказу от субъективности, и даже такие философы, как И. Лакатос и С. Э. Тулмин, не дают четкого алгоритма для выбора между двумя глобальными теоретическими основаниями. Но это не значит, что выбор полностью свободный и зависит только от предпочтений ученого. Вся совокупность оснований конструирования и оценки теорий, предлагаемая философией науки, дает вероятностную возможность интерсубъективизма.

Философия истории сохраняет черты наивного реализма. Но это не значит, что философы не признают конструктом элементы историописания. Напротив, историк не открывает, а конструирует многие абстрактные элементы для интерпретации реальности. Поскольку исторические факты недоступны прямому наблюдению, основное внимание уделяется следам этих фактов – источникам.

Согласно Э. Элфферс-ван Кетел, в историографии лингвистики отношение к субъективизму и объективизму более схоже с отношением к субъективизму и объективизму в философии истории, чем в философии науки. Следствием наивного реализма является то, что для многих историографов дихотомия субъективность (предвзятость) и объективность (честность) остается актуальной. Нарративизм, по мнению Э. Элфферс-ван Кетел, является более сложной формой объективизма.

Э. Элфферс-ван Кетел объясняет скрытый наивный реализм в историографической практике, амбивалентно сочетаемый с субъективизмом на метауровне, интуитивной потребностью в дискуссии и оценке исторических нарративов [Elffers-van Ketel 1991].

Вопрос истинности и достоверности исторического знания важен как для историографии как науки в целом, так и для установления критериев оценки исторических нарративов в частности. Как сторонники объективизма, так и те, кто признает неизбежность субъективизма, отмечают, что необходимо продолжать совершенствовать методологию лингвоисториографических исследований, поскольку ее строгое соблюдение позволит избежать очевидных неточностей и минимизировать предвзятость.

Приведенный выше обзор мнений на данную проблему и краткое описание философско-теоретических принципов нарративного подхода позволяют сделать вывод о том, что субъективизм и объективизм в историографии вовсе не являются взаимоисключающими, а, напротив,

диалектически дополняют друг друга. Ценность методологии определяется ее способностью решать исследовательские задачи, соответственно, оценить методологию можно только постфактум, посмотрев на нее с «исторической дистанции». Следовательно, дальнейшие размышления на эту тему на основе данных о применимости теорий, приемов, философских оснований и результатов, которые они дают, или ошибок, к которым приводят, представляются важными, поскольку способствует оттачиванию методологии историографии лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003.496 с.
- *Бокадорова Н. Ю.* Проблемы историологии науки о языке // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 68–75.
- Дёмин И. В. Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2008. № 1. С. 3–10.
- *Popmu P.* Историография философии: четыре жанра [Электронный ресурс]. М.: УРСС, 2001. 256 с. Режим доступа: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Ror_IstFil.php (дата обращения 23.12.2017).
- Сыров В. А. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39–52.
- Ankersmit R. F. 1984. Denken overgeschiedenis. Eenoverzicht van moderne geschiedfilosofische opvattingen, Groningen (Wolters/Noordhoff). Цит. по: Elffers-van Ketel, Els. The Historiography of Grammatical Concepts: Nineteenth- and Twentieth-Century Changes in the Subject-Predicate Conception and the Problem of Their Historical Reconstruction. Amsterdam—Atlanta, GA 1991. 357 p.
- Brekle H. E. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Sprachwissenschaftsgeschichte? // Peter Schmitter (Hg.): Zur Theorie und Methode der Geschichtsschreibung der Linguistik. Analysenund Reflexionen. Tübingen 1987. S. 43–62. (Geschichteder Sprachtheorie 1.)
- Elffers-van Ketel, E. The Historiography of Grammatical Concepts: Nineteenth-and Twentieth-Century Changes in the Subject-Predicate Conception and the Problem of Their Historical Reconstruction [Электронный ресурс]. Режим доступа: play.google.com/books/reader?id=6Hs-OascahIC&hl=ru&printsec=frontcover&pg=GBS.PA9 (дата обращения: 23.12.2017). Amsterdam Atlanta, GA 1991. 357 p.

- *Koerner E. K. F.* On the non-applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics. In: JA. Kegle.a. (eds.) Proceedings of the seventh annual meeting of the North Eastern Linguistic Society. Cambridge. 1977. P. 165–174.
- *Koerner, E.F.K.* Practicing linguistic historiography: selected essays. John Benjamins Publishing, 1989. 454 p.
- *Koerner E. F. K.* Professing linguistic historiography. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1995. 274 p.
- *Koerner E.F.K.* What is the History of Linguistics Good for? // Beiträge zur Geschichte de Sprachwissenschaft. 1999. S. 209–230.
- *Robins R. H.* A Short History of Linguistics. 3d ed. London: Longman Group Limited, 1976. 248 p.
- Swiggers P. Linguistic Historiography: Object, methodology, modelization // TodasasLetras. 2012. Vol. 14, Issue 1. Universidade Presbiteriana Mackenzie, 2012. P. 38–53.
- Schmitter P. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik Struktur–Methodik–theoret. Fundierung / P. Schmitter. Tubingen: Narr, 1982. 232 S.
- Schmitter P. Fortschritt. Zu einer umstrittenen Interpretationskategorie in der Geschichtsbeschreibung der Linguistik und der Semiotik // P. Schmitter (Hg.). Zur Theorie und Methode der Geschichtsschreibung der Linguistik. Analysenund Reflexionen. Tübingen, 1987. S. 93–125. (Geschichteder Sprachtheorie 1.)

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'1

Н. Н. Германова

доктор филологических наук, профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: nata-germanova@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ТРУДАХ С.Т. КОЛЬРИДЖА: ПРОБЛЕМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье рассматриваются лингвофилософские взгляды С. Т. Кольриджа, прежде всего в области эпистемологии и герменевтики. Философские и эстетические воззрения Кольриджа получили неоднозначную оценку у исследователей его творческого наследия. Некоторые авторы готовы видеть в Кольридже центральную фигуру лингвофилософской мысли посткантианского периода, сопоставимую с В. фон Гумбольдтом, и предтечу философско-лингвистических движений ХХ в. Однако, на наш взгляд, в философии языка Кольриджа следует видеть попытку перехода от взглядов периода Просвещения к идеям Романтизма – попытку, которая так и не была окончательно завершена.

Ряд рассуждений Кольриджа, в том числе и в его знаменитой «Литературной биографии», отражают раннее увлечение поэта Дж. Локком и вписываются в характерную для эпохи Просвещения философию лингвистического скептицизма, для которой характерно сомнение в гносеологических возможностях языка. Хорошо согласуется с этими взглядами и его предложение о «десинонимизации» слов: о необходимости четко определить и разграничить значения слов писали еще Гоббс и Локк; свое практическое воплощение это положение нашло в нормативной традиции своего времени.

Однако, несмотря на так и не изжитую связь с предшествующей традицией, философия и эстетика Романтизма не могли не оказать влияние на взгляды Кольриджа на язык. С переходом Кольриджа в тринитарианскую веру поэт стал видеть в языке божественное начало, связывая язык с божественным духом (Логосом) как частью божественной Троицы. Значение языка для мышления Кольридж подчеркивал в своем труде «Логика», где он утверждал, что вопросы эпистемологии не могут быть разрешены без предварительного анализа лингвистических структур.

Новой является и трактовка Кольриджем содержания языковых знаков: в его интерпретации слова как «живые силы» обозначают не фиксированные идеи или устойчивые образы, а движение мысли и воображения. Поэт акцентировал подвижный характер контекстуального значения слова, которое, по его мнению, помимо

денотативного значения, могло также передавать настроение или намерения говорящего. Такой подход делает границы значения зыбкими и нечеткими. Используя термины В. фон Гумбольдта, можно сказать, что Кольриджа интересовал язык не как эргон, а как энергийя.

Еще более определенно идеи романтизма повлияли на отношение Кольриджа к вопросам герменевтики. Он разрабатывал концепцию креативного чтения, которое подразумевало не пассивное усвоение чужой мысли, а сотворчество, диалог автора с читателем. Концепция креативного чтения имела несомненное сходство со знаменитой гумбольдтовской антиномией понимания / непонимания, акцентировавшей субъективный характер понимания чужой мысли.

Герменевтические воззрения отразились и на литературном стиле прозы Кольриджа – усложненном, местами сумбурном и фрагментарном. Отказавшись от характерного для поэтики неоклассицизма принципа ясности, Кольридж культивировал фрагмент как литературный прием и развивал теорию символа, интерпретация которого опирается не только на рациональное начало, но и на интуицию. Хотя усложненный стиль его прозы не находил поддержки у большинства современников, Кольридж полагал, что таким образом он воспитывает читателя, заставляя его внимательно вчитываться в текст.

Ключевые слова: Кольридж; философия языка; эпистемология; герменевтика; эстетика, эпоха Просвещения; Романтизм.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology, Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: nata-germanova@yandex.ru

S.T. COLERIDGE'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE: PROBLEMS OF EPISTEMOLOGY AND HERMNEUTICS

The article highlights S. T. Coleridge's views on the philosophy of language with the focus on matters of epistemology and hermeneutics. Scholars studying Coleridge's literary heritage do not agree in their appraisal of his philosophical and aesthetical ideas. Some of them are ready to consider him the central representative of post-Kantian period, who can be compared to W. von Humboldt, and even a precursor of modern linguo-philisophical thought. However, in my opinion, Coleridge's philosophy of language shows an attempt at a transition from the ideas of the Enlightenment to those of Romanticism – an attempt, which was not fully completed.

Some of Coleridge's arguments, including some statements in his famous 'Biographia Literaria', reflect his early interest in J. Locke and comply with the philosophy of linguistic skepticism, typical of the Enlightenment, which revealed strong doubts in gnoseological capacities of language. His proposal for 'desynonymization' was also in full accordance with the ideas of the Enlightenment: the necessity to differentiate between semantically close words had already been discussed by Hobbs and Locke and found its practical realization in the prescriptive tradition of that time.

However, in spite of his reliance on the preceding tradition, Coleridge's views on language could not escape the influence of the philosophy and aesthetics of the Romanticism. The acceptance of the religious credo of Trinitarianism led him to believe in the divine nature of language, which was connected with Logos (Christ the Word) as part of the divine Trinity. In his 'Logic' Coleridge emphasized the importance of language for thought, claiming that questions of epistemology could not be solved without prior analysis of linguistic structures.

Coleridge's treatment of semantics also demonstrated a new approach: according to him, words as 'living powers' do not denote fixed ideas or stable images, but rather the process of thought and the work of imagination. In Humboldt's terms, it meant that Coleridge was largely interested in language as Energeia, not as Ergon.

The ideas of Romanticism found an even more definite expression in Coleridge's approach to problems of hermeneutics. Coleridge worked out a concept of creative reading, which presupposed not a passive acceptance of the writer's thought, but 'cocreation' – a dialogue between the author and the reader. The poet put an emphasis on the unstable contextual meaning of the word, which, in his opinion, besides the denotational meaning, could also express the mood and the intentions of the speaker. This concept had obvious similarity with Humboldt's antinomy of understanding/misunderstanding, which emphasized the subjective quality of understanding.

Coleridge's hermeneutic views made an impact on his literary prosaic style, which was complicated, sometimes chaotic and fragmentary. Rejecting the neoclassical principle of perspicuity, Coleridge widely used fragmentation as a literary device and developed a theory of symbol, the interpretation of which relies not only on rational reasoning, but also on intuition. Though his complicated style did not find support among his contemporaries, Coleridge believed that in this way he educated his reader, making the latter peruse the text more attentively.

Key words: Coleridge; philosophy of language; epistemology; hermeneutics; aesthetics; Enlightenment; Romanticism.

Введение

Статья не претендует на систематическое освещение философских воззрений Кольриджа и выяснение его связей с британской и немецкой философией (прежде всего, с трудами Канта и Шеллинга, на идеи которых он, с одной стороны, опирался, и с которыми, с другой стороны, полемизировал). Речь пойдет о лингвистической стороне его философии, т. е. о вопросах философии языка, в той мере, в которой они сопрягаются с проблемами эпистемологии и герменевтики.

Центральной проблемой философии языка является соотношение мысли и языка. Взгляд философов XVII–XVIII вв. на эту сложнейшую проблему хорошо выражает традиционная для этого времени концептуальная метафора, представлявшая язык как ОДЕЖДУ

МЫСЛИ. Впервые высказанная А. Попом в стихотворном трактате «Опыт о критике» (1711) и окончательно сформулированная С. Джонсоном в «Жизнеописаниях выдающихся английских поэтов» (1779), она закрепляет характерное для того времени представление о том, что язык оформляет уже в большей или меньшей степени сформировавшиеся идеи и, следовательно, является не столько средством познания, сколько средством коммуникации.

В эпоху Романтизма представления о взаимоотношении языка и мышления и природе творчества получают иную трактовку: философы и писатели-романтики усматривают между языком и мыслью более тесную «органическую» связь. Этот взгляд породил новые концептуальные метафоры: язык это ИНКАРНАЦИЯ МЫСЛИ или ТЕЛО МЫСЛИ (У. Вордсворт, Т. Карлайль, Т. де Квинси, О. У. Холмс и др.) [Германова 2017].

В этом культурном контексте было бы, конечно, очень заманчиво представить Кольриджа выразителем нового романтического взгляда на язык, который не столько отражает, сколько формирует мысль и создает картину мира, являясь орудием познания действительности. Однако, на наш взгляд, было бы неправомерно, вслед за Дж. МакКьюсиком и рядом других авторов, видеть в Кольридже центральную фигуру лингвофилософской мысли посткантианского периода, сопоставимую с В. фон Гумбольдтом, и предтечу философско-лингвистических движений ХХ в., воззрения которого перекликаются с идеями Л. Витгенштейна, Н. Хомского, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ю. Кристевой и др. Как справедливо отмечает Н. Рейд, есть тенденция делать слишком далеко идущие выводы относительно лингвистических интересов Кольриджа, «желание найти в его работах нечто близкое к утверждению Витгенштейна о том, что «границы моего языка означают границы моего мира» [Reid 2001].

Однако лингвофилософское наследие Кольриджа, на наш взгляд, оказывается более неоднозначным. Идеи Кольриджа трудно свести к четкой системе, и дело не только в фрагментарности и подчас эклектичности его высказываний или в том, что его философские взгляды претерпели на протяжении жизни существенные изменения. Еще важнее то, что Кольридж, возвращаясь к проблеме взаимоотношения языка и мышления на протяжении всей жизни, так, по-видимому, и не дал не только читателям, но и себе окончательного ответа на вопрос

о роли языка в формировании картины мира. Если в вопросах теологии и философии взгляды Кольриджа выстраиваются в относительно последовательную перспективу: от унитарианства к тринитарианству, от юношеского интереса к Локку и Гартли к Канту и Шеллингу [Зыкова 2016], то в вопросах философии языка картина оказывается менее однозначной, хотя в целом можно сказать, что принятие тринитарианства с его идеей Логоса заставило Кольриджа в большей мере, чем раньше, признать значимость языка в жизни духа.

Результаты исследования

На наш взгляд, в философских рассуждениях Кольриджа относительно соотношения языка и мышления мы видим попытку перехода от философских взглядов Просвещения к идеям Романтизма — перехода, который в его трудах так и не был окончательно завершен.

Кольридж и наследие эпохи Просвещения

В 1800 г. в письме другу двадцативосьмилетний Кольридж задается вопросами: «Действительно ли логика — это основа мышления? Другими словами, действительно ли *мышление* (курсив оригинала) невозможно без произвольных знаков? И в какой мере слово «произвольный» является неверным? Не являются ли слова частями и произрастанием Растения? И каков Закон их Роста?» (перевод автора. — $H.\ \Gamma$.) [Coleridge 1998, с. 93]. У Кольриджа нет однозначного ответа на эти вопросы.

Так, в «Литературной биографии» (1817) — зрелом произведении сорокапятилетнего автора — находим следующее, достаточно близкое к идеям Локка, суждение: «Лучшая часть человеческого языка, который заслуживает такого названия, проистекает из рефлексии над работой самого ума. Она образуется путем сознательного присвоения установленных символов внутренним актам, процессу воображения и его результатам» (перевод автора) [Coleridge 1984, с. 54]. В этом высказывании Кольридж полемизирует с Вордсвортом, полагавшим, что поэтический язык рождается в результате наблюдений над природой: язык, по Кольриджу, называет не явления природы, а акты мыслительной деятельности (ср. «идеи» Локка); в этом пассаже фигурируют «установленные» (fixed) и, видимо, произвольные знаки, а voluntary appropriation (сознательное присвоение) вызывает в памяти оборот voluntary imposition у Локка [Keach 2015, с. 17].

В «Литературной биографии» Кольридж выражает сомнение в возможности языка в полной мере отразить духовный мир человека: «Слова, в которые они (правила воображения. – Прим. Н. Г.) втискиваются, лишь очертания, внешняя оболочка плода. Как бы искусно ни была раскрашена подделка, мраморный персик останется тяжелым и холодным, и дети лишь приложат его к губам» [Кольридж 1987, с. 140]. Сомнение в гносеологических возможностях языка весьма близко к традиции лингвистического скептицизма, во многом определявшей представления о языке предшественников Кольриджа – философов эпохи Просвещения.

Рассуждения о том, что языки могут быть в отдельных случаях несовершенными орудиями передачи мысли, содержатся и в «Логике» – произведении Кольриджа, которое так и не увидело свет при жизни автора [Coleridge 1981]. Особенно важна, по Кольриджу, «десинонимизация», то есть тщательное разграничение синонимов: поскольку значения слов не всегда точно определены, может потребоваться изобрести новые термины или переопределить существующие [Кольридж 1987]. В этих рассуждениях (за исключением самого термина «десинонимизация») Кольридж опять-таки идет по проторенному пути: начиная с Ф. Бэкона, британские философы выражали беспокойство по поводу несовершенств естественного языка. В Англии о необходимости четко определить и разграничить значения слов писал еще Гоббс, а Локк посвятил несовершенствам языка большой раздел своего фундаментального труда «Опыт о человеческом разумении», который он так и озаглавил – «О несовершенстве слов».

В эту традицию вписывается и утверждение Кольриджа о существовании «тесной связи между точностью передачи мысли и привычкою к правильному мышлению», поскольку «правильная, чистая речь предотвращает формирование дурных привычек — второй натуры» [Кольридж 1987, с. 178—179]. В эпоху Просвещения рассуждения о «плутовстве слов» (the cheat of words) не ограничивались философским дискурсом и легли в основу практики нормирования английского языка [Германова 2014].

Развернутые рассуждения о роли языка в мыслительной деятельности находим в «Заметках к размышлению» – одном из поздних произведений автора (1825) [Coleridge 1831]. Они показывает, как в рассуждениях Кольриджа идеи Романтизма переплетались

с мыслями предшественников-просветителей. Так, Кольридж, в частности, утверждает: «Имя вещи ... выражает то, что понято рассудком... как условие ее реального существования, как доказательство, что это не случайная игра чувств, не склонность индивида, не фантом или видимость, то есть видимость, которая является только видимостью <...> Таким образом, во всех случаях, единственные и исключительные предметы рассудка — это слова, имена, или, если это образы, то образы, используемые как слова или имена <...>. Мы никогда не понимаем вещь как таковую, но только слово, которое к ней отсылает <...>. Никто не скажет, что он понимает Красное или Синее. Он видит цвет, и видел его раньше в многочисленных и разнообразных предметах, и понимает *слово* «красный» как отсылающее его фантазию или память к этому его собирательному опыту» (перевод автора. — *Н. Г.*) [Coleridge 1831, с. 222].

На первый взгляд, Кольридж утверждает, в духе философии языка Романтизма, исключительную роль языка в постижении мира (только наличие слова в языке свидетельствует о том, что явление было осознано и осмыслено) и даже предвосхищает идею о языке как о «третьем мире», стоящим между реальной действительностью и ее отражением в сознании человека.

Но для правильной интерпретации этих слов необходимо учесть, что Кольридж, вслед за Э. Кантом, разграничивал понятия разума (reason) и рассудка (understanding), отводя рассудку второстепенную роль по сравнению с разумом: деятельность рассудка ограничена переработкой впечатлений и ощущений, а разум постигает трансцендентные начала мироздания. Разум не связан с органами чувств и образами внешнего мира, это «орган над-чувственный», не опирающийся на опыт, он определяет принципы, которыми руководствуется рассудок: «Чувства воспринимают, рассудок постигает, разум осознает» [Coleridge 1867, с. 97]. Примечательно, что для Кольриджа язык оказывается связанным лишь с рассудком, но не с разумом как более высокой формой постижения действительности.

Что же касается положения о том, что человек непосредственно постигает не саму действительность, а обозначающие ее слова, то в этих рассуждениях можно заметить связь как с философией романтизма (Кольридж был лично знаком с В. фон Гумбольдтом и читал некоторые из его работ), так и с предшествующей философской

традицией. Так, еще Т. Гоббс, стоявший на позициях номинализма, утверждал, что работа ума заключается в способности именования вещей и связывания имен с их референтами. Дж. Локк также полагал, что человек знакомится со многими понятиями именно посредством языка: «Составляет ли хоть один человек из тысячи отвлеченную идею славы и честолюбия раньше, чем он услышит их имена?» [Локк 1985, с. 495].

Кольридж и идеи Романтизма

И всё же, конечно, несмотря на так и неизжитую связь с предшествующей традицией, философия и эстетика Романтизма не могли не оказать влияние на взгляды Кольриджа на язык. Отметим несколько важных моментов.

В своих размышлениях о сущности языка и мышлении Кольридж постоянно подчеркивает, что язык отражает процесс внутренней духовной деятельности, что соответствует его представлению о первичности духа. Одной из важнейших форм духовной жизни, по Кольриджу, является воображение, которое осмысляется, прежде всего, как познавательная, а не чисто эстетическая категория; оно позволяет человеку соприкоснуться с трансцендентным началом и понять его.

Кольридж различал первичное и вторичное воображение: первичное воображение – «это живая сила и главный посредник всякого человеческого восприятия, воспроизведение в конечном разуме вечного акта творения в бесконечном Я есмь» (перевод автора. – H. Γ .) [Coleridge 1847, с. 297], это способность разлагать и вновь синтезировать впечатления от окружающей действительности. Первичным воображением обладают все люди, так как без него невозможно мышление: в последнем, как пояснял Кольридж, действуют две противоположные силы – активная и пассивная, поэтому оно невозможно без опосредующей роли воображения, которое может быть и активным, и пассивным [там же, с. 127]. Вторичное воображение требует усилий сознательной воли и является основой творческой активности поэта. Как писал Кольридж, «здравый смысл – тело поэтического гения, Фантазия – его Одеяние, Движение – его Жизнь, Воображение же – Душа, пребывающая везде и в каждом и преобразующая все в единое грациозное и разумное целое» [Кольридж 1987, с. 104].

В отличие от Локка и его последователей, полагавших, что создателем языка является человек, Кольридж, по крайней мере в конце своего жизненного пути, видит в языке божественное начало, связывая язык с божественным духом (Логосом) как частью божественной Троицы. В «Маргиналиях» Кольридж – к этому времени сторонник тринитарианства и неоплатонизма – различает три языка: единосущный (consubstantial) божественный язык (Christ the Word), язык человека, произвольный по своей природе, и язык природы [Coleridge 2001, с. 305]. «Хотя язык (природы. – H. Γ .) не должен, как языки звуков или условных (conventional) форм, находиться в противопоставлении к Вещам ... все же это язык», – пишет Кольридж [цит. по: Reid 2001]. Природа для Кольриджа – это «более совершенный язык, чем язык слов, это язык самого Бога» [там же]. Этот взгляд соответствует пантеистическим представлениям философов-романтиков о природе как об одушевленном начале, имеющим единый сверхприродный источник.

В том, что касается трактовки Кольриджем человеческого языка, обращает на себя внимание динамичность содержания языковых знаков: они обозначают не фиксированные идеи или устойчивые образы, а плоды интеллектуальной деятельности, движение мысли и воображения, работу сознания; отсюда — определение слов как «живых сил» (living powers) [Coleridge 1831, с. xv]. Используя термины В. фон Гумбольдта, можно сказать, что Кольриджа интересовал язык не как эргон, а как энергийя.

Цитируя ветхозаветного пророка Иезекииля, которому явилось видение божественной колесницы (Славы Господней), Кольридж называет слова «колесами духа», которые следуют за духом (Куда дух хотел идти, туда шли и они ... ибо дух ... был в колесах) [Coleridge 1831, с. хі]. В этой развернутой метафоре дух (Логос) и слова оказываются неотделимы друг от друга (дух заключен в «колесах», т. е. в словах); отметим, однако, что движущей силой является именно дух – идея лингвистического релятивизма и активного влияния языка на мировосприятие оставалась, в целом, чужда Кольриджу. Похожая мысль заключена в другой метафоре Кольриджа: «Слово отличается от духа (mind), только как бриз отличается от воздуха» [цит. по: Reid 2001]: слово и дух неотделимы, дух наполняет слова и приводит их в движение, порождая речь.

Кольридж понимал значение слова весьма широко: «Я включаю в понятие значения не только объект изображения, но в одинаковой степени и порожденные им ассоциации. Потому что язык организован так, что передает не только понятие о самом предмете, но может передавать понятия о характере предмета, настроении или намерении того, кто изображает этот предмет» [Кольридж 1987, с. 177]. Речь, конечно, идет не столько о значении слова как готовой единицы языка, сколько о подвижном контекстуальном значении слова. Такое подход к семантике вполне современен: он делает границы значения зыбкими и нечеткими (в современной лингвистике это свойство значения обозначают как the fuzziness of meaning). Как будет показано далее, такой подход требовал пересмотра герменевтических требований к читателю, от которого Кольридж ожидал не столько исчерпывающего проникновения в мысль автора, сколько творческого диалога с ним.

О значимости языка для мышления Кольридж подробно писал в двух первых главах своей так и неопубликованной при жизни «Логики», которую исследователи считают попыткой поэта-романтика сформулировать посткантианскую эпистемологию [McKusic 2009]. Начав «Логику» с глав о языке, Кольридж более последовательно, чем в других трудах, подчеркивает значение языка для мышления, называя слова «органами человеческой души» [Coleridge 1981, с. 126]. Особенностью человеческого языка, которая и делает его полноценным языком (в отличие от систем коммуникации животных), Кольридж считал грамматику, которая организует лексикон и отражает структуру интеллекта. Особое внимание уделяется глаголу-связке, который, по его мнению, выражает первый акт самосознания, позволяя выразить акт осознания внутренней идентичности субъекта (*I ат – я есмь*) или указать на реальное или воображаемое существование объекта, обозначенного подлежащим [Coleridge 1981]. В терминах современного синтаксиса речь идет о предикативности – базовой категории коммуникативного синтаксиса.

Вопрос о соотношении языка и логики поднимался в европейской лингвистике и философии на протяжении многих веков, причем ответ на него радикальным образом отличался в зависимости от эпохи и убеждений автора. Так, если в Грамматике Пор Рояля (1660) структура предложения, по мысли авторов, отражает структуру логического суждения (включающего субъект, предикат и связку), то у Штейнталя, представителя психологического направления в языкознании

XIX в., категории языка и логики несовместимы и не соотносятся друг с другом.

Позиция Кольриджа по этому вопросу такова: превращение акта суждения в логическую пропозицию является по своей сути языковой операцией, которая лежит как в основе универсальной грамматики, так и логики [Coleridge 1981, с. 240]. Таким образом, поэт в большей мере, чем Кант, на труды которого он опирался и с кем полемизировал в своей «Логике», учитывал роль языка в процессе мыслительной деятельности: по мнению Кольриджа, вопросы эпистемологии не могут быть решены без предварительного анализа лингвистических структур, поскольку язык является единственно возможным средством интеллектуальной деятельности.

Идеи романтизма определяют отношение Кольриджа к вопросам герменевтики. Проблемы истолкования текста волновали Кольриджа и как литературного критика, оценивающего тексты великих предшественников и современников, и как философа — теолога, трепетно вчитывающегося в священные тексты, и как автора, озабоченного тем, как его сочинения воспринимают читатели, и как политического деятеля, обеспокоенного состоянием общественного мнения.

Кольридж разрабатывал концепцию креативного чтения, которое подразумевало не пассивное усвоение чужой мысли, а сотворчество. Объясняя, какие задачи он ставил перед собой при издании журнала *The Friend*, Кольридж пояснял, что он хочет «не столько продемонстрировать читателю тот или иной факт, сколько зажечь для него его собственный факел и предоставить ему самому выбрать те конкретные объекты, которые захотел бы рассмотреть в его свете» [Coleridge 1867, с. 6]. Кольридж ожидал от читателя не простого усвоения прочитанного материала, а его творческую переработку. Фактически речь шла о современной идее диалога автора с читателем.

Такое творческое чтение подразумевает отказ от следования внешним авторитетам и собственную оценку прочитанного. Кольридж поясняет, что соблазн опереться на мнение других возникает из-за желания «ослабить воздействие, и поначалу очень болезненное воздействие, которое производит подлинное мышление (really thinking), действительное обращение к внутреннему опыту» [цит. по: Heller 1990, с. 60]. В этом пассаже внимание привлекает определение подлинного мышления как обращения к личному «внутреннему опыту».

От этого определения остается всего один шаг до гумбольдтовской антиномии понимания / непонимания, т. е. понимания по-своему.

Для Кольриджа, в отличие от предшествующей традиции, ясность текста не является его достоинством: слишком простой слог приучает читателя к умственной лени. В этом плане характерен стиль прозы самого поэта — усложненный, местами сумбурный и фрагментарный. В своем литературном творчестве Кольридж был типичным представителем Романтизма, который характерному для неоклассицизма принципу ясности предпочел поэтику туманного и загадочного. Не случайно то внимание, которое романтики придавали символу: символ не до конца познаваем, он придает произведению недоговоренность и недосказанность, а за счет этого — возможность субъективной интерпретации с опорой не на рациональное начало, а на интуицию [Эко 2015, с. 114]. Поэтика символа гармонично вписывалась в герменевтику Кольриджа, и характерно, что именно Кольридж заложил основы теории символа в британской теории литературы.

Отметим, что и излюбленный Кольриджем фрагмент как прием литературного творчества культивировался теоретиками романтизма, прежде всего Ф. Шлегелем и Новалисом, с работами которых Кольридж был хорошо знаком: незавершенность фрагмента, как и символ, отвечала представлениям о непрерывном становлении творчества и познания и являлась выражением бесконечности идеала, который не может быть воплощен как завершенное целое [Михайлова 2015].

Заключение

Литературно-философское наследие С. Кольриджа отражает его движение от философии языка эпохи Просвещения к идеям Романтизма, чему способствовала эволюция его религиозных воззрений и обращение во второй половине жизни к тринитарианству. Новое понимание языка в духе гумбольдтовской энергии лишь отчасти воплотились в эпистемологических построениях Кольриджа, но в полной мере раскрылись в теории герменевтики и эстетике его художественного творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Германова Н. Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕЛАНД, 2014. 368 с.

- Германова Н. Н. Язык в зеркале когнитивных метафор: спор Просвещения с Романтизмом / Языковое бытие человека и этноса. Сб. статей по материалам XIII Международных Березинских чтений (Москва 15 мая 2017 г.). М.: ИНИОН РАН, 2017. С.88–96.
- Зыкова Е. П. Романтическое «Я» в поисках Бога: религиозно-философский опыт Кольриджа // Studia Litterarum. Vol. 1. № 3–4. 2016. С. 123–139.
- Кольридж С. Т. Bibliodraphia Literaria, или Очерки моей литературной судьбы и размышления о литературе / С. Т. Кольридж. Избранные труды. пер. В. М. Герман, В. В. Роговой. М.: Искусство, 1987. С. 381–385.
- *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. А. Н. Савина ; под ред. И. С. Нарского. Т. 1. М. : Мысль, 1985. 622 с.
- *Михайлова А. Е.* «Biographia literaria» С. Т. Кольриджа в контексте немецких влияний : дис. . . . канд. филол наук. М., 2015. 274 с.
- Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: АСТ, 2015. 348 с.
- *Coleridge S. T.* Aids to Reflection in the Formation of a Manly Character on the Several Grounds of Prudence, Morality, and Religion. 2nd ed. London: Hurst, Chance and Co, 1831. 408 p.
- *Coleridge S. T.* Biographia Literaria: Or, Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions. Vol. 1, part 2. London: William Pickering, 1847. 369 p.
- Coleridge C. T. The Friend: a series of essays to aid in the formation of fixed principles in politics, morals, religion. London: Bell &Daldy, 1867. 389 p.
- Coleridge S. T.: Biographia Literaria, or, Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions. Princeton: Princeton University Press, 1984. 409 p.
- Coleridge S. T. Logic. London: Routledge & Kegan Paul, 1981. 420 p.
- Coleridge S. T. The Theory of Language. In 3 vols. Vol. 3. On Language. London: Macmillan Press LTD, 1998. P. 89–120.
- Coleridge S. T. Marginalia / The Collected Works of Samuel Taylor Coleridge, Vol. VI. Princeton University Press, 2001. 760 p.
- *Heller J. R.* Coleridge, Lamb, Hazlitt, and the Reader of Drama. Columbia London: University of Missouri Press, 1990. 224 p.
- *Keach W.* Arbitrary Power: Romanticism, Language, Politics. Princeton: Princeton University Press, 2015. 208 p.
- *McKusic J.* Coleridge and Language Theory // The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge / ed. by F. Burwick. Oxford: Oxford University press, 2009. P. 572–587.
- Reid N. Coleridge, Language, and Imagination // Romanticism on the Net. N.22, May, 2001. URL: www.erudit.org/fr/revues/ron/2001-n22-ron434/005977ar/ (дата обращения 30.07 1017).

УДК 81.1

И. А. Кириллов

кандидат технических наук, доцент, профессор каф. информационной безопасности МГЛУ; e-mail: iakirillov@qmail.com

ХРИСТИАН ГОЛЬДБАХ – МАТЕМАТИК, ЛИНГВИСТ. КРИПТОГРАФ

В статье рассмотрены основные научные дарования ученого-энциклопедиста XVIII в. Христиана Гольдбаха, который эрудицией и красотой речи покорял всех знавших его современников. Наряду с широко известными интересами Гольдбаха, связанными с математикой, освещаются его менее известные лингвистические таланты, проявившиеся на должности ученого секретаря и историографа Петербургской академии наук. В заключительной части приводятся почти не известные научно-практические достижения Гольдбаха по дешифровке переписки зарубежных дипломатов аккредитованных в России в 40–60-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: проблема Гольдбаха; математика; лингвистика; криптография.

I. A. Kirillov

PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Professor, Faculty of International IT Security, MSLU; e-mail: iakirillov@gmail.com

CHRISTIAN GOLDBACH: MATHEMATICIAN, LINGUIST, CRYPTANALYST

The paper covers core scientific talents of the XVIII century polymath Christian Goldbach, who mesmerized the contemporaries by comprehensive knowledge and luminous eloquence. Alongside with Goldbach's widely known mathematic accomplishments, the thesis spotlights his less recognized linguistic gifts proved out in the role of academic secretary and historiographer at St. Peterburg Academy of Sciences. Goldbach's almost unknown research and practical achievements in breaking a cipher used by accredited foreign diplomats that worked in Russia in 40–60s years of the XVIII century come to crown the work.

Key words: Goldbach's Conjecture; mathematics; linguistics; cryptography.

Архимеда будут помнить, когда Эсхила уже забудут, потому что языки умирают, а математические идеи – нет [Харди 2000].

Гольдбах Христиан родился 18 марта 1690 г. в семье профессора истории и красноречия Кёнигсбергского университета. Род Гольдбахов

восходит к гроссмейстерам Тевтонского ордена. Гольдбахи упоминаются в документах XIII в.

Сведений о его детстве и юности не сохранилось. По-видимому, образование он получил в Кёнигсбергском университете, где преобладающими дисциплинами в то время были богословие, схоластическая философия и право. Тем не менее имеются свидетельства того, что уже с 1708 г. Гольдбах интересуется математикой, к которой он испытывает явную склонность [Юшкевич, Капелевич 1983].

Желания пополнить свои знания побуждают восемнадцатилетнего Христиана в 1708 г. направиться в Лейпциг, где в то время обучался его брат Генрих. Возможно, с этого путешествия Гольдбах на многие годы становится студентом, странствующим по европейским центрам науки и культуры, где берет уроки алгебры, геометрии, астрономии, черчения, музыки (скрипка и флейта), юриспруденции. Он слушает университетские курсы, участвует в диспутах, посещает библиотеки, знакомится с университетскими профессорами.

В далеко неполный список городов, которые Гольдбах посетил с 1711 по 1714 гг., входят: Данциг, Берлин, Лейпциг, Женева, Амстердам, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Брюссель, Париж, Рим, Вена, Прага... По имеющимся архивным данным, трудно понять, почему молодой студент Христиан Гольдбах везде, где бывал, встречал теплый прием даже самых знаменитых ученых. А с выдающимся математиком, механиком, физиком, философом, логиком, юристом, историком, дипломатом, изобретателем и языковедом, основателем и первым президентом Берлинской Академии наук Готфридом Вильгельмом Лейбницем, познакомившись в 1711 г., многократно встречался и находился в постоянной переписке долгие годы.

К 1711 г. Гольдбаху пошел только двадцать первый год. Представлению о молодом Гольдбахе может способствовать отрывок одного из первых его писем к Готфриду Вильгельму Лейбницу. Х. Гольдбах — Г. В. Лейбницу, 22 мая 1711 г., из Лейпцига: «Когда ты, славнейший и превосходнейший муж, недавно милостиво удостоил меня своей беседы, ты наполнил душу своего внимательного слушателя таким обилием полезнейших вещей, что я ушел от тебя изумленный и в какомто немом оцепенении. Ведь даже по тем отдельным каплям, которые я свободно черпал в течение часа, нетрудно было представить себе безбрежный океан твоих знаний. До меня, пребывавшего на отдаленном

побережье Балтийского моря, уже много лет назад дошла слава высокого имени твоего, и ничто не могло быть для меня желаннее, чем сверх всякой надежды быть удостоенным чести беседы с тобой. Я никогда не забуду твоей доброты, которая под стать высшим дарованиям твоего гения. Язык мой слишком беден, чтобы ее достаточно восхвалить. Ведь она давно известна всем людям разума, и воздать ей похвалу в полной мере невозможно...»¹.

Этот отрывок еще раз подтверждает неутомимое с молодых лет стремление Гольдбаха расширять свои знания в любой сфере науки, литературы, искусства, техники; его необычайную общительность, редкое умение завязывать и затем поддерживать путем переписки многочисленные знакомства.

В 1712 г. во время путешествия в Англию Гольдбах посещает Лондонское Королевское общество и знакомится с Исааком Ньютоном. В Оксфорде он осматривает анатомический музей и библиотеку и знакомится с находящимся в то время там швейцарским математиком Николаем Бернулли (1687–1759). По возвращении в Лондон Гольдбах знакомится с директором Гринвичской обсерватории астрономом Эдмундом Галлеем (1656–1742) и математиком Абрагамом Муавром (1667–1754).

По-видимому, к этому времени относится первый известный математический результат Гольдбаха, который он сформулировал во время общения с Муавром: «Разность любого целого квадрата и 2 не делится нацело на 3». Этот результат Гольдбах в письме к Байеру (Готлиб Зигфрид Байер 1694–1738 – немецкий историк, филолог, один из первых академиков Петербургской академии наук и исследователь русских древностей, зачинатель истории как науки в России) называет «математическое открытие»².

В современной терминологии утверждение Гольдбаха формулируется следующим образом: «2 является квадратичным невычетом по модулю 3».

Это утверждение в общем случае следует из известной теоремы теории чисел, а именно: данное целое число a является квадратичным

 $^{^1}$ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 181, опись 16, дело № 1409 — дневниковые записи за 08.1710—10.1714.

 $^{^2}$ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 181, опись 16, дело № 1410 л. 529–532.

вычетом по модулю простого числа p (p > 2) тогда и только тогда, когда $a^{\frac{p-1}{2}} \equiv 1 \pmod{p}$, и является квадратичным невычетом по модулю p тогда и только тогда, когда $a^{\frac{p-1}{2}} \equiv -1 \pmod{p}$.

В рассматриваемом случае a=2, p=3, тогда $2^{\frac{3-1}{2}} \equiv (\text{mod } 3)$ $\equiv 2 \pmod{3} \equiv -1 \pmod{3}$, откуда и следует «математическое открытие Гольдбаха».

Может быть приведено и элементарное доказательство данного утверждения, доступное любому, не обремененному высшим образованием человеку. Действительно, для любого целого числа a при попытке его деления на 3 существует только три следующие возможности:

число разделится нацело, при этом a = 3z, где z некоторое целое число;

число разделится с остатком 1, при этом a = 3z + 1, где z некоторое уелое число;

число разделится с остатком 2, при этом a = 3z + 2, где z некоторое уелое число.

Если число a возвести в квадрат и вычесть 2, то для каждого из трех возможных случаев будет, соответственно, получено:

$$a^2 - 2 = (3z)^2 - 2 = 3 \times 3z^2 - 2 = 3(3z^2 - 1) + 1$$
; при делении на три будет остаток 1;

$$a^2 - 2 = (3z + 1)^2 - 2 = 9z^2 + 6z + 1 - 2 = 3(3z^2 + 2z - 1) + 2$$
; при делении на три будет остаток 2;

$$a^2 - 2 = (3z + 2)^2 - 2 = 9z^2 + 12z + 4 - 2 = 3(3z^2 + 4z) + 2$$
; при делении на три будет остаток 2.

А это и означает справедливость утверждения Гольдбаха, что «Разность любого целого квадрата и 2 не делится нацело на 3».

За этим частным математическим результатом, относящимся к теории чисел, и полученным 22-летним юношей последовали и другие более содержательные и глубокие исследования Гольдбаха в различных областях математики.

В конце 1714 г. Христиан вернулся в родной Кёнигсберг. К сожалению, за последующие три года, проведенные в Кёнигсберге, его дневниковых записей не сохранилось. Возобновляются записи в дневнике только в 1718 г. Дневники Гольдбаха содержат записи на немецком и латинском языках, в переписке используются французский, итальянский, а позднее и русский языки.

Из этих записей следует, что Гольдбах в это время отправляется в Швецию, где знакомится с учеными и общественными деятелями. В 1721 г. Швеция подписывает Ништадтский мир и признает права России на значительные территории побережья Балтийского моря. В Стокгольме Гольдбах познакомился с известным шведским математиком Андерсом Дурэ, беседы с которым побудили его оформить в виде научной статьи открытые им методы суммирования рядов. Статья эта была опубликована в Лейпциге в «Трудах ученых за 1720 год». В том же номере журнала была опубликована рецензия Гольдбаха на монографию Дурэ «Обстоятельное введение во всеобщую арифметику и алгебру».

После Швеции ученый еще несколько лет продолжает странствовать по Европе, заводя всё новые знакомства в научном мире. В этот период в одном из писем он приводит слова Сенеки (римский философ, поэт и государственный деятель): «Я не рожден в одном уголке, родина моя – весь мир».

В период с 1721 по 1724 гг. Гольдбах вел активную математическую переписку с Якобом Германом (Якоб Герман (1678–1733) — швейцарский математик, член Берлинской (1701), Болонской (1708), Петербургской (1725) и Парижской академий наук (1733)). В этой переписке обсуждался найденный Гольдбахом способ преобразования числовых рядов, не изменяющий суммы ряда; проблемы математического анализа; задачи по теории вероятностей; задачи квадрируемости луночек и многое другое. Позже (начиная с 1724 г.) в их переписке всё чаще начинает занимать тема создания Петербургской академии наук. Причем именно по рекомендации Гольдбаха членами Петербургской академии наук стали братья Бернулли Даниил и Николай.

В начале 1725 г. в Берлине Гольдбах встречался с русским посланником А. Г. Головкиным, который занимался подбором кадров для Петербургской академии наук [Юшкевич, Капелевич 1983]. Летом того же года без официального приглашения Гольдбах сам отправился в Россию. 4 июля 1725 г. из Риги он написал Блюментросту (Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692–1755) — первый президент Петербургской академии наук с декабря 1725 по июль 1733 гг.), тогдашнему исполняющему обязанности президента Петербургской академии наук: «Решение гг. Германа и Бюльфингера, о котором я узнал

от них, относительно их поступления на службу в Петербург так понравилось мне, что я намерен, если это возможно, присоединиться к этим ученым мужам, и смею сказать, что и, по их мнению, я не буду бесполезен для Академии наук...»¹.

Блюментрост сразу же ответил, что он очень сожалеет, но все места уже заняты. Но это не остановило Гольдбаха, и 27 июля он прибыл в Петербург. При личной встрече ученый своей эрудицией и красотой речи покорил Блюментроста. И тот нашел для него должность секретаря с обязанностями писать на латыни протоколы заседаний (конференций академии), готовить издание трудов и осуществлять переписку с учеными, а также вести историографию академии. 26 августа 1725 г. Гольдбах в составе группы академиков, только что созданной Петербургской академии наук, был представлен императрице Екатерине I [Юшкевич, Капелевич 1983].

Следует сказать, что математическая активность Гольдбаха в России заметно возросла. Объясняется это, по-видимому, тем, что в Петербургской академии он с самого начала оказался в тесном контакте с большой группой выдающихся математиков, среди которых были ранее упомянутые Якоб Герман и Даниил Бернулли, а также Николай Бернулли и гениальный Леонард Эйлер (1707–1783).

С 1725 по 1727 гг. Гольдбах, как и другие академики, неоднократно выступал с докладами на заседаниях Академической конференции. В этой связи показательна часть, относящаяся к Гольдбаху, из отчета о деятельности Академии наук, направленная в 1728 г. на имя императора Петра II. Кроме того, приводимый ниже отрывок указанного отчета интересен попыткой использования русской математической терминологии в противовес терминологии латинской.

«Христиан Гольдбах кроме истории академические, которую написал, следующие статьи Академии наук предложил, от них же множайшие и алгебре, и к счислению дифференциальному, или разноственному, интегральному, или цельному принадлежат, которое от многих уже лет знатных геометров разумы потрудило:

1. Понеже в квадратурах плоскостей криволинейных и в выправлениях кривых по часту к рядам бесконечным прибегать надлежит, способ показал, чем данный каждый ряд на бесконечные другие той

 $^{^{1}}$ Ленинградское отделение Архива АН СССР. Российский (ЛО ААН СССР). Фонд 1, опись 3, дело № 11 л. 2–3.

же суммы преобразить можно. Помощию сего способа, быть может, что неудобные и прикрытые ряды на другие или весьма удобослагаемые или поне к деланию удобнейшие обратятся.

- 2. Показал бесконечные суммы рядов, их же вси пределы и край к генеральной формуле приведены быть могут, а понеже сумма к данному коему либо пределу ни единым доселе ведомым художеством генерально изобразится может. Такие ряды от оных, которые о том писали, поелико ведомо есть, никогда учреждены были.
- 3. Генеральное дал решение проблемы о разделении данные коее либо кривые на коликие либо доли, их же субтенсы да будут в данной всякой прогрессии.
- 4. И понеже начальная часть алгебры состоится в решении равенств, а ни единой способ изобретен, чтоб общественно решить сравнения, которые четвертую мощь превосходят, показал, что в равенствах пяти, седми и прочих мочей неравных везде бесконечные подаются случаи, по них же о влечение радиксов да наступает, и сим образом феорему знатнейшаго Моврея (т. е. Муавра), которая в Актах содиетета английскаго имеется, бесконечно генеральнее показал.
- 5. Феоремы некоторые, ими же бесчисленные падежи сравнения разноственного в целость приведены быть могут, предложил и доказал»¹.

В первом и во втором пунктах речь идет о статьях Гольдбаха по теории бесконечных рядов, в третьем — о разделении кривых на части с заданными хордами и в пятом пункте — об интегрировании дифференциального уравнения специального вида. В четвертом пункте имеется в виду несохранившееся доказательство известной теоремы «Моврея» — Муавра об извлечении корней, которое Гольдбах представил Академической конференции.

С 1727 г. в жизни Гольдбаха начались существенные перемены. После многократных настойчивых предложений он был вынужден согласиться стать воспитателем великого князя, а впоследствии — императора Петра II и переехать в Москву. 1730 г. Петр II умер от оспы, и на престол вступила Анна Иоанновна. Только в 1732 г. двор Анны Иоанновны переехал в Петербург, с ним возвратился в академию и Гольдбах.

¹ Записки императорской Академии наук. Т. 7. Приложения. Отчет о занятиях в 1863–1864 годах по составлению истории Академии наук. С. 22–23.

В 1737 г. президент Петербургской академии наук того времени И. А. Корф просит Кабинет министров императрицы «придать ему в товарищи юстицкого советника Гольдбаха, который как в высочайших, так и в прочих полезных науках великое искусство имеет». Последовал указ Сената о награждении Гольдбаха рангом коллежского советника. Однако это награждение увязывалось не столько с научной, сколько с административной его деятельностью. Формально это означало назначение его заместителем президента академии по Конференции (по научной работе) с правом решать различные хозяйственные и представительские дела и подписывать соответствующие документы [Юшкевич, Капелевич 1983].

Хотя в академии были опытные переводчики, и почти все академики владели латинским языком, но часто обращались к Гольдбаху как к большому знатоку языков и стилисту. Так, Гольдбах был автором текста речи, произнесенной в феврале 1740 г. кабинет-министром Черкасским на празднестве по случаю мира с Турцией. Речь была издана на русском, немецком, французском и латинском языках. Гольдбаху принадлежат все тексты, кроме русского. Когда по разным торжественным случаям возникала необходимость написания латинских стихов, то поручалось это опять Гольдбаху. Следует особо отметить, что стихи Гольдбаха на латинском языке восхищали многих любителей античности того времени, сравнивавших его с Вергилием [Юшкевич, Капелевич 1983].

Ученый неоднократно подавал прошения об освобождении его от обязанностей не связанных с его академической деятельностью. Президент Петербургской академии наук И. А. Корф перед уходом из академии распорядился Гольдбаха от «канцелярских дел» освободить и оставить за ним только руководство делами, касающимися «до наук» [Юшкевич, Капелевич 1983].

В апреле 1740 г. академия получила нового президента — Карла фон Бреверна. Но он, в отличие от Корфа Бреверн, почти не посещал Конференцию (собрания Академии наук) и вообще мало бывал в академии. Поэтому Гольдбаху и впрямь пришлось взять на себя так тяготившие его рутинные административные хлопоты.

Возможно и по этой причине, когда Бреверн, с восшествием на престол в ноябре 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны, оказавшийся в руководстве коллегией иностранных дел, предложил Гольдбаху поступить на службу в это ведомство, тот ответил согласием.

В марте 1742 г. императрица Елизавета Петровна подписала Указ о назначении Гольдбаха на «особливую должность», пожаловала его в статские советники и повелела «быть ему при коллегии иностранных дел, а от Академии наук его отставить» [Юшкевич, Капелевич 1983]. Таким образом, с 1742 г. до самой смерти в 1764 г. официальная деятельность Гольдбаха связана с «особливой должностью» криптоаналитика только что созданной дешифровально-разведывательной службы.

По свидетельству архивных данных, именно в начале 40-х гг. XVIII в. в России была создана служба перлюстрации – тайного вскрытия и копирования дипломатической корреспонденции (в современной терминологии — служба перехвата разведывательной информации). Создание этой службы связано в первую очередь с именем Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1693—1766). В так называемых черных кабинетах письма иностранных дипломатов вскрывались, копировались, переводились и докладывались Бестужеву-Рюмину. Однако часто самые важные фрагменты писем были зашифрованы и прочтению не поддавались. Естественно возникла настоятельная необходимость организации дешифровальной службы [Соболева 1994].

По-видимому, Бестужев-Рюмин, исходя из своего богатого европейского опыта, знал, какого именно профиля специалист был необходим для дешифровальной деятельности. Таким образом, именной Указ императрицы Елизаветы о назначении Гольдбаха на «особливую должность» состоялся 18 марта 1742 г., а дело об этом в архиве МИД озаглавлено «Об определении в Коллегию иностранных дел бывшего при Академии наук профессора Христиана Гольдбаха»¹.

С этого времени вся дальнейшая жизнь Гольдбаха была связана с дешифровальной службой. Успеха в своей деятельности он достиг не сразу, а только через год. На полях копии одного из дешифрованных им писем датированного июлем 1743 г., имеется надпись: «Разобраны с цифр искусством статского советника Гольдбаха; в цифрах имевшиеся места внесены, для знака линиями подчерчены и прочее малое число еще не разобранных цифров каждая тремя пунктами означены»². Это значит, что в представляемых вице-канцлеру

 $^{^1}$ Архив внешней политики России. Фонд — Внутренние коллежские дела. Опись 2/6, дело 813, л. 6.

 $^{^2}$ Архив внешней политики России. Фонд — Секретнейшие дела. Опись 6/1, дело 16.

Бестужеву-Рюмину переводах перлюстрированных писем те места, которые дешифрованы, подчеркнуты, чтобы было ясно, какая именно информация была зашифрована.

30 июля 1743 г. Гольдбах представил Бестужеву-Рюмину пять дешифрованных писем, 2 августа — также пять, 10 августа — два, 20-го пять, 27-го — два, 30 августа — два письма... Всего с июля по декабрь 1743 года им было дешифровано 61 письмо «министров прусского и французского дворов»¹.

Дэвид Кан в своей знаменитой книге ошибочно пишет о том, что первое дешифрованное российскими криптографами письмо было показано императрице Елизавете 16 июня 1744 г. И было это письмо посла Франции маркиза де ла Шетарди, в котором он неуважительно отозвался о русской императрице. Кан говорит о том, что Елизавета, «будучи ослепленной своими симпатиями к Франции, отказалась поверить этому письму, пока оно не было дешифровано в ее присутствии» [Кан 2000].

По-видимому, дело обстояло иначе. Начиная с Петра I, все российские монархи в обязательном порядке имели шифры и вели с их помощью деловую переписку. Елизавета Петровна не являлась исключением и, более того, вопросам деятельности криптографической службы уделяла особое внимание. Как было сказано выше, с самого начала работы по перлюстрации корреспонденции иностранных дипломатов канцлер и вице-канцлер докладывали полученную информацию Елизавете Петровне, о дешифровальной деятельности Гольдбаха она также была прекрасно осведомлена. В январе 1744 г. с Гольдбахом был перезаключен Договор о службе в России именно на основании его успехов в дешифровальной деятельности. Указ подписывала сама императрица Елизавета. Из протокола докладов императрице Елизавете от 3 января 1744 г.: «....слушать же и всемилостивейше апробовать соизволила проект заключаемого статским советником Гольдбахом о вступлении его в российскую службу контракта (до той поры Гольдбах оставался прусским подданным). И при том, по всеподданнейшему докладу, не соизволено ль будет ему, Гольдбаху, за прилежные его труды и особливое искусство в разбирании цифирных секретных писем вознаграждение до 1000 рублей

¹ Там же.

пожаловать, Ея Императорское Величество на сие всемилостивейше соизволила»¹.

Что касается Шетарди, то чтение его переписки было лишь одним из эпизодов в дешифровальной деятельности Гольдбаха, а отнюдь не первым опытом, поэтому дешифрованное письмо Шетарди никак не могло «поразить» прекрасно информированную императрицу.

Это подтверждает деловая записка того времени: «Переводы корреспонденции маркиза Шетарди с французскими министрами при иностранных дворах и ответы к нему. Сие почти все в цифрах писано было, но которые статский советник Гольдбах особливым искусством и неусыпным трудом, кроме некоторого малого числа, соизволил разобрать и ключ сочинить, как о том следующей пиесы (следующего сообщения) перевод с его письма гласит». На полях же рядом с этим текстом написано: «Сии пиесы поданы Ея Императорскому Величеству самим государственным вице-канцлером в 3 апреля 1744 года». И текст записки далее: «Итако сие уже четвертая цифирь, которую помянутый статский советник разобрал. <...> По неже он уповает в кратком времени употребляемую и статским секретарем Амелотом и придворную цифирь маркиза Шетардия разобрать...»². Таким образом, можно констатировать, что шифр Шетарди для переписки с другими французскими министрами был четвертым по счету из тех, что раскрыл Гольдбах.

Именно с момента появления Гольдбаха в штате Коллегии иностранных дел в Коллегию начинают поступать распоряжения Бестужева-Рюмина тщательно копировать письма целиком, ни в коем случае не опуская в них шифрованных фрагментов.

Сам Гольдбах прекрасно понимал значение своей работы и стремился разъяснить вице-канцлеру ее сложность. Так, в январе 1744 г. он писал Бестужеву-Рюмину: «Милостивый государь мой! Принося Вашему сиятельству первые плоды третьяго цифирного ключа, надеюсь, что вместо нарекания мне какого-либо в том медления, паче моей поспешности удивляться причину иметь будут, ежели когда-нибудь соизволено будет сличать самой ключ с разобранными письмами и когда усмотрится, что потребно было каждое число или каждую

 $^{^1}$ Архив внешней политики России. Фонд — Секретнейшие дела. Опись 6/1, дело 16.

² Там же.

цифру весьма прилежно свидетельствовать, нежели возможно было познать содержание хотя б одного письма. Но понеже сия работа уже сделана, то я в состоянии нахожусь, в день по одной пиесе разобрав, отдавать, ежели я, однако ж, другими делами от того отторгнут не буду. Что же касается до четвертого и пятого ключей, от которого я еще несколько штук (писем) в руках имею, то оныя ключи несравненно труднее первых нахожу...»¹.

Гольдбах продолжает трудиться. Дешифруя переписку Шетарди, он стремится раскрывать всё новые ключи. 20 марта 1744 г. он пишет Бестужеву-Рюмину: «Понеже я в четвертой цифири успех возымел, того ради я в состоянии буду Вашему сиятельству не токмо по пиесе (по письму) на день из тех, которые Вы мне прислали, возвращать, но, как скоро токмо Вы мне приказать изволите, и цифирный ключ вручить, способом которого каждому, который по-французски разумеет, все написанные той же цифирью пиесы расшифровать весьма легко сможет <...>. В настоящее время я занимаюсь пятой цифирью, которая по своему виду гораздо важнее пиесы откроет. Но всепокорно Ваше сиятельство прошу мне по меньшей мере две недели сроку дать, дабы я себя в состояние привесть мог Вам такой опыт представить, который бы Вашей апробации достоин был. Вашему сиятельству существо подобного труда весьма известно, дабы мне сего дозволить, в которое я все свое возможное прилежание приложу, дабы Ваше сиятельство о моем безмерном желании повелением Вашим удовольствие показать... $>^2$.

Таким образом, напрашивается вывод, что за время с 1741 по 1744 гг. Гольдбаху удалось выработать систему приемов и методов дешифрования секретной переписки, которые позволяли ему добиваться успеха в весьма короткие (по меньшей мере две недели) сроки.

Работа Гольдбаха на поприще дешифрования не оставалась без внимания и высоко ценилась императрицей. В 1760 г. ученый был пожалован в тайные советники. Это было одно из самых высоких званий в Российской империи, и награждались им дворяне за особые заслуги перед Отечеством.

 $^{^{1}}$ Архив внешней политики России. Фонд — Секретнейшие дела. Опись 6/1, дело 16.

² Там же. Опись 6/1, дело 814.

Если сравнивать криптографию и криптоанализ, то необходимо иметь в виду, что криптография исследует свойства и принципы построения алгоритмов преобразования информации, обеспечивающих ее надежную защиту. Предметом же криптоанализа является исследование и практическая реализация математических и эмпирических методов восстановления первоначального вида защищенной информации без знания секретных параметров соответствующих преобразований (без знания ключей). При этом криптоанализ является и наукой, и практической деятельностью, и искусством. История показывает, что выдающиеся криптоаналитики имели широчайший кругозор, глубокие лингвистические и математические знания, кроме того, обладали целеустремленностью при решении сложнейших дешифровальных задач. Примером тому могут служить:

Абу Юсуф Яку́б ибн Исха́к аль-Ки́нди, (около 801–873) — арабский философ, автор 290 книг по медицине, лингвистике, математике, теории музыки, астрономии и основоположник криптоанализа.

Франсуа́ Вие́т, сеньор де ля Биготье (1540–1603) — французский математик, создатель языка символической алгебры, советник французских королей, сначала Генриха III, потом — и Генриха IV, выдающийся криптоаналитик.

Ча́рлз Бэ́ббидж (1791–1871) — английский математик, изобретатель первой аналитической вычислительной машины, философ, экономист, изобретатель спидометра и тахометра, иностранный членкорреспондент Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (1832), замечательный криптоаналитик.

Алан Мэтисон Тьюринг (1912—1954) — английский математик, логик, биолог, химик, криптограф, оказавший существенное влияние на развитие информатики. Удостоин Ордена Британской империи (1945) за бесценные работы по криптоанализу в годы Второй мировой войны.

Без всяких сомнений Гольдбах занимает свое достойное место в приведенном, далеко не полном, списке выдающихся криптоаналитиков.

Христиан Гольдбах тщательно сохранял в тайне свою работу на «особливой должности» в Коллегии иностранных дел. Он действительно был «тайным» советником. Ни в одном архивном документе нет и намека на его дешифровально-разведывательную деятельность.

Тем не менее криптографическая деятельность Гольдбаха, повидимому, оставляла возможность для его серьезных математических увлечений, которые с 1741 г. развивались в основном в рамках математической переписки (нежели в собственных публикациях). Причем переписывался по математической проблематике он в основном с гениальным Леонардом Эйлером, который, как и Гольдбах, покинул Петербургскую академию наук в 1741 г. (оставаясь ее почетным членом) и вплоть до 1766 г. работал в Берлине.

Эйлер был приглашен в Петербургскую академию наук в 1727 г. и к 1741 г. уже почти 15 лет жил и работал России. Здесь он мог общаться с такими математиками, как Д. Бернулли, у которого жил в Петербурге до своей женитьбы. Он мог общаться со своим отдаленным родственником Якобом Германом, который считался ведущим математиком среди всех академических математиков в Петербурге той поры <...>. Но самые сильные математические импульсы Эйлер получал от одаренного богатой математической фантазией Христиана Гольдбаха, позднее — крестного отца его старшего сына Иоганна Альберта Эйлера» [Юшкевич, Капелевич 1983].

Конечно, математическое дарование Гольдбаха не могло идти в сравнение с гением Эйлера, тем не менее работы Гольдбаха, а главное — непосредственное духовное общение между ними долгие годы действительно сильно стимулировали творчество Эйлера. Ярким свидетельством этого служит долгая переписка ученых. В ней насчитывается 101 письмо Эйлера и 95 Гольдбаха¹. При этом Гольдбах выступал как достойный партнер великого ученого, причем особенно сильный в постановке вопросов, побуждавших Эйлера к новым исследованиям. Главной темой переписки служили теория рядов и теория чисел.

Тем не менее Гольдбах не только ставил вопросы и задачи, но и излагал Эйлеру собственные соображения и доказательства, при этом особенно не стремясь к установлению своего приоритета в печатных работах. Насколько ценил Эйлер общение с Гольдбахом, свидетельствует не только объем и продолжительность их переписки, но и непосредственные высказывания самого Эйлера.

¹ Фусс. Т. 1. Переписка Гольдбаха с Эйлером с 13.10.1729 по 17.03.1764. 196 писем.

Здесь следует привести наиболее известную гипотезу Гольдбаха (часто называемую Проблемой Гольдбаха), о которой он писал Эйлеру 7 июня 1742 г. следующее: «Я считаю небесполезными и такие предложения, которые весьма вероятны, хотя и не достает их настоящего доказательства, ибо если даже они затем окажутся ложными, они могут дать повод к открытию какой-либо новой истины». И далее: «Таким образом, я хочу решиться высказать предположение ... каждое число, большее чем 2 есть сумма трех простых чисел»¹.

30 июня Эйлер ответил, что еще ранее Гольдбах сообщил ему свое наблюдение: «Каждое четное число есть сумма двух простых чисел... Если же n нечетное число, то оно несомненно сумма трех простых чисел... А что каждое четное число есть сумма двух простых, я считаю верной теоремой, хотя и не могу ее доказать»².

Гольдбах относил к простым числам и 1, что в современной математике не принято. С учетом этого замечания в современной математике гипотеза Гольдбаха естественно звучит иначе. Кроме того, из общей формулировки гипотезы в настоящее время принято выделять две взаимосвязанные части.

Первая часть получила название тернарной (или слабой) гипотезы Гольдбаха. Она утверждает, что всякое нечетное целое число больше пяти представляется в виде суммы трех (не обязательно попарно различных) простых чисел. Вторая часть — бинарная (или сильная) гипотеза Гольдбаха утверждает, что всякое целое четное число больше двух представляется в виде суммы двух простых чисел. Эту гипотезу называют сильной, потому что слабая гипотеза из нее вытекает. Действительно, добавляя ко всем четным число 3, могут быть получены все возможные нечетные числа больше пяти.

Начиная с XVIII в., математики постоянно предпринимали попытки приблизиться к решению вопроса о справедливости гипотезы Гольдбаха.

В 1894 г. немецкий математик Георг Кантор (1845–1918) проверил справедливость гипотезы для четных чисел до 1000 и подсчитал число их представлений в виде суммы двух простых.

В 1923 г. английские математики Харди (1877–1947) и Литтлвуд (1885–1977) показали, что гипотеза Гольдбаха справедлива для всех

 $^{^{1}}$ Фусс. Т. 1. Переписка Гольдбаха с Эйлером С. 104.

² Там же, с. 110–111.

достаточно больших нечетных чисел, при некоторых дополнительных предположениях [Юшкевич, Капелевич 1983].

В 1930 г. советский математик Лев Шнирельман (1905–1938) доказал, что существует такое целое число С, что любое натуральное число есть сумма не более С простых чисел. Это число получило известность как постоянная Шнирельмана. Оценка этого числа, полученная Шнирельманом, приблизительно равнялась 800 000. Позднее удалось снизить значение оценки числа С до 20; однако дальше продвинуться с помощью метода Шнирельмана не удалось 1.

В 1937 г. советский математик академик Ива́н Матве́евич Виногра́дов (1891—1983) разработал математический метод позволивший доказать, что всякое нечетное число, большее некоторой постоянной К, представимо суммой трех простых чисел. Для достаточно больших четных чисел отсюда следовало, что они являются суммами четырех простых. Упомянутый метод академика Виноградова позволил решить целый ряд других трудных задач теории чисел².

В 1939 г. студент И. М. Виногра́дова Константин Бороздин доказал, что постоянная К не превосходит $3^{14348907}$.

В 1995 г. французский математик Оливье Рамаре снизил верхнюю оценку постоянной С для представления нечетных чисел до 7^3 .

К 2002 г. Лю Минчит и Ван Тяньцзэ снизили границу К до значения e^{3100} . Это число гораздо меньше, но все же слишком велико для того, чтобы все нижележащие числа можно было проверить подбором на компьютере⁴.

В 2012 г. американский математик Теренс Тао (родился в 1975 г.) разработал метод, с помощью которого доказал, что каждое нечетное число можно представить в виде суммы не более чем 5 простых чисел. Это снижало постоянную Шнирельмана до 6.

Наконец в 2013 г. тернарная гипотеза Гольдбаха была окончательно доказана перуанским математиком Харальдом Гельфготтом (родился в 1977 г.) [Наварро 2014].

Однако бинарная гипотеза (проблема) Гольдбаха оказалась значительно сложнее. В 1973 г. китайский математик Чэнь Цзинжунь

¹Фусс. Т. 1. Переписка Гольдбаха с Эйлером ...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

доказал, что каждое достаточно большое четное целое может быть представлено в виде суммы простого и полупростого (это либо простое число, либо произведение двух простых) чисел. Близко, но не то.

Оливье Рамаре в 1995 г. доказал, что каждое четное целое число можно представить в виде суммы не более шести простых чисел. В 1998 г. Дезуйе, Саутер и те Риле (используя мощные компьютеры) проверили ее для всех четных чисел вплоть до 10¹⁴. К 2007 г. Томаш Оливейра-и-Сильва улучшил этот результат до 10¹⁸.

Таким образом, к настоящему времени из справедливости тернарной гипотезы Гольдбаха, доказанной в 2013 г., для бинарной гипотезы следует только то, что любое четное число является суммой не более чем 4 простых чисел.

Итак, по прошествии многих лет (с 1742 г. по настоящее время) бинарная гипотеза Гольдбаха так и не доказана и не опровергнута. На ее доказательства затрачены колоссальные усилия математиков, которые привели ко многим открытиям в различных областях математики.

Неоспоримым является вывод о том, что Христиан Гольдбах не только сильно повлиял на деятельность выдающихся современников (прежде всего на Леонарда Эйлера), но постановкой выбранных им проблем оказал и продолжает оказывать огромное влияние на прогресс математики (и даже на художественную литературу [Апостолос Доксиадис 2002]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апостолос Доксиадис. Дядя Петрос и проблема Гольдбаха / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : ACT, 2002. 208 с.

 $\mathit{Kah}\, \mathcal{A}$. Взломщики кодов. Центрполиграф, 2000. 480 с. (Секретная папка.)

Неуловимые идеи и вечные теоремы. Великие задачи математики / X. Наварро. М. : Де Агостини, 2014. 164 с. : ил. (Мир математики.)

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М.: Международные отношения, 1994. 384 с.

Стиоарти И. Величайшие математические задачи. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 460 с.

Харди Г. Х. Апология математика / пер. с англ. Ю. А. Данилова. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 128 с.

Юшкевич А. П., Капелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах. М.: Наука, 1983.

УДК 81-115

О. А. Радченко

доктор филологических наук, профессор, профессор каф. общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ: e-mail radoleg@gmail.com

DIES INCOMMODI: ГОДОВЩИНА СМЕРТИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА В НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ

В статье анализируется восприятие личности и научного наследия В. фон Гумбольдта в национал-социалистической Германии, отраженное в мероприятиях и публикациях по случаю 100-летия со дня смерти замечательного немецкого политика, философа и языковеда. Содержание статьи вписывается в более широкую тематику «Личность и судьба ученого в переломные моменты истории», разрабатываемую в рамках современной нарративной лингвоисториографии. Годовщина смерти Гумбольдта, отмечавшаяся в 1935 г., не осталась без внимания мировой науки, нашла отражение в многочисленных публикациях и конференциях в память о Гумбольдте, в том числе в США и Китае. В национал-социалистической Германии также отметили эту дату выставками и публичными мероприятиями, в ходе которых предпринимались попытки представить В. фон Гумбольдта вдохновителем национал-социалистическое государства. Тем не менее отношение к личности Гумбольдта в Германии тех лет было связано со значительными трудностями включения его духовного наследия в «расовый пантеон» нового режима. В статье анализируются попытки авторов научных статей воздать дань уважения и благодарности замечательному ученому и политику, организатору высшего образования Пруссии, философу и исследователю языка, и признать эти заслуги официальной философией и партийной лингвистикой со значительным количеством оговорок и «нордических» дополнений (публикации Э. Фая. Г. Юнкера. В. Ламмерса. И. А. фон Ранцау и др.). Авторы этих публикаций, используя метод избирательного, пристрастного чтения отдельных трудов Гумбольдта, приписывали ему постулирование превосходства немецкого языка и нации над другими европейскими (прежде всего – французской), эталонного характера индоевропейских языков, по сравнению со всеми прочими. Ярким примером такого «прочтения» является вывод И. А. фон Ранцау о «перевороте в духовном мировидении» Гумбольдта, связанном с его переоценкой собственного мнения о роли языка в жизни нации. В статье также рассматривается современная дискуссия между Х. Аарслеффом и Ю. Трабантом, посвященная «индогерманскому сюжету» в трудах Гумбольдта. Отдельно рассматриваются восприятие отношения Гумбольдта к еврейскому вопросу в научных публикациях антисемитского характера (в частности, в диссертации В. Грау) и его отражение в еврейской публицистике Германии 1935 г. Кроме того, приведены претензии авторов публикаций к воззрениям Гумбольдта, с позиции нового режима, прежде всего к пониманию критериев нации, роли расового происхождения в ее становлении. Материал статьи призван продемонстрировать, что обращение к заслугам В. фон Гумбольдта и «изъянам» его философии языка, с позиции нового

режима в Германии, отраженное в публикациях 1935 г. и нескольких последующих лет, способно очертить сложную и противоречивую ситуацию в гуманитарных науках первых лет нацистского режима. Продвижение расовой теории в этих науках, создание «расово-адекватного» (arteigen) языкознания испытывали существенные трудности в преодолении мощной научной традиции, особенно в приспособлении великих умов прошлого к насущным задачам национал-социалистического режима, а использованное его апологетами избирательное, априорно партийное прочтение трудов Гумбольдта продемонстрировало свою несостоятельность.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; наследие Вильгельма фон Гумбольдта; национал-социалистическое языкознание; расовая теория.

O. A. Radchenko

Doctor of Philology, Senior Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Federal state budgetary educational institution of higher education Moscow State Linguistic University; e-mail: radoleg@qmail.com

DIES INCOMMODI: W. VON HUMBOLDT'S DEATH ANNIVERSARY IN NATIONAL SOCIALIST GERMANY

The article analyzes the perception of W. von Humboldt's personality and scientific heritage in national socialist Germany, reflected in the events and publications on the occasion of the 100th death anniversary of the remarkable German politician, philosopher and linguist. The content of the article fits into a broader theme of "The Scientist's Personality and Fate in Crucial Moments of History", explored in the modern narrative linguo-historiography framework. The anniversary of Humboldt's death, celebrated in 1935, gained a lot of publicity in the world of science and was highlighted in numerous articles and at conferences in memoriam of Humboldt, including in the United States and China. In national socialist Germany this anniversary was celebrated with exhibitions and public events, during which attempts were made to introduce W. von Humboldt as the spiritual forerunner of the national socialist state. However, the attitude towards Humboldt's personality in Germany at that time was associated with considerable difficulties in incorporating his spiritual heritage into the "racial Pantheon" of the new regime. The article analyzes attempts made by different authors who sought to pay homage and gratitude to the remarkable scientist and politician, the founder of Prussia's higher education, philosopher and language researcher as well as the recognition of these achievements by the official party philosophy and linguistics with a significant number of reservations and "Nordic" add-ons (publications by E. Fey, H. Junker, W. Lammers, I. A. von Rantzau, etc.). The authors of these publications, using the method of selective, biased reading of individual works by Humboldt, attributed to him a postulation of the superiority of the German language and nation over other European ones (primarily French), the ideal nature of the Indo-European languages, compared to all others. A striking example of such "reading" is the conclusion by the J. A. von Rantzau on Humboldt's

"revolution in the spiritual worldview" associated with his reassessment of his own views on the role of language in the life of a nation. The article also mentions a current views exchange between H. Aarsleff and J. Trabant on the "Indo-Germanic theme" in Humboldt's writings. Separately, the perception of Humboldt's attitude to the Jewish question in scientific publications of anti-Semitic character (in particular, in W. Grau's dissertation) and its reflection in the Jewish journalism of Germany in 1935 are considered. In addition, the authors' claims to Humboldt's views from the position of the new regime, first of all, to the understanding of the nation's criteria. the role of racial origin in its formation are given. The material of the article is intended to demonstrate that the appeal to W von Humboldt's merits "flaws" of his language philosophy from the perspective of the new regime in Germany, reflected in the publications of 1935 and the next few years, is able to outline the complex and controversial situation in the Humanities of the first years of the Nazi regime. The promotion of racial theory in these sciences, the creation of "racially-adequate" (arteigen) linguistics experienced significant difficulties in overcoming the powerful scientific tradition, especially in adapting the great minds of the past to the urgent tasks of the national socialist regime, and the biased reading of Humboldt's works used by its apologists demonstrated its failure.

Key words: narrative linguo-historiography; Wilhelm von Humboldt's heritage; national socialist linguistics; racial theory.

Личность и научное наследие Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835) — одна из выдающихся констант лингвистической историографии, и можно полагать, что понимаемая в таком смысле Humboldtiana насчитывает уже более 180 лет [Страхова 1995]. Путешествие всякой замечательной личности сквозь века непременно приведет ее даже роѕтит в особые обстоятельства, как это случилось с великим философом и основателем теоретического языкознания в 1930—1940 гг. в Германии, поскольку на 1935 г. пришлось столетие со дня его кончины. Как справедливо замечает в этой связи Н. В. Ростиславлева, «тема "Наследие В. фон Гумбольдта в 1933—1945 гг." — это отдельное направление историографической рефлексии его творчества» [Ростиславлева 2009, с. 82], которое, заметим, вписывается в более широкий контекст нарративной лингвоисториографии, и этот контекст можно озаглавить как «Личность и судьба ученого в переломные моменты истории».

Событие, которое, как оказалось, не могло не вызвать политических неудобств через 100 лет в национал-социалистической Германии, произошло 8 апреля 1835 г. в родовом поместье семьи Гумбольдт в Тегеле, где в этот день скончался великий философ, политик, историк и языковед Вильгельм фон Гумбольдт. Спустя столетие годовщина

смерти этого выдающегося мыслителя, вне всякого сомнения, не могла остаться без внимания мировой науки, которая отозвалась на него многочисленными публикациями и конференциями в память о Гумбольдте. Так, в Лондоне выходит новое издание «Языка» Л. Блумфилда (1887–1949), в котором текст Гумбольдта «О различии в строении человеческих языков…» вновь был назван «первой великой книгой по общему языкознанию» («the first great book on general linguistics») [Bloomfield 1935, с. 18]. Немецкое отделение Пекинского университета выпустило сборник мемориальных статей о Гумбольдте [Dschang 1935; Jäckle 1935; Liebmann 1935; Pannwitz 1935]. Международный астрономический союз в том же году принимает решение назвать в честь Вильгельма фон Гумбольдта один из лунных кратеров.

Эту дату отметили и в Германии. 9.4–15.5 1935 г. в Музее Бранденбургской марки прошла выставка «Предки духа», посвященная выдающейся роли Вильгельма фон Гумбольдта в создании Берлинского университета [Harnack 1935]. Состоялись и публичные мероприятия [Dempe 1935], как, например, чествование Гумбольдта в Райникендорфе, в ходе которого партийное руководство района желало представить национал-социалистическое государство как «законного наследника гумбольдтова наследия» (als legitimer Erbe des Humboldt'schen Vermächtnisses), а основной оратор – директор школы имени Гумбольдта Вильгельм Блюме представил Гумбольдта как посредника между Шиллером, Гете и Гитлером. Этот скромный, но весьма показательный пример переводит рассуждения о событиях тех лет в область, которая связана со сложными отношениями национал-социалистического государства к своему «законному» наследию. Он также позволяет понять, почему дни гумбольдтовых торжеств стали столь неуместными, сложными для режима dies incommodi sui generis.

Эти дни, несомненно, предполагали отдать дань уважения и благодарности выдающемуся немцу, замечательному ученому и политику, организатору высшего образования Пруссии, философу и исследователю языка [Grützmacher 1935; Häuschele 1935; Hausius 1935; Häußler 1935; Kleinertz 1935; Strecker 1935] и др. Освещение получали самые разные аспекты деятельности Гумбольдта, в том числе его отношение к роли женщины в обществе (одна из мемориальных статей была написана известным политиком и феминисткой Гертрудой Боймер (1873–1954) [Bäumer 1935]), телеологический характер его

философии языка (которому посвящает одну из глав своей диссертации Ингеборг Злотты [Slotty 1935]), его педагогические воззрения и выдающаяся миссия по реформированию высшего образования в Германии и создание классической гумбольдтовской модели [Grube 1935; Probst 1935]. Этот последний аспект затронул в небольшой публикации знаменитый педагог и философ Эдуард Шпрангер (1882–1963), ныне весьма неоднозначно оцениваемый за свою сомнительную политическую и научную позицию во времена нацизма [Spranger 1935].

Кильский профессор-теолог Вернер Шульц (1894–1982), защитивший еще в 1931 г. диссертацию о религиозных воззрениях В. фон Гумбольдта, завершает свою хвалебную статью в сборнике «Великие немцы» тремя важнейшими тезисами Гумбольдта – его основной заслугой перед немецким народом: «Во-первых, что немец может выполнить свою задачу лишь в том случае, если он не растворится в повседневном, кажущемся, внешнем, поверхностном, а осознает свою взаимосвязь с безусловным, вечным и ответственность перед ним, когда он, иными словами, поймет, что лишь в привязке к безусловному заключены его свобода, достоинство и сила; во-вторых, что немец всегда должен быть готов предоставить все свои силы на службу Отечеству и что он не имеет права на этой службе дать волю личным или поверхностным мотивам; а должен лишь следовать принципу истины, который он выявил в своей привязанности к безусловному; в-третьих, что так же, как каждый является лишь частью нации, так и нация есть часть всеобщего, что поэтому немец должен всегда стремиться познать это всеобщее, чтобы еще глубже проникнуть в сущность собственной нации и подняться до предопределенной ей Господом миссии» [Schultz 1935, с. 463].

Но все эти заслуги Гумбольдта признаются официальной философией и партийной лингвистикой со значительным количеством оговорок и «нордических» дополнений.

Так, критикуя Гумбольдта за излишнее увлечение античностью, Э. Фай отмечает, педалируя политическую значимость деятельности Гумбольдта в период борьбы с Наполеоном: «Одновременно было бы огромной ошибкой игнорировать историческое значение Гумбольдта. Неогуманизм был тогда одним из путей, который вел наверх из глубокого унижения. Когда мы далее пытаемся обозначить границы гумбольдтова мышления, то нас это не приведет к тому, чтобы отрицать

силу и мощь, которые заключались именно в односторонности его позиции» [Fey 1936, с. 2].

Известный ориенталист, профессор сравнительного языкознания Лейпцигского университета и руководитель Института африканских языков с 1935 г. Г. Юнкер (1889–1970) указывает на «образцовый способ, коим Гумбольдт логично формировал свое изнутри, как он преобразовывал события вокруг него в собственные переживания, как он превращал раскрывающуюся в нем действительность в нечто целое, встраивал это в схему единого течения времени и тем самым создавал себе самому судьбу – немецкий цвет его жизни, в которой викингское начало его нордической крови смешивалось со славянскопомеранской романтикой и проистекающим из нее упорным довольствованием тем, что есть, не обладающим волей к истории, но привносящим плодотворный талант упорядочения, - романтикой, в которой есть место и материнской, западной примеси» [Junker 1935, с. 14]. «Викингское начало нордической крови» постоянно присутствует в оценках Гумбольдта, особенно, когда со ссылкой на дневники его путешествий Юнкер пишет: «С удивлением осознал он во Франции, какое расстояние отделяет немецкую сущность (Wesensart) и язык, посланником коих он себя мнил, и способами выражения французской жизни и духа, стремящимися к внешнему эффекту, которые он мог наблюдать в те политически сложные времена во всем их истинном обличье и в лице их наиболее влиятельных представителей в непосредственной близости к ним. Полно и живо пробудилась в нем немецкая, собственная сущность, когда он столкнулся в путешествии по Испании и в баскские провинции с новым, чужим миром» [Junkег 1935, с. 21-22]. Добавим, что восторженный сторонник немецкой сущности Х. Юнкер в 1950-х гг. стал директором Института Передней Азии Берлинского университета им. Гумбольдта, заведующим кафедрой корейского языка и был удостоен звания Заслуженного народного ученого ГДР в 1960 г.

Портрет Гумбольдта как «посланника немецкой сущности» представлен и в диссертации Вильгельма Ламмерса (1906—?), ученика основателя немецкого неогумбольдтианства Лео Вайсгербера (1899—1985). Отметим, что Гумбольдт постоянно присутствует в публикациях неогумбольдтианцев, однако их несомненный лидер Л. Вайсгербер именно в 1935 г. не пишет никаких специальных статей в память о нем.

В. Ламмерс обозначает отправную точку интереса Гумбольдта к языкам с опорой на его письмо исследователю древнегреческого языка и культуры Фридриху Августу Вольфу (1759–1824) от 5 января 1789 г., в котором он сопоставляет древнегреческий, латинский и немецкий языки на основе особенностей их поэзии: «Греческую поэзию я бы назвал наиболее чувственно-совершенной; более всего на нее походит, однако, немецкая, и она могла бы не без оснований называться самой человечной» [цит. по: Lammers 1935, с. 49; Leitzmann 1935]. Позднейшее подробное изучение французской культуры и языка, как видится Ламмерсу, позволило Гумбольдту гораздо более высоко оценить немецкий язык, что, в частности, находит подтверждение в письме к Вольфу от 22 октября 1798 г.: «Вы счастливец, в гуще Германии и среди одних лишь немцев Вы вряд ли можете ощутить, сколько дарит человеку такой, столь могучий, высокий и восхитительный язык, что суть нашему сознанию эти образы, эти мысли нашему духу и сердцу» [цит. по: Lammers 1935, с. 49].

Ламмерс находит еще более яркие высказывания Гумбольдта о превосходстве немецкого языка над французским с далеко идущими политическими выводами в его письмах к философу Фридриху Генриху Якоби (1743–1819), к примеру: «Дело в том, что всякой нации необходима внутренняя пружина, живая, постоянно активная сила, из коей проистекает ее высшая деятельность, ее собственное бытие. Такого внутреннего принципа мне не достает в этой нации, и именно поскольку я обнаруживаю этот воистину священный огонь, который один лишь и очищает и одновременно питает нацию, более чем гделибо в немецкой нации, и, благодаря этому, возрастают, чего я и не собираюсь отрицать, мое глубокое уважение и моя огромная привязанность к ней» (письмо от 26 октября 1798 г.). Тем самым Гумбольдт попадает, по мысли Ламмерта, в один ряд с проповедниками немецкого национального единства Э. М. Арндтом (1769–1860) и Й. Гёрресом (1776–1848).

Бесхитростные параллели между обстановкой в Германии в XVIII и XX столетиях позволяют автору обосновать важность Гумбольдта для современности. Цитаты о значимости и превосходстве «нордической мощи» над французским характером выбираются им последовательно и целенаправленно, чтобы затем подчеркнуть сходство и даже зависимость идей Гумбольдта от более ранних мыслей И. Г. Фихте

(1762–1814) и Й. Г. Гердера (1744–1803) [Lammers 1935, с. 51–52]. В пятой части своей работы Ламмерс соединяет взгляды Гумбольдта с национальным подъемом в Германии эпохи наполеоновских войн, а педагогические воззрения Гумбольдта венчает его цитата: «Из правильного осознания взаимосвязей в родном языке произрастет любовь к нему и к отчизне» [цит. по: Lammers 1935, с. 72].

Гораздо дальше в оценке языковых и национальных предпочтений Гумбольдта идет вюрцбургский педагог И. А. фон Ранцау (1900–1993), примерно в 1934 г. приступивший к написанию своей диссертации о Гумбольдте (защищена в 1939 г.). Он отмечает возрастание интереса к языкам у Гумбольдта с 1789 г., когда во время путешествия по югу Германии он вел со своими друзьями и попутчиками длительные беседы о взаимосвязи языка и национального характера. Еще со времен поездки в Италию он интересовался грамматическим строем языков Европы и Южной Америки, в 1820-е гг. к ним прибавился санскрит, позднее – знакомство с основами китайского и японского языков, а затем и довольно уверенное владение малайским [Rantzau 1939, с. 91]. По мнению Ранцау, именно многочисленные путешествия пробудили в Гумбольдте любовь к этническому своеобразию, которое возможно понять лишь через язык конкретного народа. Первым опытом такого рода стало путешествие в Страну Басков в 1799 г.: «Они были для него замечательным примером малых народов, которые в общем поглощаются большими государствами, но по человеческим и культурным соображениям их следовало бы сохранить; ибо в них живут более сильно, чем обычно, сила воображения и чувство, сохраняющие в их характере тепло и силу» [Rantzau 1939, с. 92].

Всего через четыре года после этого путешествия, 2 ноября 1803 г., Гумбольдт пишет французскому филологу Ж. Ж. Швайгхойзеру (1742–1830) о своем желании создать новую науку — сравнительное изучение языков (vergleichende Sprachkunde). В письме Вольфу от 16 июня 1804 г. он определяет эту науку как «средство для того, чтобы "проехать" (durchfahren) по всему человечеству в его высоте, его глубине и всем его многообразии» [цит. по: Rantzau 1939, с. 93]. Эти планы отошли сначала на второй план в связи с исследованиями Античности, но затем проблема языка вновь вернулась на «основную сцену» его размышлений как главный критерий национального своеобразия.

Информация, полученная от брата Александра о языках Южной Америки, а также неизменный интерес к баскскому возвратили Гумбольдта к идее сравнения языков в 1812 г. По мнению Ранцау, с этого момента до 1829 г. Гумбольдт исследует конкретный языковой материал, чтобы добраться до идеала – целостности человеческого духа (Totalität). В конце жизни его «врожденное чувство ценности» и всё более интенсивное изучение санскрита привели его к признанию индогерманской семьи языков идеалом как таковым. Ранцау полагает, что Гумбольдт, долгие годы сомневавшийся в возможности оценочного деления языков на классы, в конце 1820-х гг. переходит «преимущественно по грамматическим соображениям» к явному подчеркиванию роли «санскритского языкового племени» (der sanskritische Sprachstamm). Это племя, рассуждает Ранцау, становится в глазах Гумбольдта той нормой, по которой измеряют языки всего мира, он заменяет собой искомую до того идеальную «целостность». В подтверждение Ранцау приводит следующую цитату Гумбольдта: «Как бы ни было полезно исследовать различия между языками вплоть до отдаленнейших окраин мира, собранное таким образом останется всё же мертвым скоплением материала, если оно не будет соотнесено с тем чистейшим и самым блестящим развитием языкового явления» [Humboldt, т. 7, с. 1]. В этом Ранцау усматривает «глубочайшее изменение», даже переворот в духовном мировидении, причину которого объяснить, правда, уже не удастся. Примечательно, что, рассуждая о формировании совершенно нового, оценочного, суждения о языках у Гумбольдта, Ранцау не находит взаимосвязи между эпохальным трудом о языке кави на острове Ява с упомянутым «переворотом». Он также отмечает отсутствие каких-либо пояснений причин для него в поздних письмах Гумбольдта, но пишет о его «зачастую темных, умышленно таинственных, до сих пор еще не полностью расшифрованных сонетах», в которых ученый излагал то, что его волновало в последние годы жизни - и эта тема до сих пор ждет своего исследователя. Однако в целом это не мешает Ранцау приписывать Гумбольдту возвеличивание индогерманских языков и превращение их в единственный идеал языка рода человеческого - и это заметно отличается от более скромного мнения Г. Юнкера и В. Ламмерса о восторженности Гумбольдта по отношению к своему языку и народу. Из высказывания Гумбольдта о том, что флективные языки обладают исключительно динамической способностью к синтезу внутренней формы мысли и звучания, Ранцау делает заключение, что тем самым «духовное превосходство санскритского языкового племени» было для Гумбольдта совершенно очевидным.

Весьма примечательно, что описанный выше «индогерманский сюжет» дожил до наших дней. Известный исследователь научного наследия Гумбольдта Ю. Трабант (род. 1942) в своей полемике по этому поводу с распространителем этого сюжета, американским лингвоисториографом Г. Аарслеффом (род. 1925) пишет: «Нельзя отрицать, что Гумбольдт предполагал особенное превосходство так называемых санскритских языков, ибо они, по его словам, ближе всех к идеальной форме языка. Верно и то, что Гумбольдт высказывает предположение о чем-то вроде врожденной одаренности языка, счастливой натуры, коя изначально присутствует или не присутствует в нем, и если ее в языке нет, то язык не способен ее приобрести. Обе эти мысли в совокупности - приверженность идеальной форме языка и убежденность в том, что некоторые языки «от рождения предназначены» для этой идеальной формы, а иные нет, может – и это также неоспоримо – толковаться как евроцентричное, «расистское» воззрение ... Дело в том, что другая сторона этой оценки языка, так сказать произносимая на одном выдохе с этой, - это гумбольдтово подчеркивание одинакового достоинства всех языков» [Trabant 1990, с. 235–236]. Трабант справедливо полагает, что это вовсе не «гнилой компромисс» (термин Аарслеффа), а «характерное и необходимое для Гумбольдта противоречие», ибо он посвятил всю жизнь доказательству того, что лишь в своей совокупности языки составляют некую целостность (Totalität) языка как такового, а превосходство одного языка снимается своего рода меритократической демократией всех языков.

Во второй части своего принципиального воззрения, по мнению Трабанта, Гумбольдт вносит нечто совершенно новое в рассмотрение языка своего времени: «Ведь то, что определенные языки особенно превосходны, и что по этой причине все прочие языки относятся к презренным патуа, является расхожим мнением XVIII столетия. Нигде это мнение не отстаивалось так упорно, как во Франции XVIII столетия – как реакционными рационалистами Старого Режима, так и прогрессивными революционными эмпиристами» [Trabant 1990, с. 237]. В этом смысле Ф. Р. де Шатобриан (1768–1848) гораздо лучше понял

идею равенства языков Гумбольдта, обвиняя его в стремлении считать «патуа» древних и диких племен достойными своего внимания объектами. Гумбольдт пытается преодолеть расизм своего времени, занимая гуманистическую позицию, опираясь на огромное уважение к наследию Античности с его особенным антропоцентризмом. Более того, Гумбольдт однозначно отмечает, что «в случае, если при классификации рас основным критерием признается цвет кожи, то языки с этим никоим образом не находятся в каком-либо явном отношении» [Humboldt, т. VI, с. 202], ибо «как бы ни были различны люди по росту, цвету кожи, физическому облику и чертам лица, их духовные задатки одинаковы» [Humboldt, т. VI, с. 196]. Даже там, где Гумбольдт утверждает, что белый цвет кожи предназначен для рода человеческого [Humboldt, т. VI, с. 249], он, по мысли Трабанта, не переносит это утверждение на духовные качества людей, в том числе и на язык.

Эта дискуссия привносит следующий мотив, ставший по понятным причинам немаловажным для оценки личности Гумбольдта в немецких публикациях 1935 г. и последующих лет, — его отношение к еврейскому вопросу.

Показательной для этой темы является диссертация Вильгельма Грау (1910–2000), известного антисемита, а позднее — сотрудника Имперского института истории новой Германии и ведомства А. Розенберга. 27 июня 1937 г. ему была присвоена докторская степень за исследование отношения Гумбольдта к еврейскому вопросу [Grau 1935], хотя сама формулировка темы и степень ее научного изучения вызвали большие сомнения у диссертационного совета, проголосовавшего против присвоения ученой степени. Однако политические связи Грау позволили ему преодолеть это голосование (скандальную историю написания этой диссертации см. на сайте Баварского радио (www.br.de/radio/bayern2/sendungen/land-und-leute/wilhelm-grausgestohlener-doktortitel-tree100.html).

В диссертации Грау пытался доказать, что в основе отношения Гумбольдта как политика к еврейскому населению Германии лежали прагматика и чисто оценочное деление на расы, а вовсе не идеал равенства. Гумбольдт, по мысли Грау, выступал с позиции скорейшей ассимиляции еврейского населения, разрушения культурных и исторических корней еврейского народа. Безусловно очевидной является попытка Грау изобразить Гумбольдта в подходящем для режима

ключе — по меньшей мере, прагматиком, критически относившимся к евреям в целом. Тем не менее близость Гумбольдта к целому ряду философов и общественных деятелей еврейского происхождения невозможно было вычеркнуть из его биографии. По этой причине, к примеру, П. Бинсвангер (1896—1961) в своем фундаментальном труде, написанном с большим почтением к гению Гумбольдта, весьма подробно описывает обстоятельства жизни, путешествий и знакомств Гумбольдта, в числе которых — визиты в известный берлинский светский салон Рахель Варнхаген (1771—1833). Идет 1937 год, поэтому не удивляет замечание, которое Бинсвангер (в тот момент уже находившийся в эмиграции в Италии, но публикующий свой труд в германском издательстве) добавляет к своему описанию: «Сам же Варнхаген, с его малоуспешными политическими амбициями, его интриганством и тщеславием вкупе с изрядной болтливостью был глубоко противен Гумбольдту» [Віпswanger 1937, с. 327].

Выход диссертации Грау в свет стоит рассмотреть в более широком политическом и научном контексте. В 1935 г. газета «Еврейское обозрение» сообщала о назначении профессором Берлинского университета Ханса Гюнтера (1891–1968), известного специалиста по расовым вопросам, работавшего до того в Йене и написавшего «весьма интересную» «Расологию еврейского народа». Профессор Гюнтер, отмечалось в статье, «стоит на позициях строгой расовой теории, но постоянно отвергал диффамацию еврейской расы как таковой и проявлял понимание к тем евреям, которые привержены своим расе и народу» (Jüdische Rundschau 17.4.1935, S. 45). Не стоит и говорить о том, как ошибались авторы этого сообщения в оценках позиций Гюнтера, ставшего впоследствии основателем и пропагандистом нацистской расовой теории.

В этом же издании сообщается о докладе признанного авторитета в области социологии Вернера Зомбарта (1863–1941) во франкфуртской школе имени Г. Э. Лессинга, в котором авторитетный ученый обратился к вопросам расовой теории и выступил с критикой «экстремальной теории крови и земли». Авторы сообщения предпочли не вспоминать о книге «Евреи и экономическая жизнь», изданной еще в 1911 г. и содержащей критические рассуждения Зомбарта о «кочевом» характере еврейского народа и его особой приверженности финансовому капитализму.

Следует отметить, что отношение еврейских ученых Германии к личности и заслугам Гумбольдта было также неоднозначным, что нашло отражение и в ряде их публикаций по поводу годовщины его смерти (см., например, [Feuchtwanger 1935; Friedlaender 1935]). В этой связи Д. Рупно отмечает и более серьезные расхождения в оценках еврейского вопроса в целом в первые годы национал-социализма среди самой еврейской общины Германии. Л. Фейхтвангер (1885-1947), брат знаменитого писателя Лиона Фейхтвангера, занимавший до 1936 г. пост научного руководителя издательства «Дункер и Хумблот», опубликовал в «Еврейском обозрении» отзыв о диссертации В. Грау и других его публикациях, которые он назвал «первой попыткой изобразить еврейскую историю в Германии как историю чуждых этнически и вредительских для народа захватчиков», причем осуществленной с «примечательным знанием материала и методической безупречностью» [Feuchtwanger 1935b]. В то же время Фейхтвангер призвал внимательно изучить аргументацию В. Грау и пересмотреть традиционное отношение к Гумбольдту как семитофилу.

Гораздо более резкую реакцию книги Грау вызвали у историка и журналиста Ф. Фридлендера (1901–1980) (см. подробнее [Rupnow 2005]), и он оказался прав в своих опасениях усиления антисемитизма в науке и обществе в целом, учитывая, что до так называемой имперской хрустальной ночи оставалось менее трех лет.

Рассматривая обвинения Гумбольдта в антисемитизме в рамках современной лингвоисториографии, Ю. Трабант не замалчивает такие факты, как, с одной стороны, «полные предрассудков» высказывания Гумбольдта о евреях (как, впрочем, и о французах, немцах и испанцах), а с другой — его духовное родство с берлинскими просветителями (среди которых было немало евреев), дружбу с еврейкамихозяйками светских салонов Берлина, его симпатию к Французской революции с ее лозунгами равноправия всех граждан, независимо от национальности. В этом смысле, как полагает Трабант, показательно его высказывание: «Государство также не обязано учить уважительному отношению именно к евреям, но оно должно искоренить негуманный и полный предрассудков способ мышления, который оценивает человека не по присущим ему качествам, а по его происхождению и религии, и рассматривает его вопреки истинному понятию человеческого достоинства не как индивидуум, а как представителя

конкретной расы, непременно разделяющего с нею определенные качества. Но это сможет сделать государство лишь в том случае, если оно громко и четко заявит, что оно не признает более никакой разницы между евреями и христианами» [Humboldt, т. X, с. 99].

В научных публикациях 1935 г. содержался не только хвалебный материал в адрес Гумбольдта, но и целый ряд претензий к его научной и политической позиции, представлявшихся неконгруэнтными задачам и характеру нового режима.

Наиболее резким тоном отличалась статья Э. Фая, посвященная преимущественно педагогическим аспектам воззрений Гумбольдта. В статье заявлялось следующее: «Между культом личности и стремлением к познанию он не пришел к гармоничному окончательному решению. Многие из его работ остались фрагментами. Его языковым исследованиям присуще, несмотря на всю их глубину, нечто несвязное <...>. Формальное образование и культ всего греческого в гумбольдтовом смысле являются в конечном итоге частями культуры личности, которые мы ныне осознанно отвергаем» [Fey 1936, с. 1]. Фай критикует также, что «высочайшие цели» жизни Гумбольдта «лежали для него вне языкового сообщества», а Рим казался ему «духовно-эмоциональным средоточием мира», более того, Гумбольдт надеялся провести в Риме свою старость [Fey 1936, с. 2]. В этой связи Фай противопоставляет Гумбольдта Фридриху Ницше (1844–1900), полагая, что последнему удалось изменить свое отношение к Античности на более «историко-критичное».

И. Злотты (1910–1973) заявляла в своей диссертации: «Его крупные ошибки заключались в недостатке метода и маловразумительном стиле. Это, вероятно, причины, которые не позволили Гумбольдту оказать значительное влияние на современников. В наше время на него вновь обратили внимание и уделяют ему большой интерес» [Slotty 1935, с. 18]. Здесь нельзя не провести параллель между мнением И. Злотты и высказывавшимся задолго до нее мнением Х. Штайнталя о том, что Гумбольдт многого сам не понимал в своих воззрениях и что эти воззрения стоит «достроить».

Но основную критику вызывает отношение Гумбольдта к нации, поскольку он «смешивает разные области друг с другом: место жительства и климат, с одной стороны, религию, государственное устройство и пр., с другой стороны, заявляя, что для всех можно прояснить

направление отношения к нации. В противоположность этому, язык представляется ему тесно связанной с сущностью нации, так что невозможно прийти к каким-либо определенным выводам относительно их действенной взаимосвязи» [Fey 1936, с. 3]. Фай неодобрительно подчеркивает это явное превалирование языкового фактора в определении нации у Гумбольдта: «На переднем плане стоит языковой принцип. Со-общественное происхождение народа упоминается, не приводя к какой-либо опоре для рассмотрения. Только язык кажется Гумбольдту соответствующим духовному укладу нации <...>. Гумбольдт, безусловно, отождествляет языковые единства с национальными — большая ошибка, естественное следствие его односторонней позиции» [Fey 1936, с. 11].

Эту же слабость усматривает в гумбольдтовом определении нации и В. Ранцау, критикуя отсутствие у Гумбольдта четкого представления о нации: помимо общих традиций, общей истории политического устройства, Гумбольдт называет в качестве критериев нации язык и происхождение, но «физическое своеобразие он рассматривает в его воздействии на язык как нечто относительно несущественное; во всяком случае он желает ограничить ее распознаваемость отдельными нациями, а для деления человечества на рамы ему не достает каких-либо вообще действительно убедительных критериев» [Rantzau 1939, с. 98]. Однако после пресловутого «духовного переворота» Гумбольдт, по мнению Ранцау, начинает высказывать опасения, что сравнение языков слишком склонно отождествлять народы с их умственным складом, игнорируя другие факторы, прежде всего, их физиогномию, физические особенности.

В качестве своего рода оправдания для такого неподобающего игнорирования «физиогномии» наций Э. Фай приводит следующий аргумент: «Гумбольдт сам явно осознает, что наряду с языком происхождение является определяющим фактором для духовного облика народа; лишь недостаток знаний не позволяет привлечь происхождение к оценке народа. То, что Гумбольдт пишет о расовом вопросе, также совершенно не имеет значения» [Fey 1936, с. 13]. Примером таких, ничего не значащих рассуждений, Фай считает размышления Гумбольдта о расе в «О различии...» [Humboldt, т. VI, с. 194]. В то же время он приводит цитату Гумбольдта из «Наблюдений о всемирной истории»: «Отдельный человек в отношении своей нации лишь в том смысле индивидуум, в какой лист состоит в отношении к дереву, также степень индивидуальности может простираться от нации к народу, от оного к расе, от нее к роду человеческому. Лишь внутри определенного круга может подчиненный ему человек продвигаться вперед, отступать назад или быть иным» [Humboldt, т. III, с. 352]. Это позволяет ему полагать, что Гумбольдт противоречит тому, что он писал о расе позднее.

Другое объяснение преимущественно языковой направленности понятия нации у Гумбольдта пытается предложить Х. Юнкер: «Так язык стал для него ключом к пониманию человеческого сообщества вообще. Высшей формой которого для него являлся народ (Volk). Как ранее он «Я» непосредственно противопоставлял Вечности, так теперь он связывал народ, к коему каждый принадлежал как почка к стволу дерева, с Богом. Но, взирая на это высочайшее руководство, он не смог увидеть во времена слабого и нерешительного монарха необходимый коррелят народа: вождя, который придает народному сообществу цель и направление, подобно тому, как смысл — словам в предложении. Должно было пройти целое столетие, нужно было принести вновь лучших в жертву, чтобы судьба вновь милостиво улыбнулась нашему народу и в этом отношении» [Junker 1935, с. 27–28]. Коррелят вождя усматривается Юнкером, по всей видимости, в личности Гитлера.

Квинтэссенцию расхождения между взглядами Гумбольдта на нацию и официальной доктриной «крови и земли» выражает Э. Фай, высказывая следующее: «Этническое – это решающий фактор, не язык, даже если оно обретает в языке свое прекраснейшее выражение. Этническое, однако, покоится на физическом бытии нашего народа» [Fey 1936, с. 15–16]. Рассуждая далее об этом расхождении, Фай дает ему конкретную формулировку, порицая «глубокую беду гиперкультивированности» (Überkultivierung) немецкого народа: «Наше духовное положение противоположно духовному положению Гумбольдта. Задачей его времени было привести общество от материалистического измельчания к новой духовной высоте; наше положение мы усматриваем в том, чтобы свести излишнюю духовность (Übergeistlichung) прошлого к здоровой физической основе, на которой становится возможной новая, свежая, духовная жизнь. Как Гумбольдт своим понятием организма раскрыл новую духовную область, так и мы сейчас поступаем при помощи понятия расы» [Fey 1936, с. 14]. Таким образом основной водораздел между партийной лингвистикой и философией языка, с одной стороны, и взглядами Гумбольдта – с другой, проложен окончательно.

Обращение к заслугам В. фон Гумбольдта и «изъянам» его философии языка, с позиции нового режима в Германии, отраженное в публикациях 1935 г. и нескольких последующих лет, позволяет представить сложную и противоречивую ситуацию в гуманитарных науках первых лет нацистского режима: продвижение расовой теории в этих науках, создание «расово-адекватного» (arteigen) языкознания испытывали существенные трудности в преодолении мощной научной традиции, особенно – в приспособлении великих умов прошлого к насущным задачам национал-социалистического режима. Избирательное, априорно-партийное, прочтение трудов Гумбольдта продемонстрировало свою несостоятельность хотя бы в том, что ему, несмотря на всю избирательность, не удалось выстроить целостный ортодоксальный образ предтечи новой власти, а попытки вписать Гумбольдта в духовный «расовый пантеон» остались фрагментарными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ростиславлева Н. В. Историографическая рефлексия наследия В. фон Гумбольдта // Вестник РГГУ. М.: РГГУ, 2009. 4/09. С. 79–90. (Серия «Историография».)

Страхова В. С. Немецкое языкознание на рубеже XVIII–XIX веков // Философские проблемы языкознания. Вып. 419. М.: МГЛУ, 1995. С. 29–33.

Bäumer G. Wilhelm von Humboldt zum 100. Todestag am 8. April 1935 // Die Hilfe, 41, 1935. S. 145–148.

Binswanger P. Wilhelm von Humboldt.Frauenfeld und Leipzig: Hüber, 1937. 387 S. *Bloomfield L.* Language. London : Allen & Unwin, 1935. 566 p.

Dempe H. Humboldt-Ehrungen // Geistige Arbeit. Jg. 2, Nr. 2, 1935. S. 10.

Dschang Tien Lin. Lebenabriß Humboldts // Dem Andenken Humboldts. Hrsg. v. deutschen Seminar an der Pekinger Reichuniversität, Tientsin Peiping, chines. Teil, 1935. P. 4.

Feuchtwanger L. Zum 100. Todestag Wilhelm von Humboldts // Jüdische Rundschau. 5.4.1935a.

Feuchtwanger L. Verändertes Geschichtsbild // Jüdische Rundschau. 25.10.1935b. Fey Ed. Wilhelm von Humboldts Sprachforschung und die Sprachenschule // Neuphilologische Monatsschrift 1936. S. 1–25.

Friedlaender Fr. Wilhelm von Humboldt zum 100. Todestag am 8. April 1935 // Central-Verein-Ztg. 8 April 1935, Nr. 14, Beibl. 2. Pp. 1–3.

- *Grau W.* Wilhelm von Humboldt und das Problem des Juden. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1935. 154 S.
- *Grube, K. Wilhelm Von Humboldts* Bildungsphilosophie: Versuch Einer Interpretation. Halle: Akademischer Verlag, 1935. 100 S.
- *Grützmacher R.* H., Wilhelm von Humboldt und die geistige Situation der Gegenwart // Preußische Jahrbücher Bd. 240, 1935. S. 31–44.
- Harnack E. von; Stengel W. Ahnen des Geistes. Wilhelm-von-Humboldt-Ausstellung im Märkischen Museum. Lebensbilder aus der Geschichte der Berliner Universität, Berlin, 9. April 15. Mai [1935]. Berlin: Fritz Fiedler, 1935. 49 S.
- *Hausius L.* Wilhelm von Humboldt, ein deutsches Leben. Heimatkalender f. d. Kreis Querfurt 14, 1935. S. 74–78.
- Häußler G. Wilhelm von Humboldt zum Gedächtnis. Zum 100. Todestag am 8. April 1935 // Brandenburger Land 2, 1935. S. 99–101.
- *Heuschele O.* Wilhelm von Humboldt zum 100. Todestag des großen Staatsmannes und Humanisten // Weltstimmen (Stuttgart). 9. 1935. S. 155–159.
- *Humboldt W.* Gesammelte Schriften, 17 Bde. Hrsg. v. Albert Leitzmann u.a. Berlin: Behr, 1903–1936.
- Jäckle E. Fülle und Vollendung // Dem Andenken Humboldts. Hrsg. v. deutschen Seminar an der Pekinger Reichuniversität Tientsin-Peiping, dt. Teil, 1935. S. 3–4.
- Junker H. Rede auf Wilhelm von Humboldt und die Sprachwissenschaft // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-Historische Klasse. Band 87. Leipzig: S. Hirzel, 1935. S. 11–28.
- *Kleinertz L.* Wilhelm von Humboldt zum 100. Todestage // Die deutsche Beruferziehung, 50, 1935. S. 175–176.
- *Lammers W.* Wilhelm von Humboldts Weg zur Sprachforschung, 1775-1801. Berlin: Juncker und Dünnhaupt, 1935. 76 S. (Neue deutsche Forschungen, Abt. Sprachwissenschaft, 56). Diss. Rostock, 1934.
- *Leitzmann A.* Jugendbriefe Wilhelm von Humboldts //*Preußische Jahrbücher* 24 (April bis Juni 1935), S. 10–31.
- *Liebmann K.* Wilhelm von Humboldt's Seelenwelt und Schicksals-Erlebnis // Dem Andenken Humboldts. Hrsg. v. deutschen Seminar an der Pekinger Reichuniversität Tientsin-Peiping, dt. Teil, 1935. S. 8–9.
- Pannwitz R. Wilhelm von Humboldt // Dem Andenken Humboldts. Hrsg. v. deutschen Seminar an der Pekinger Reichuniversität Tientsin-Peiping, dt. Teil, 1935. S. 2.
- *Probst K. R.* Wilhelm von Humboldt zum 100. Todestag am 8. April // Die badische Schule 2. 1935. S. 79–82.
- Rantzau J. A. von. Wilhelm von Humboldt. Der Weg seiner geistigen Entwicklung. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1939. 111 S.

- *Rupnow D.* Vernichten und Erinnern. Spuren nationalsozialistischer Gedächtsnispolitik. Göttingen: Wallstein Verlag, 2005. 384 S.
- Schultz W. Wilhelm von Humboldt // Die Großen Deutschen. Neue deutsche Biographie / hrsg. von Willy Andreas und Wilhelm von Scholz. Bd. 2. Berlin: Propyläenverlag, 1935. S. 450–463.
- Slotty I. Zur Geschichte der Teleologie in der Sprachwissenschaft (Bopp, Humboldt, Schleicher). Inaugural-Dissertation. Breslau. Würzburg: Konrad Triltsch, 1935. 38 S.
- *Spranger Ed.* Wilhelm von Humboldt zu seinem 100. Todestag // Forschungen und Fortschritte 11. 1935. S. 121–123.
- Strecker R. Wilhelm von Humboldt // Ethische Kultur. Jg. 43. 1935. S. 49–55.
- *Trabant J.* Traditionen Humboldts. Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft 877. 1990. 263 S.

КОГНИЦИЯ, ИНТЕРАКЦИЯ, ДИСКУРС

УДК 81'22

Н. В. Алексеенко

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: joqan@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ФИКТИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена такому малоизученному в отечественной и зарубежной лингвистике феномену, как фиктивная интеракция (далее – ФИ). ФИ рассматривалась применительно к разным жанрам и языковым явлениям, однако большинство работ посвящено изучению данного феномена в английском языке. Термин был впервые предложен Э. Паскуаль в начале 2000-х гг. для обозначения особого способа конструирования явлений, а именно: в терминах коммуникативного акта (напр., платье кричащих цветов; он вышел с видом «почему я?»).

Настоящее исследование ставит задачу выявить универсальные и специфические свойства фиктивной интеракции в русском языке. Сопоставительный анализ проводится с привлечением результатов уже имеющихся исследований ФИ в английском языке на базе данных из Национального корпуса русского языка. Для получения более детальной информации об особенностях и частотности появления тех или иных конструкций ФИ в русском языке, поиск примеров осуществлялся на основе четырех подкорпусов: основного, газетного, устного и поэтического.

Установлено, что сходство вербализации ФИ в русском и английском языках обусловлено действием универсальных процессов концептуальной интеграции (образования блендов). В частности, обнаружено, что для обоих языков характерна концептуализация взгляда, позы, глаз человека как активных участников вербальной интеракции (His eyes said "Don't leave me!"; Её взгляд говорил «Останься, не уходи»). В исследовании показано, что не менее важным процессом в основе ФИ является построение перспективы: выражение, вербализующее ФИ, вводит новую точку зрения, изменяя временной и персональный дейксис, при этом перспектива остается внешней по отношению к доминантной точке зрения повествователя. Сходства, объясняемые когнитивной природой фиктивной интеракции, проявляются, главным образом, на более сложных языковых уровнях: дискурсивном, межфразовом, сентенциональном.

На более простых уровнях языка вербализация фиктивной интеракции в русском языке по сравнению с английским языком имеет свою специфику, диктуемую лексическими и грамматическими особенностями языка. В частности,

на подуровне придаточного предложения английскому индикатору ФИ *like* соответствуют сразу несколько индикаторов ФИ в русском языке: *мол, дескать, де, типа, якобы (He was like «I don't know»; Он кивнул, дескать (мол, типа...), я тоже буду суп.*). Кроме того, вариативность конструкций ФИ в русском языке на подуровнях словосочетаний и лексем имеет определенные ограничения. Так, предложная конструкция «через не х» или «по самое х» использует в качестве х лимитированное количество вариантов (например, *через не могу*). На лексемном уровне ФИ в русском языке вербализуется, главным образом, посредством субстантивации личных форм глагола и междометий (например, *ваши «не хочу»; последнее прощай*).

Ключевые слова: фиктивная интеракция; бленд фиктивной интеракции; перспективизация.

N. V. Alekseenko

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: joqan@mail.ru

VERBALIZATION OF FICTIVE INTERACTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The current work deals with the phenomenon of fictive interaction (FI), that has not received attention of Russian scholars so far. Although fictive interaction is investigated with reference to various genres and language phenomena, it has been studied mainly for the English language. The term was first introduced by E. Pascual at the beginning of 2000 to denote a certain way of construal of entities, i.e., in terms of a communicative act (e.g., *He came out with the look "Why me?"*).

The present study is aimed at determining the peculiarities of FI in the Russian language and finding common universal characteristics of FI that hold true for different languages. Comparative analysis was made on the basis of both the existing materials concerning EL and the data that we found in the National Corpus of Russian Language regarding FI in Russian. The research is carried out on the basis of several subcorpora: the main subcorpus, as well as newspaper, oral conversation and poetic texts.

In line with the previous studies, the results of the analysis show that fictive interaction in English and Russian is guided by the same principles of conceptual integration (blending). For instance, the gaze, posture or eyes of a person are frequently construed as active participants of verbal interaction in both languages (His eyes said "Don't leave me!"). However, in this study we show the importance of another cognitive process underlying FI – i.e., viewpoint or perspective construction. FI expressions introduce a new viewpoint, changing temporal and personal deictic orientation, however, it remains external in reference to the dominant viewpoint of the narrator. The universal features of FI are manifested mainly at the levels of complex expressions: at the discursive, inter-sentential, and sentential levels.

On the levels of smaller units FI in Russian as compared to English is more specific, which is determined by its lexical and grammatical peculiarities. First, on the clausal level the FI indicator *like* corresponds to that of *mol*, *deskat'*, *de*, *tipa*, *jakoby*. Second, the variation of FI constructions on the levels of phrases and lexical items appears to be more restricted. For instance, phrasal FI represented by the prepositional constructions *čerez ne x* or *po samoe x*, has a limited number of options for *x* (e.g. *čerez ne mogu*). At the lexical level FI in Russian is verbalized through the nominalization of finite verb forms and interjections (e.g. *vaši «ne hoy»*; *poslednee prošaj*).

Key words: fictive interaction; fictive interaction blends; viewpoint construction.

Введение

Вербальное взаимодействие говорящих при их непосредственном контакте является неотъемлемой частью становления языка в онтогенезе и филогенезе, что обусловливает его важность в современной социальной деятельности человека. Следовательно, закономерным является тот факт, что по своей природе человеческое мышление, структура языка и дискурса являются диалогическими. Данное положение подтверждается существованием феномена фиктивной интеракции (ФИ), при котором различные объекты и явления концептуализируются говорящим в терминах коммуникативного акта (e.g. this painting tells you a lot about ...; он стоял с видом «Как я устал»).

Термин ФИ был предложен Э. Паскуаль, которая рассматривает данное явление как «проецирование фрейма реальной коммуникации на ментальную структуру текста, сверхфразового единства, целого предложения или его составную часть» (перевод наш. – H. A.) [Pascual 2006, c. 245; Алексеенко 2017, c. 205].

Вербализация ФИ в английском языке: поуровневая классификация Э. Паскуаль

В своем исследовании ФИ Э. Паскуаль продемонстрировала, что данное явление характерно для англо-американского судебного дискурса, который имеет строго нормированный характер и накладывает жесткие ограничения на коммуникативное поведение участников судебного заседания. В рамках судебного заседания адвокаты нередко выстраивают свои монологические высказывания как реплику в вымышленном диалоге с противоположной стороной для того, чтобы повлиять на присяжных, представить улики и доказательства как сущности, способные к вербальной коммуникации (speaking evidence),

сконструировать вердикт как некое «послание» (verdict as an audible message) (подробнее см. [Pascual 2008]). При этом на когнитивном уровне происходит концептуальная интеграция, т. е. создается ментальное пространство (бленд) ФИ, в котором сливаются ментальное пространство референтной ситуации и пространство, структурированное «фреймом непосредственного диалогического общения (перевод наш. – H. A.) [Pascual 2008, c. 80].

Исследователь отмечает, что ФИ вербализуется на различных языковых уровнях, среди которых выделяются: дискурсивный, межфразовый, сентенциональный уровни и уровень составной части предложения (например, грамматической конструкции²). На дискурсивном уровне фрейм диалогического общения лежит в основе построения целого текста или его отрывка, который позволяет представить любой объект (например, взгляд, позу и др.), в качестве активного вербального интерактанта (см. примеры 12, 13).

Под межфразовым уровнем Э. Паскуаль понимает «использование диалогического фрейма для передачи информационной структуры и взаимосвязи между независимыми или придаточными предложениями» (перевод наш. — H. A.) Основой ФИ на данном уровне является классическая диалогическая вопросно-ответная модель (question-answer pattern), которая используется для введения новой темы (пример 1), фокуса высказывания (пример 2) или выражает условие (conditionality) (по типу конструкции Ecnu...mo...) (пример 3):

- 1. What do we know about modern literature. For sure we can say that...
- 2. And what do you think she told us? She said that...
- 3. Do you still have questions? Not a problem...

ФИ на уровне предложения, согласно Э. Паскуаль, соотносится с виртуальными речевыми актами (virtual speech acts) (см. подробнее

¹«Fictive interaction blends <...> are simplex blends resulting from the conceptual integration of a mental space with the frame of the face-to-face conversation» [Pascual 2008, p. 80].

 $^{^2}$ Термин «грамматический» понимается здесь в широком смысле и характеризует структуру языкового материала.

³ «Inter-sentential fictive interaction ... deals with the use of conversation frame to present information structure and relations between sentences and clauses [Pascual 2014, p. 31].

в [Langacker 1999]). В этом случае фиктивность проявляется на уровне иллокуции. Таким образом, выделяют фиктивные утверждения, вопросы, команды, приветствия, этикетные фразы. Приведем для иллюстрации следующие примеры:

- 4. God knows where he has gone.
- 5. Who needs such problems? Nobody.
- 6. Call me stupid, but I love this book.
- 7. Excuse me! Do you really mean what you say?
- 8. Thanks at least for your arrival.

Фиктивная интеракции также может манифестироваться на уровне отдельных структур внутри предложения. В этом случае конструкция ФИ представляет собой самодостаточную дискурсивную единицу, имеющую диалогический дейксис, которая концептуализируется вне коммуникативной ситуации и в синтаксическом и семантическом плане является частью более сложного синтаксического целого. В данном случае нередко употребляются дейктические единицы — особенно темпорального и местоименного дейксиса, свойственные диалогической речи: местоимения первого и второго лица, глаголы в настоящем времени без согласования с прошедшим временем и др. Выделяют следующие подуровни: придаточного предложения (пример 9), словосочетания (пример 10), лексемы (пример 11):

- 9. I felt like, okay, everything is going to be great.
- 10. You have to decide between I want it and I'm afraid of it.
- 11. That completely changes my <u>I-don't-want-to-date-my-brother's-friends</u> attitude.

Универсальные и специфические характеристики вербализации ФИ в русском языке

Хотя, начиная с начала 2000-х гг., фиктивная интеракция рассматривается в контексте разных языков: в испанском, каталанском, голландском языках, в языках Папуа Новой Гвинеи, жестовых языках (подробнее см. в [Pascual 2014]), количество изучаемых языков ограничено, а большинство работ посвящено особенностям реализации ФИ в английском языке. Вместе с тем вовлечение большего диапазона

языков позволило бы, во-первых, подтвердить статус ФИ как универсального дискурсивного явления, во-вторых, выявить как общие, так и универсальные особенности для каждого языка (или группы языков). Отметим, что в некоторых трудах приводятся отдельные примеры из славянских языков для иллюстрации отдельных проявлений интеракциональной фиктивности, в частности в привязке к категории эвиденциональности [см. Pascual 2014; Spronck 2016; Pascual, Królak 2018], однако на настоящий момент последовательного анализа ФИ в русском языке, насколько нам известно, проведено не было. В данной работе представлены некоторые особенности ФИ в русском языке на фоне английского с учетом грамматических и лексических различий между данными языками.

Основным источником примеров ФИ послужил Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru/). Причем исследование фокусируется не только на общем подкорпусе, включающем различные типы современных и ранних текстов (бытовые, деловые, религиозные, научные, художественную прозу и др.); были также проанализированы газетный корпус современных СМИ, подкорпусы поэтических текстов и устной речи, что, с нашей точки зрения, позволило составить общую картину частотности употребления конструкций ФИ в РЯ.

Прежде всего, анализ вышеупомянутых корпусов выявил универсальные свойства вербализации ФИ в русском языке на фоне тех характеристик, которые были выявлены для английского языка. Они, главным образом, обусловлены универсальной когнитивной природой феномена ФИ, связанной с диалогической сущностью мышления и языка и с общей способностью говорящего конструировать сущности как акты непосредственного вербального взаимодействии между людьми. Как мы покажем далее, когнитивная общность ФИ также проявляется не столько в образовании блендов (ср. с идеями Э. Паскуаль), сколько в общих принципах построения перспективы. Универсальные свойства перспективизации в ФИ наблюдаются на всех уровнях — от дискурсивного до лексемного.

Рассмотрим следующие примеры:

- 12. Help me, that look said, we are all in this together [Atwood 2016, c. 200].
- 13. Он обнюхивал, подрагивая усами, и поднимал глаза. Взгляд говорил: «Приготовь. Сырой есть не буду» [Сенчин 2017].

Данные отрывки из художественных произведений иллюстрируют ФИ на дискурсивном уровне. В обоих случаях объект look или взгляд, неспособный к вербальной коммуникации, конструируется как обладающий такой способностью. Особенностью ФИ данного уровня, с точки зрения Э. Паскуаль и Э. Круляк, является то, что смена дейксиса не сопровождается сменой перспективы [Pascual, Krolak 2018]. Несмотря на то, что в контексте присутствуют персональный и временной дейксис героя (см. формы повелительного наклонения help те и приготовь, местоимения первого лица we, я), общей смены перспективы не происходит, поскольку перспектива персонажа подчиняется перспективе рассказчика. Таким образом, точка зрения, вводимая посредством ФИ, остается внешней по отношению к точке зрения рассказчика, которая является доминантной. На иерархию перспектив указывают такие средства вербализации фиктивности, как оформление «интеракциональных» свойств взгляда в виде прямой (пример 13) или несобственно прямой речи (пример 12). Поиск в четырех подкорпусах предполагаемых показателей ФИ, характеризующих фиктивного адресанта, выявил следующие результаты:

- глаза говорили:12 вхождений из 61 являются ФИ;
- глаза говорят: 12 из 50;
- взгляд говорил: 5 из 16;
- взгляд говорит: 2 из 32;
- словно говорили:13 из 17;
- будто говорит: 103 из 140;
- как бы говорили: 34 из 44.

На межфразовых и сентенциональных уровнях в обоих языках характерно использование вопросно-ответной модели для конструирования предложений, вводящих новую тему, обозначающих фокус высказывания или передающих условность; реализация иллокутивной фиктивности также весьма частотна. Сравним, например, высказывания 14–16, демонстрирующие ФИ на межфразовом уровне, с высказываниями 1–3, а также примеры 17–21 с высказываниями 4–8, вербализующими ФИ на уровне предложения:

- 14. Что же интересует сегодняшнюю молодежь? Ничего.
- 15. И что, ты думаешь, случилось потом? Приехали родители и...
- 16. Остались вопросы? Свяжитесь с нами по телефону...

- 17. Бог знает, куда они делись...
- 18. Кому нравится делать уроки каждый день? Никому...
- 19. Думай всё, что угодно, но я не пойду туда...
- 20. Простите! Кого вы назвали глупым?
- 21. И на том спасибо...

В наибольшей степени специфика вербализации ФИ наблюдаются на уровне более мелких единиц, а именно — составных частей предложения, в силу грамматических и лексических особенностей языков. Так, например, на подуровне придаточного предложения в английском языке конструкция ФИ, вводимая лексемой *like*, является весьма частотной (пример 9). Данный показатель ФИ можно соотнести с группой индикаторов в русском языке — таких как мол, дескать, де, якобы, за которыми следуют конструкции ФИ:

- 22. Даже не заиграл, а только попробовал, только показал: здесь, мол, я (НКРЯ: Юрий Коваль. Лесник Булыга. 1985).
- 23. Он спросил спокойно, хотя в голосе читалась насмешка, дескать «я тебя поймал» (НКРЯ: Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21-39. 2011).
- 24. Некоторые верят из глупой, детской, храбрости: боится мальчуган темноты, но лезет в нее, стыдясь товарищей, ломая себя, дабы показать: <u>я-де не трус!</u> (НКРЯ: Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. 1925).
- 25. Как только я укладываюсь под одеяло, он вскакивает ко мне на постель и скромно примащивается в ногах, якобы я тут с краю, незаметно. Я вас не обременю (НКРЯ: Дина Рубина. Я и ты под персиковыми облаками. 2001).

В синтаксическом плане ФИ выражается обособленными конструкциями с функцией уточнения, дополнения, обстоятельства, однако, в отличие от обособлений, не содержащих ФИ, на письме они сопровождаются знаками препинания, характерными для прямой речи, – двоеточием, кавычками, тире, восклицанием и пр.

В отношении ФИ на подуровне словосочетания, отметим, что они не столь продуктивны в русском языке. Анализ контекстов из НКРЯ показал, что такие конструкции по большей части имеют устойчивый характер и вводятся посредством предлога. Рассмотрим следующие случаи:

- 26. Всегда, <u>через не хочу</u> хамил, бил в лицо, кидался, ощетинившись (*НКРЯ*: Захар Прилепин. Санька. 2006).
- 27. Видать подобные наезды со стороны флотских действительно не были редкостью и достали беднягу Терентьева по самое не могу (НКРЯ: Владимир Васильев. Шуруп. 2013).

Выражения не хочу, не могу имеют внутреннюю структуру диалогического высказывания, о чем свидетельствует согласование глагола по первому лицу единственного числа, однако в вышеперечисленных предложениях они лексикализуются (по самое не могу) и становятся частью устойчивого словосочетания с ограниченной вариативностью. Так, в частотной модели с «через не x» x в подавляющем большинстве случаев представлен интеракциональным выражением с глагольными формами первого лица единственного числа с модальным значением нежелания (не могу, не буду, не хочу), и реже – с глагольной конструкцией не хочется. Также нами было зафиксировано употребление фразы *не имеете права* в модели «по самое x», где x также может быть представлен фразами не балуйся, не балуй, и реже – здрасьте, нельзя, не улыбайся, ай-я-яй. В общей сложности, согласно корпусному анализу, из 258 зафиксированных вхождений модели «через не х» 199 являются случаями ФИ; из 273 вхождений конструкции «по самое х» 89 содержат ФИ.

В английском языке, как отмечают исследователи, употребление ФИ на рассматриваемом подуровне имеет характер свободных словосочетаний (см. в [Pascual 2014]). По-видимому, данное различие связано с типологическими особенностями русского языка, для которого характерно многоаспектное согласование членов предложения по роду, числу, лицу, наклонению и пр. Соответственно, рассогласование данных параметров нуждается в дополнительном «закреплении», что и происходит через фразеологизацию.

На лексемном уровне ФИ представляет собой распространенное явление в английском языке, в котором репликовый ход, выступающий в качестве самостоятельного существительного, глагола, прилагательного или наречия, является весьма продуктивным способом вербализации ФИ в силу того, что в данном языке с выраженным аналитизмом сложные синтаксические комплексы могут быть использованы препозитивно в роли сложного атрибута при имени существительном

(например, <u>if-you-need-you-can-get-it</u> spirit) и даже в отдельных случаях выступать в качестве корневой морфемы с различными суффиксами (например, *I-don't-want-ish*) (подробнее см. [Pascual 2014]).

В русском языке вербализация ФИ на уровне лексемы весьма ограничена в силу невозможности использования сложных составных конструкций в роли морфемы и в препозиции к существительному (как с предлогом, так и без). Так, количественный анализ корпуса РЯ показал следующие результаты:

- $ox \partial a ax$: 3 из 4 вхождений являются ФИ;
- ох да ох: 8 из 8;
- ах да ох: 14 из 15;
- ах да ах: 5 из 8;
- последнее прощай: 9 из 9;
- мне ваши: 1 из 276;
- эти ваши: ФИ не найдено;
- ваши эти: ФИ не найдено.

Отметим также, что лексическая ФИ в русском языке выражается, главным образом, через субстантивацию междометий и личных форм глаголов, как, например, в следующих высказываниях:

- 28. Вишь, потому еще жизнь-та в те поры красна и светла вспоминается, что сил душевных и телесных много было. А теперь все ох да ох... Не живем, а колотимся, как навага о лед (НКРЯ: Б. В. Шергин. Из дневников. 1930—1960).
- 29. Или, может быть, сейчас, в притихшую минуту, в подвенечном платье, с листиками мирта на голове, она должна сказать через эти стекла последнее «прощай» всему былому, чтоб больше никогда сюда не возвратиться? (НКРЯ: К. А. Федин. Первые радости. 1943—1945).
- 30. А я хочу спать? Когда вы прекратите уже? Мы ему говорим, пожалуйста, потерпите еще немножко. А он: «Да не надо мне ваши «пожалуйста, я хочу спать» (НКРЯ: Стародубец Анатолий. Владимир Машков: В кино я люблю смеяться и плакать // Труд-7. 2004.06.29).

Обратим внимание, что на субстантивацию указывает также появление у подобных лексических конструкций ФИ согласовательных категориальных признаков рода (последнее «прощай») и числа (ваши «пожалуйста»).

Выволы

Таким образом, явление ФИ, позволяющее конструировать некое явление или объект в терминах коммуникативного взаимодействия, реализуется в русском языке на всех языковых уровнях и имеет как общие свойства, характерные для реализации ФИ в различных языках, так и индивидуальные особенности. Универсальные характеристики, связанные с общими когнитивными процессами в основе ФИ, которые были обнаружены при сравнении русского языка с английским, проявляются на более сложных языковых уровнях: дискурсивном, межфразовом и уровне предложения. Они проявляются не только в общности принципов конструирования блендов ФИ, но и в универсальных особенностях построения перспективы: новая точка зрения, которую вводит ФИ путем смены персонального и темпорального дейксиса, остается внешней по отношению к доминантной точки зрения рассказчика.

В то же время, в силу грамматических и лексических различий, существующих между русским и английским языками, ФИ на уровне составной части предложения имеет определенные особенности реализации в каждом из рассматриваемых языков. Прежде всего, отметим, что ФИ на уровне придаточного предложения в русском языке имеет целый ряд индикаторов (дескать, де, мол, якобы, типа), в то время как в английском языке им соответствует индикатор like.

Более того, поиск в НКРЯ выявил, что ФИ на подуровнях словосочетания и лексемы не является продуктивной для русского языка. В отношении словосочетаний отметим, что в русском ФИ представлена предложными конструкциями и имеет устойчивый характер: распространенными моделями являются «через не х» и «по самое х», где х может принимать ограниченное число глагольных форм: например, не могу, не хочу и др. На подуровне лексем ФИ проявляется, главным образом, в субстантивации междометий и личных форм глаголов и появлении у них категорий рода и (например, последнее простии) числа (например, ваши «я хочу спать»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н. В. Феномен фиктивной коммуникации в полимодальном аспекте [Электронный ресурс] // Вестник Московский государственный лингвистический университет. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 202–215. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6 777.pdf

- Сеничин Р. Постоянное напряжение (сборник). М.: Издательство «Э», 2017. 320 с.
- Atwood M. The Handmaid's Tale. London: Vintage, 2016. 512 p.
- Langacker R. W. Virtual reality // Studies in Linguistic Sciences 29(2). 1999. P. 77–103.
- Pascual E. Fictive interaction within the sentence: A communicative type of fictivity in grammar // Cognitive Linguistics 17(2). Walter de Gruyter, 2006. P. 245–267.
- Pascual E. Fictive interaction blends in everyday life and courtroom settings // Mental spaces in discourse and interaction / ed. by T. Oakley and A. Hougaard. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2008. P. 79–109.
- Pascual E. Fictive Interaction: the conversation Frame in thought language
- and discourse // Human Cognitive Processing / Cognitive Foundations of Language structure in Use; 47 / Ed. by K.-U. Panther, L. Thornburg. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014. 243 p.
- Pascual E., Królak E. The 'listen to characters thinking' novel: Fictive interaction as narrative strategy in English literary bestsellers and their Spanish and Polish translations // Review of Cognitive Linguistics, vol. 16(2), 2018. URL: estherpascual.com/wp-content/uploads/2015/07/R.. 'listen-to-charactersthinking'-novel.pdf (дата обращения: 8.02.2018).
- Spronck S. Evidential fictive interaction (in Ungarinyin and Russian) // The Conversation Frame: Forms and Functions of Fictive Interaction / Ed. E. Pascual, Sandler S. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 255–275.

УДК 81'373.46

А. Л. Братцева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: anabellabr@mail.ru

(ДЕ)ФОКУСИРОВАНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В ОСНОВЕ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

В статье на материале специальных лексических единиц русского языка из сферы биологии разбираются когнитивные основания процесса детерминологизации как ослабления специального значения терминов. Проблема детерминологизации рассмотрена в данном исследовании с точки зрения взаимосвязи когнитивных механизмов фокусирования и дефокусирования. Под этими терминами понимаются, соответственно, выделение и подавление в определенном контексте тех или иных элементов конструируемой ситуации или объекта. Выдвижение определенной информации на первый план означает выведение соответствующих концептуальных элементов в первичный фокус; вербализация информации без ее выдвижения на первый план означает ее помещение во вторичный фокус; и, наконец, фон составляет та информация, которая потенциально может быть релевантна для понимания соответствующего фрагмента, но которая в данном фрагменте не вербализуется.

Для отбора терминов, составивших материал данного исследования, был использован биологический энциклопедический словарь, рассчитанный на тех, кто изучает биологию – от школьников до специалистов; кроме того, для расширения списка исследуемых лексем использовались более специализированные словари. Таким образом было отобрано 625 биологических терминов русского языка, которые, с одной стороны, именуют наиболее широкие и фундаментальные понятия и. с другой – относятся к инновационным областям биологии. связанным со здоровьем человека, таким как генетика, физиология человека, иммунология, эмбриология и экология. Для выявления специфики процессов детерминологизации в конкретных лексемах был проведен концептуальный анализ терминологических дефиниций из специальных справочников и был установлен объем концептуального содержания специального понятия, который стоит за тем или иным термином. Последний послужил «точкой отсчета» для выявления характера трансформаций значения термина в различных контекстах. Далее был проведен корпусный анализ текстов разной тематики и стилевой принадлежности с целью определения наиболее выделенных элементов из ближайшего окружения специальной лексемы в разных типах контекстов. В качестве инструмента использовался Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). Были выявлены некоторые механизмы перераспределения внимания при употреблении терминов в различных типах дискурса – в СМИ научно-популярной и ненаучной тематики, в художественной литературе и дискурсе электронной коммуникации. Было показано, что как в специальных, так и в неспециальных контекстах, детерминологизация предполагает сужение фокуса за счет дефокусирования части элементов базового концептуального диапазона термина, представленного в научных дефинициях. Вместе с тем природа механизмов сужения в случае с детерминологизацией в неспециальных контекстах существенно отличается: сужение фокуса носит нестандартный характер и сопровождается метонимией, метафтонимией, расширением категориальной основы фокуса (нередко вместе с метафоризацией), введением в фокус субъективных оценочных признаков, меной фокуса и фона. В результате этих процессов концептуальное содержание терминов не только и не столько упрощается, сколько дополняется новыми фокусными элементами, которые вербализуются с различной степенью выделенности в разных контекстах. Выявленные нами процессы обусловливают изменения значений терминов и вносят вклад в популяризацию научного знания за счет введения элементов художественности в тексты научной тематики. Описанные в данной статье механизмы лежат в основе употребления терминов в составе метафор, олицетворений, сравнений, оценочных суждений и, шире, терминотворчества. Установление механизмов и путей детерминологизации в конечном итоге позволяет определить наиболее эффективные способы трансфера специальных знаний в различные области деятельности человека.

Ключевые слова: термин; детерминологизация; фокусирование; дефокусирование; фокус; фон; базовый концептуальный диапазон.

A. L. Brattseva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: anabellabr@mail.ru

FOREGROUNDING AND BACKGROUNDING AS BASES OF DETERMINOLOGIZATION

The present study of Russian terms from the domain of biology focuses on the cognitive bases of the process of determinologization – the loss of a term's specialized meaning. Determinologization is viewed in the present study in terms of foregrounding and backgrounding. These terms refer respectively to the salience increase or decrease of certain elements of an object or a situation in a given context. Highlighting certain information means placing the corresponding conceptual elements in the primary focus of attention; verbalizing certain information without highlighting means placing it in the secondary focus of attention, whereas the background is formed by non-verbalized information which, however, may be potentially relevant for the understanding of the given fragment.

The terms studied in this research were selected from a dictionary intended for those studying biology – from school students to experts. Thus, 625 Russian biological terms were selected. On the one hand, they include those denoting the broadest and the most fundamental notions; on the other hand, they include terms from innovative domains of biology related to human health, such as genetics, human physiology, immunology, embryology, and ecology. To elucidate the specifics of determinologization of particular lexemes, we needed to define the conceptual scope of the special notion denoted by a given term using definitional analysis. The latter was considered as the

starting point for the analysis of the term's transformations in various contexts. Then we performed a corpus analysis of texts of various subjects and styles to define the most foregrounded elements collocating with the lexeme in various contexts using the Russian National Corpus. We established certain mechanisms of attention redistribution underlying the use of terms in discourse of various types; in popular science and nonscientific mass media texts, fiction, and Internet communication. The study shows that determinologization in specialized as well as in non-specialized contexts involves the narrowing of the focus of attention due to the backgrounding of certain elements of the term's basic scope presented in scientific definitions. However, the nature of the narrowing in non-specialized contexts significantly differs from that in specialized contexts: it is non-standard and often accompanied by metonymy, metaphtonymy, categorical extension of the focus base (which often co-occurs with metaphorization), foregrounding of subjective evaluative features, and focus and background exchange. These processes result not only in simplification of the terms' conceptual contents but rather in addition of new focus elements, verbalized with various degrees of salience in various contexts. The identified processes underlie semantic modifications of terms and contribute to specialized knowledge popularization by adding elements of fictional discourse into scientific texts. The mechanisms described in this article underlie the use of terms in metaphors, personifications, evaluative judgments, and, moreover, term creation. Establishing of mechanisms and ways of determinologization eventually allows defining the most efficient ways of knowledge transfer to various domains of human activity.

Key words: term; determinologization; foregrounding; backgrounding; focus of attention; background; scope.

1. Ввеление

В настоящее время в связи с развитием и популяризацией науки, а значит, распространением терминов, наблюдается усиленный обмен между терминологической и общеупотребительной лексикой [Лубожева 2006; Лейчик 2007; Halskov 2005]. Отмечается, что при употреблении в неспециальном дискурсе значения терминов могут модифицироваться [Мотро, Новодранова 2012]. В частности, специальное значение языкового выражения может существенно ослабляться. Этот процесс получил название детерминологизации, или деспециализации [Лейчик 2007, с. 29]. Исследование явления детерминологизации позволит изучить такую важнейшую функцию языковых единиц, как трансфер знаний из области науки в область повседневного опыта [Лингвистика и семиотика культурных трансферов 2016], а также установить, какие семантические трансформации сопровождают реализацию этой функции в конкретных контекстах. Знание потенциала

детерминологизации той или иной лексемы может быть успешно использовано для решения задач популяризации научных знаний.

Проблема детерминологизации рассматривалась в работах Л. Н. Лубожевой [Лубожева 2006], С. В. Лобанова [Лобанов 2006] и др. Так, Я. Хальсков [Halskov 2005] исследует процесс детерминологизации с использованием диахронического подхода, анализируя изменения сочетаемости терминов. А. Ю. Багиян [Багиян 2013], рассматривая детерминологизацию через восприятие и обработку информации, заложенной в слове, выделяет такие этапы трансформации термина, как его восприятие через слуховой или зрительный канал, соотнесение нового знания с уже имеющимся, упрощение как подстраивание под более простой концепт (за счет отсутствия или недостатка специальных знаний) и использование соответствующей номинации в речи.

В то же время сами когнитивные механизмы, приводящие к деспециализации значения термина в дискурсе, изучены недостаточно. Так, например, С. В. Лобанов описывает процесс системной детерминологизации как изменение структуры фреймов, обозначаемых терминами [Лобанов 2006]. Наиболее близким к нашей работе является исследование Ю. Б. Мотро, которая анализирует модификации специальных значений в отдельных типах текстов через соотношение концептуального диапазона термина и его активной зоны [Мотро 2010].

Мы полагаем, что модификации специальных значений в дискурсе обеспечиваются механизмами перераспределения внимания или изменения выделенности (салиентности) тех или иных компонентов значения [Ирисханова 2014, с. 29]). Настоящее исследование посвящено выявлению аттенциональных механизмов при употреблении биологических терминов русского языка в различных типах дискурса. Динамика салиентности тех или иных концептуальных элементов как внутри слова, так и в более крупных единицах, позволяет различать взаимосвязанные механизмы фокусирования и дефокусирования или (де)фокусирования [там же]. Под этими терминами понимаются, соответственно, выделение и подавление в определенном контексте тех или иных элементов конструируемой ситуации или объекта. Выдвижение определенной информации на первый план означает выведение соответствующих концептуальных элементов в первичный фокус; вербализация информации без ее выдвижения на первый план

означает ее помещение во вторичный фокус; и, наконец, фон составляет та информация, которая потенциально может быть релевантна для понимания соответствующего фрагмента, но в данном фрагменте не вербализуется. Как правило, подавляются очевидные или нерелевантные на данный момент развертывания дискурса элементы. В отдельных случаях многие свойства объектов или ситуаций, обычно помещаемые в фокус внимания в специальных контекстах, оказываются дефокусированными. В результате появляются слова и выражения с диффузной семантикой, переносными значениями и другими семантическими модификациями [там же].

Возникает вопрос о том, какими способами, с точки зрения (де) фокусирования, может проходить детерминологизация в различных контекстах. Ответ на этот вопрос позволит в конечном итоге выявить те особенности терминов, которые позволяют им становиться средством трансфера знаний из узкоспециальных областей в сферу обыденного знания.

2. Отбор материала и методы исследования

Материалом исследования послужили биологические термины, так как в настоящее время они находят широкое употребление в неспециальных контекстах в связи с развитием биотехнологий, которые используются во многих научных и промышленных областях, имеющих выход в повседневную деятельность людей.

Для отбора терминов мы применили сочетание традиционного метода словарной выборки и корпусного анализа. Для первичной выборки был использован Биологический энциклопедический словарь под редакцией М. С. Гилярова, рассчитанный на тех, кто изучает биологию, от школьников до специалистов. Мы предположили, что именно такие термины, представляющие базу биологической терминосистемы, более склонны к детерминологизации, так как чаще обсуждаются или используются неспециалистами, по сравнению с теми, которые содержатся лишь в специальных словарях и научной литературе. Кроме того, для расширения списка терминов использовались более узкие словари для специалистов [Шестопалова 2013; Крюков 2011]. Таким образом было отобрано 625 биологических терминов русского языка, которые, с одной стороны, именуют наиболее широкие и фундаментальные понятия (например, клетка, белок,

инстинкт), а, с другой — относятся к инновационным ее областям, связанным со здоровьем человека, таким, как генетика (хромосомы, клонирование), физиология человека (эстрогены, тестостерон), иммунология (иммунитет, аллергия), эмбриология (оплодотворение, эмбрион) и экология (популяция, биомасса). Термины таких областей, как анатомия, ботаника и зоология, исключались из рассмотрения, так как предварительный корпусный анализ показал, что в текстах СМИ «ненаучной» тематики их частотность относительно невысока в силу того, что эти области биологического знания не имеют непосредственного отношения к прорывным технологиям, связанным со здоровьем человека и вызывающим интерес у широкой аудитории.

Для выявления специфики процессов детерминологизации в конкретных лексемах необходимо было определить «точку отсчета» для анализа трансформаций значения термина. Такой точкой отсчета стал тот объем концептуального содержания специального понятия, который стоит за тем или иным термином. В этих целях был проведен анализ дефиниций из нелингвистических специальных справочников. Повторяющиеся в большинстве дефиниций концептуальные элементы составили концептуальный диапазон специального значения термина. Далее для анализа употребления терминов в различных контекстах с целью выявления наиболее выделенных элементов из ближайшего окружения специальной лексемы был проведен анализ текстов разной тематики и стилевой принадлежности. В качестве инструмента использовался Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), в котором были заданы следующие подкорпусы:

- Научно-популярные тексты СМИ. *Сфера функционирования:* публицистика. *Тематика:* здоровье и медицина, биология, природа.
- СМИ ненаучной тематики. Сфера функционирования: публицистика. Тематика: армия и вооруженные конфликты; бизнес, коммерция, экономика, финансы; дом и домашнее хозяйство; досуг, зрелища и развлечения; искусство и культура; криминал; образование; политика и общественная жизнь; право; производство; происшествия; путешествия; религия; философия; частная жизнь. Тип текста: статья, очерк, интервью, репортаж, хроника, информационное сообщение.
- Художественные тексты. Тематика: любая.

- Электронная коммуникация. *Тип:* блог, СМС, форум. *Темати- ка:* дом, досуг, политика, путешествия, происшествия, частная жизнь.
- Устный подкорпус.

В каждом случае задавался временной промежуток с 1970 по 2016 гг., так как во многих исследованиях отмечается, что именно во второй половине XX в., во-первых, возникли и вошли в употребление многие термины, и, во-вторых, усилились процессы, потенциально приводящие к детерминологизации: интеллектуализация общества, популяризация науки и т. п. [Лубожева 2006; Багиян 2014].

Далее, принимая совокупность повторяющихся элементов в дефинициях термина за концептуальную базу [Langacker 2008, с. 66], мы применили контекстуальный анализ когнитивной выделенности [Chafe 1994] для выявления того, какие концептуальные компоненты термина выдвигаются в фокус внимания, а какие — дефокусируются в различных специальных и неспециальных контекстах, что позволило увидеть особенности действия механизмов распределения внимания при детерминологизации.

3. Частные механизмы детерминологизации в биологических терминах

Проведенный анализ позволил выделить несколько частных механизмов (де)фокусирования при употреблении терминов в специальных (научных, научно-популярных) и неспециальных контекстах (в художественной литературе, обыденной коммуникации). Было показано, что в неспециальной коммуникации один из стандартных частных механизмов (де)фокусирования является нестандартное сужение фокуса, т. е. сужение фокуса с метонимической компрессией и метафтономическим смещением. Нами также были обнаружены дополнительные частные механизмы нестандартного сужения фокуса (сужение с категориальным расширением, метафоризацией, с меной фокуса и фона, субъективной оценкой), на которых мы остановимся ниже.

Отметим, что, поскольку любое выражение профилирует, как правило, лишь часть своего ближайшего концептуального диапазона [Langacker 2008, с. 66], в специальной коммуникации сужение фокуса также наблюдается довольно часто. Как отмечает Ю. Б. Мотро,

«коммуниканты-эксперты, которым хорошо известен предмет обсуждения, как правило, могут остановиться на определенных сторонах того или иного объекта с целью обменяться мнением, опытом и т. д.» [Мотро 2010, с. 135], что приводит к сужению диапазона выделяемых в контексте элементов. Однако, как правило, в специальной коммуникации наблюдается стандартное сужение фокуса, не сопровождающееся смещением.

Рассмотрим пример из специального контекста — научно-популярной статьи:

Итак, определение: *иммунитет* — это способность организма *противостоять действию болезнетворных вирусов и бактерий*, то есть сопротивляться всякого рода *инфекционным заболеваниям* (*Вера Елгаева*. *Защита* — *дело тонкое* (2003) // «100% здоровья», 2003.02.14).

Научная дефиниция термина иммунитет позволяет выявить концептуальные признаки данного понятия: принадлежность – свойство многоклеточных организмов, механизм действия – удаление чужеродных молекул, результат – поддержание постоянства макромолекулярного состава, устойчивость к инфекционным агентам и резистентность к опухолям [Ярилин 2010, с. 28]. Определение, приведенное автором данной научно-популярной статьи, отличается от определения, используемого в научной коммуникации. Автор научно-популярного текста трансформирует определение иммунитета за счет выведения из центра внимания свойств, имеющих принципиальное значение для коммуникации специалистов, а именно: многоклеточности организмов, обладающих иммунитетом; поддержания постоянства макромолекулярного состава; механизма иммунитета – удаление чужеродных молекул – и следствия действия этого механизма – резистентности к опухолям. Общим для определения из научно-популярной статьи и для научной дефиниции является фокусирование информации о противостоянии инфекции, однако в определении из научно-популярной статья наблюдается сужение фокуса термина. Так, в приведенном примере говорится лишь о противостоянии болезнетворным вирусам и бактериям, тогда как в научном определении говорится о любых чужеродных молекулах. В целом, в приведенном фрагменте из научнопопулярной статьи сужение фокуса носит стандартный характер, так как фокусные элементы ограничены концептуальной базой термина.

Для выявления особенностей нестандартного сужения фокуса в неспециальной коммуникации приведем пример сужения, сопровождаемого метонимической компрессией, при котором существенная часть релевантной для биологического знания информации оказывается невербализованной и компрессируется до одного компонента. Подобный механизм (де)фокусирования весьма распространен в неформальной обыденной речи и служит языковой экономии за счет сокращения объема высказывания. Приведем несколько примеров:

Дело в том, что в детской больнице лежит брошенная девочка с диагнозом **ВИЧ** (подробностей не знаю) (*Наши дети: Подростки. 2004*).

Попросила направления на *гормоны щитовидки* и УЗИ, потом уже сдавала *антитела* (*Беременность: Планирование беременности* (форум). 2005).

В приведенных примерах наблюдаются метонимические переносы: характеристика болезни (диагноз) переносится на вирус (ВИЧ), а процесс анализа крови на какой-либо компонент (сдача) переносится на исследуемый компонент (антитела). Так, в последнем примере процесс сдачи анализа крови дефокусируется, компрессируясь до самих компонентов, что приводит к конструированию определенной цепочки действий через выявляемый результат. Заметим, что в формальной специальной коммуникации, т. е. в письменных текстах учебно-научной сферы в НКРЯ, подобных примеров нами обнаружено не было.

Для иллюстрации **метафтонимического смещения**, сопровождающего нестандартное сужение фокуса в неспециальных контекстах, приведем фрагмент из художественной литературы:

И она вскочила с безумным воплем, а он припустил к ней, как мальчишка... Сейчас ей хотелось лишь одного: склонить голову на его плечо в строгом фраке и закрыть глаза; а лучше утащить его, обвить всем телом, проникнуть в него каждым росточком, каждой клеткой кожи (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014).

В данном случае в фокус помещается лишь информация о структурной роли клетки (клеткой кожси). Однако в анализируемом контексте речь идет не об организмах, а о чувствах героини, на что указывает синтаксическое фокусирование, реализуемое через перечислительные конструкции склонить голову, утащить его, обвить всем телом, проникнуть каждым росточком, каждой клеткой кожи, стоящие

в зависимой позиции от усилительной конструкции ей хотелось лишь одного. Термин запускает метонимические проекции «поверхность вместо внутреннего состояния» и взаимосвязанную с ней метафору «тело как вместилище эмоций, психических состояний человека».

Проведенный анализ позволил выявить еще один случай нестандартного сужения фокуса, которое сопровождается выдвижением информации, избыточной или очевидной с точки зрения специального знания:

Примечательно, что *генетические мутации*, приводящие к замене всего нескольких аминокислот в белковой последовательности, изменяют структуру фермента таким образом, что спектр разрушаемых им антибиотиков значительно расширяется (Р. С. Козлов, А. Рылов. Антибиотики сдают позиции. Так ли это? // «Наука и жизнь», 2007).

Для выявления избыточной информации обратимся к определению термина мутация. Анализ дефиниций данного термина показывает, что базовыми концептуальными признаками данного понятия являются внезапность и воздействие на генетический материал [Биологический энциклопедический словарь; Крюков 2011]. Таким образом, подразумевается, что всякая мутация является генетической. Однако, поскольку подобная информация может быть неочевидной для неспециалиста, именно компонент «генетический» выводится из фона во вторичный фокус в приведенном примере. Примечательно, что подобное «избыточное» употребление указывает на то, что термин мутация в неспециальном контексте претерпевает категориальное расширение и начинает обозначать любые трансформации – как генетические, так и иные. Таким образом, количество фокусных элементов, по сравнению с терминологической концептуальной базой, сокращается (т. е. происходит сужение фокуса), однако сам фокусный элемент расширяет категориальное содержание.

В связи с расширением категориальных оснований термина интересно сопоставить действие аналогичного механизма в специальном и неспециальном контекстах. В первом случае мы имеем дело с развитием научной субкатегоризации, что нередко проявляется в образовании новых терминосочетаний:

Для макроорганизма небезразлично, в какой период происходит присоединение второго возбудителя: одновременно с первым, в период максимальной готовности неспецифических защитных механизмов или

в более поздний период развития *специфического иммунитета*, действенного только в отношении первого агента (*Клиническая характеристика клещевого энцефалита при его сочетании с Лайм-боррелиозом* // Вопросы вирусологии. 2000.03.15).

В данном контексте используется терминосочетание *специфический иммунитет*, указывающее на отличие данной субкатегории от других типов иммунитета [Ирисханова 2014]. Если в специальной коммуникации результатом субкатегоризации является образование нового термина, закрепленного в специальных словарях [Крюков 2011], то сочетания, образованные в неспециальной коммуникации, как правило, не являются терминами и не встречаются в учебно-научном подкорпусе НКРЯ:

Благодаря такой *информационной селекции* и насаждаемому «новоязу» создается практически неограниченная возможность властвования над сознанием людей и их поступками... (Арлен Блюм. Английский писатель в стране большевиков // Звезда. 2003).

Словосочетания типа *информационная селекция* не относятся к биологическим терминосочетаниям, а принадлежат к «народному» терминотворчеству. В подобных случаях нестандартное сужение фокуса часто сопровождается **метафоризацией**:

В результате *длительной селекции* в Машиной жизни наконец появился *конголезец Жан Курта*, который учился в Университете дружбы народов (*Екатерина Гончаренко*. *Слона на скаку остановит* // *Столица*. 1997.07.15).

В данном фрагменте в центре внимания остаются такие базовые элементы, как «отбор» и «длительность», однако при этом профилируются также такие «небиологические» компоненты, как героиня (Маша) в роли селекционера и люди (вместо растений и животных) в роли объектов селекции. Таким образом, термин селекция задает метафорические проекции в область личных отношений, что приводит к существенной перестройке фокуса. В наибольшей степени данная перестройка достигает при оксюмороне:

С ним [фактом *хаотичной селекции* управляющих кадров] связано и отсутствие при деспотизме понятия «политической смерти» (*Камиль Галеев. Азиатский деспотизм – что это такое?* // Знание – сила. 2010).

Анализ научной дефиниции термина *селекция* позволяет заключить, что направленность является существенной чертой данного

процесса [Крюков 2011, с. 97]. В примере из корпуса направленность селекции дефокусирована, а во вторичный фокус выводится противоположная черта — хаотичность.

Наряду с сужением фокуса с категориальным расширением значения термина, мы наблюдали сужение фокуса, сопровождаемое **меной фокуса и фона**. Рассмотрим пример из статьи, посвященной творчеству В. Набокова:

Продолговатая лужица, очертанием напоминающая *органическую клетку*, возводится в прототип иных представлений, пронизывающих все действие романа, и потому она изображает мышление Круга (*Вячеслав Шевченко. Зрячие вещи // Звезда. 2003*).

В научной дефиниции клетки ее органический характер выражен имплицитно [Шестопалова 2013, с. 31]. Кроме того, по данным НКРЯ, такая характеристика клетки в специальной коммуникации не вербализуется (т. е. всегда находится в фоне): так, например, в текстах учебно-научной сферы биологической тематики словосочетание органическая клетка не встречается, так как информация об органической природе клетки очевидна для специалистов и поэтому избыточна. Однако в приведенном фрагменте из публицистики именно этот фоновый, избыточный концептуальный признак помещается во вторичный фокус, наряду с отсутствующим в специальном определении элементом о форме клетки (очертанием напоминающая органическую клетку). Эксплицируемая в дефиниции информация о том, что клетка является элементарной системой [там же], в рассмотренном отрывке, напротив, не вербализована. Таким образом, в данном контексте наблюдается перестановка фокусированных и дефокусированных (фоновых) элементов, т. е. мена фокуса и фона.

Еще одним частным механизмом перераспределения внимания является нестандартное сужение фокуса, сопровождаемое выдвижением субъективных оценочных признаков объектов и явлений. Данный механизм (де)фокусирования наблюдается при употреблении терминов в окружении оценочной лексики. Приведем пример из подкорпуса разговорного дискурса:

Насчет тестостерона ничего не скажу — не знаю, но эти **противные антитела** (АТ-Тг и Ат-Тпо) у меня повышены в несколько тысяч (*Беременность*: Планирование беременности (форум). 2005).

В приведенном примере эмоционально окрашенное прилагательное *противные*, с которым употребляется термин, выведено во вторичный фокус, тогда как в научных дефинициях и в специальной коммуникации соответствующие оценочные признаки не вербализуются в соответствии с требованиями научного стиля [Сухая 2012].

4. Выволы

Проведенный анализ подтвердил наше предположение о том, что в основе детерминологизации лежат когнитивные механизмы (де)фокусирования, направленные на перераспределение внимания и, как следствие, на ослабление специального значения лексемы, что позволяет лексеме легче адаптироваться к меняющимся условиям контекста. На материале биологических терминов мы установили, что как в специальных, так и в неспециальных контекстах, детерминологизация предполагает сужение фокуса за счет дефокусирования части элементов базового концептуального диапазона термина, представленного в научных дефинициях. Вместе с тем сужение фокуса в неспециальных контекстах носит нестандартный характер и сопровождается метонимией, метафтонимией, расширением категориальной основы фокуса (нередко вместе с метафоризацией), введением в фокус субъективных оценочных признаков, меной фокуса и фона. В результате концептуальное содержание терминов не только упрощается, но и дополняется новыми фокусными элементами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивный анализ технических детерминологизированных аббревиатурных единиц (на материале научно-популярного дискурса английского языка) // Тамбов: Грамота. 2014. № 10. Ч. 3. С. 44–51.
- Биологический энциклопедический словарь / М. С. Гиляров [и др.]. М. : Сов. Энциклопедия, 1986. 864 с.
- *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Крюков В. И. Генетика. Часть 15. Учебный словарь терминов ; учебное пособие для вузов. Орел : ОрелГАУ, 2011. 156 с.
- Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии / В. В. Фещенко [и др.]. М.: Культурная революция, 2016. 500 с.
- *Лобанов С. В.* Стилистические аспекты функционирования терминологической лексики в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

- Пубожева Л. Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общеупотребительного языка: на материале экономической терминологии английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 2006.
- *Мотро Ю. Б.* Когнитивно-прагматические факторы реализации специальных значений в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Новодранова В. Ф., Мотро Ю. Б. Модификации терминологических значений в различных типах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 6 (639). С. 102–112. (Языкознание.)
- Сухая Е. В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 6 (639). С. 212–219. (Языкознание.)
- Шестопалова Π . B. Терминология в эмбриологии и гистологии для студентов КРИ. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2013. 102 с.
- Ярилин А. А. Иммунология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 749 с.
- Bagiyan A. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance. 3Rd International Conference on Science and Technology ISPC 2013. P. 257–264.
- *Chafe W.* Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. University of Chicago Press, 1994. 327 p.
- *Halskov J.* Probing the Properties of Determinologization the Diasketch // Young Researchers at DCL: Three papers / Ed. by S. L. Hansen. Frederiksberg: LAMBDA, 2005. P. 39–63.
- Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. 562 p.

УДК 81

А. В. Куковская

старший преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области управления информацией факультета международной информационной безопасности ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: loiso13@mail.ru

ДИСКЛЕЙМЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена вопросам, связанным с англоязычным интернет-дискурсом в сегменте блогосферы, посвященном массовой культуре и, в частности, дисклеймерам в фанфиках, их связью с со-творчеством, креативностью и авторскими правами. В статье ставится задача проиллюстрировать основные функции и особенности дисклеймеров в фанфиках. Актуальность данной темы заключается в том интересе, который современная лингвистика проявляет к исследованию дискурса и интернет-дискурса. Новизна работы заключается в том, что англоязычный интернет-дискурс до сих пор исследован недостаточно, особенно это касается сегмента блогосферы, посвященного произведениям массовой культуры и, в частности, такому элементу лингвокреативной деятельности блогеров, как дисклеймеры, в которых пересекаются лингвистика и юриспруденция. В статье сделаны выводы о том, что дисклеймер развивается как самостоятельный мини-текст, построенный на контрасте формы и содержания, и выполняет ряд функций, позволяющих фикрайтеру решить сразу целый спектр дополнительных задач. Кроме того, дисклеймер в фанфиках стал площадкой для реализации со-творческого лингвокреативного порыва блогеров в англоязычном интернет-дискурсе, посвященном современной массовой культуре.

Ключевые слова: дисклеймер; интернет-дискурс; блоги; поп-культура; сотворчество; интертекст; интерактивность; фанфик; креативная деятельность; авторские права.

A. V. Kukovskaya

Senior lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the sphere of Information Management, Faculty of International IT Security; e-mail: loiso13@mail.ru

DISCLAIMERS IN THE CONTEMPORARY ENGLISH INTERNET-DISCOURSE

The article is devoted to the issues connected with English Internet-discourse as it manifests itself in the blogosphere inspired by the modern pop-culture media landscape. The Article, in particular, addresses fanfiction disclaimers in the context of their relation to co-authorship, creativity and copyright. In addition, the article illustrates the main functions and peculiar characteristics of disclaimers used in

fanfiction. The relevance of this topic is justified by the interest that modern linguistics has in discourse analysis and in computer-mediated internet-discourse. The novelty of the article lies in the fact that it is vital that English Internet-discourse should be the subject of more in-depth studies. The Article especially deals with the segment of blogosphere devoted to pop-culture and fanfiction disclaimers in particular, while they represent the convergence point between linguistics and law. In the Article we come to the conclusion that the disclaimer in fanfiction is a separate mini-text, a stark contrast of form and content, performing a number of functions that allow fic-writers to achieve a myriad of different goals. Also, the disclaimer in fanfiction is a space where bloggers show their creative activity which might result in co-authorship in the contemporary English Internet-discourse, devoted to pop-culture.

Key words: disclaimer; Internet-discourse; weblogs; pop-culture; co-authorship; intertext; interactivity; the death of the Author; fanfiction; creativity; copyright

Ввеление

В современном мире фигура автора художественного произведения всё больше нивелируется и видоизменяется. Обращаясь сегодня к пророческим словам Ролана Барта о смерти автора, мы становимся свидетелями того, что наблюдается это не только на уровне текста, интертекста и их порождения, создания или со-творения, если рассматривать авторство в русле семиотического и герменевтического подходов, но и с юридической точки зрения, далекой от массовой культуры, в частности в том, что касается авторских прав.

Современное массовое искусство интерактивно и интертекстуально. Оно существует не только в рамках произведений массовой культуры, но и выходит за их пределы: «четвертая стена» между авторами и читателями (зрителями) истончается и исчезает, провести грань между изначальным автором и его со-авторами – блогерами из Всемирной сети – становится всё сложнее. Начиная как интерпретаторы, выражающие мнение о произведениях массовой культуры в современном англоязычном интернет-дискурсе (на таких, в частности, площадках, как *Tumblr*, *Instagram*, *LiveJournal*, *Twitter* и т. п.), блогеры постепенно вовлекаются в процесс со-творчества и порождают собственные тексты, которые, вступая в сложные диалектические отношения с оригинальным текстом формируют собой постмодернистский постоянно развивающийся, взаимозависимый и изменяющийся интертекст.

Нам представляется, что схематично можно представить себе следующую интертекстуальную семиотическую цепочку текстов:

произведение массовой культуры порождает ответную реакцию в виде креативной активности блогеров, будучи событиями когнитивно-коммуникативного свойства, записи в блогах создают «эффект домино» в интернет-дискурсе, и отголоски этого эффекта доходят до изначального произведения, тем или иным образом влияя на него и на его авторов.

Сегодня «роль автора уменьшается» [Ирисханова 2004, с. 19], об этой тенденции еще задолго до эпохи Интернета говорил, например, Р. Барт, утверждая, что текст, будучи «соткан из цитат», являясь «многомерным пространством», «...создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [Барт 1989, с. 387–388]. В современном мире развитие технологий и процессы, происходящие как в блогосфере, так и в современной поп-культуре, только способствуют нивелированию фигуры автора, разрушению «четвертой стены», стиранию грани между автором и читателем (зрителем), между создателем семиотического текста и его интерпретатором. Наблюдаемые в англоязычном (и не только) интернет-дискурсе явления, связанные с активностью блогеров, интерпретирующих как изначальный семиотический текст, так и интертекст в целом, в очередной раз подтверждают мысль Х.-Г. Гадамера о том, что цель интерпретации заключается «не в "воспроизведении", а в "произведении" смысла, ...не в *реконструкции* (замысла), а в *конструкции* (смысла)» [Гадамер 1991, с. 329]. Учитывая данные тенденции, неудивительно, что блогеры идут дальше, нежели просто интерпретируют и высказывают свое мнение о том или ином произведении, – они занимаются творчеством и пишут свои тексты на основе изначальных, так называемые фанфики¹, которые размещают в Интернете в своих блогах или на специальных форумах и иных площадках.

Статья призвана привлечь внимание к такому любопытному явлению в современном англоязычном интернет-дискурсе, встречающемуся в сегменте блогосферы, посвященному массовой культуре, как дисклеймер (англ. disclaimer — «1. a repudiation or denial of responsibility or connection; 2. (law) a voluntary repudiation of a person's

¹ Фанфик (*англ*. fanfic) — любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства (кинофильмов, телесериалов, аниме и т. п.), комиксов (в том числе манги), а также компьютерных игр и т. д. ($ru.wikipedia.org/wiki/\Phianфuk$).

legal claim to something» (the free dictionary.com/disclaimer)) в фанфике (от англ. fanfic, сокращенно от fanfiction — «Fiction written by a fan of, and featuring characters from, a particular TV series, film, etc.» (en. oxford dictionaries.com/definition/fan_fiction).

Основные функции и особенности дисклеймеров в фанфиках в контексте современного англоязычного интернет-дискурса

Несмотря на то, что характерным признаком фанфиков является то, что они пишутся в развлекательных целях и не используются для извлечения прибыли, с юридической точки зрения они располагаются в «серой» зоне. Обычно до тех пор, пока не нарушаются их финансовые и иные интересы, а также вопросы авторских прав, многие создатели художественных произведений и иные правообладатели никак не выказывают свою позицию в отношении фанфиков, позволяя блогерам продолжать креативную деятельность в этом направлении. Тем не менее ряд шоу-раннеров и писателей, например Джоан Роулинг, создательница Гарри Поттера, официально разрешают («Bang! Showbiz. Stuff.co.nz.¹») почитателям писать фанфики по своим произведениям и размещать их он-лайн, если последние при этом относятся с уважением к соответствующему художественному миру и его героям и не нарушают иных прав и законов. Одновременно с этим некоторые создатели книг, сериалов и фильмов даже поощряют своих читателей и зрителей творить на основе их оригинальных произведений, в том числе писать фанфики. Другие, как, например, шоу-раннеры «Дневников вампира» (The Vampire Diaries)², «Касла» (Castle)³, «Теории большого взрыва» (The Big Bang Theory)⁴ и т. д. включают упоминания о фанфиках и ином творчестве почитателей в свои произведения, говорят об этом в положительном аспекте на встречах со зрителями

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.stuff.co.nz/entertainment/books/138262/ Rowling-gives-OK-for-online-Potter-sequels

 $^{^2}$ Сериал канала СW, разработан К. Уильямсоном и Дж. Плек по мотивам одноименных книг Л. Дж. Смит.

 $^{^{3}}$ Американский комедийно-драматический телесериал, транслируемый каналом ABC.

 $^{^4 \}mbox{Ameриканский комедийный сериал канал CBS, созданный Чаком Лорри и Биллом Прэди.$

и читателями (так называемых «конвенциях» от англ. convention), в интервью и социальных сетях, таким образом запуская новую волну взаимных реакций и креативного со-творческого процесса со своими зрителями (читателями), результатом чего, естественно, становится создание интертекста в рамках англоязычной коммуникации блоггеров. Среди шоу-раннеров и писателей также наблюдается тенденция не просто к одобрению фанфиков, но и к призывам их создавать. Так, например, Стивен Моффат, один из создателей таких шоу, как «Шерлок» (Sherlock)¹ и «Доктор Кто» (Doctor Who)², недавно дал интервью сайту Mixital³, в котором озвучил советы авторам фанфиков (так называемым фик-райтеров, или фанфикеров) по данному сериалу, и вместе с сайтом призвал зрителей творить, в частности писать фанфики по «Доктору Кто», приободрив фикрайтеров словами «What's keeping you? Nothing is stopping you» (www.mixital.co.uk/article/doctorwho-stevenmoffat). Стоит особенно подчеркнуть тот факт, что данный сайт создан при участии Би-би-си – канала, который демонстрирует сериал «Доктор Кто», т. е. таким образом сами правообладатели и создатели сериала поощряют зрителей писать фанфики на свое произведение и даже устраивают среди них конкурс.

Очевидно, что авторам и шоу-раннерам в определенной мере выгодна творческая активность фанатов — она создает бесплатную рекламу и ажиотаж вокруг их произведений, таким образом поддерживая и подогревая интерес к ним, способствуя росту рейтингов, продаж и т. п. Точно так же, фанфики предоставляют авторам обратную связь, и будучи элементом со-творчества и частью интертекста, они часто обогащают изначальное произведение дополнительными смыслами, формируют у зрителей (читателей) и авторов специфическую концептуальную картину мира и, являясь элементом культуры, доставляют участникам со-творческого процесса эстетическое и интеллектуальное наслаждение и улучшают качество жизни.

 $^{^1}$ Британский детектный телесериал компании Hartswood Films, снятый для BBC Wales по мотивам произведений А. Конан Дойла, авторы Марк Гэтисс и Стивен Моффат.

 $^{^2}$ Культовый британский научно-фантастический сериал производства Би-би-си.

³ Сайт Mixital сообщает о себе: «Mixital is a creative space for people over 13 years old built by the BBC and partners. On this site users can make, publish and share their digital creations» (www.mixital.co.uk).

Несмотря на вышесказанное, есть авторы, выступающие категорически против фанфиков, например Джордж Р. Р. Мартин (grrm.livejournal.com/151914.html), автор цикла книг «Песнь льда и пламени» («А Song of Ice and Fire»)¹, по которому создан успешный нашумевший сериал «Игра престолов» («Game of Thrones»), или Диана Гэблдон (voyagesoftheartemis.blogspot.ru), автор серии любовно-фантастических романов «Чужестранка» («Outlander»), по которой снят одноименный сериал. Помимо финансовых и юридических аспектов, связанных с защитой себя, своих творений и авторских прав, Дж. Р. Р. Мартин в защиту высказанной им позиции приводит тот аргумент, что его герои – это его дети («Му characters are my children» (grrm.livejournal.com/151914.html)) и, следовательно, ему эмоционально невозможно делить их с другими людьми.

Таким образом, фанфики находятся в «серой» юридической зоне — где-то между такими полюсами, как «нарушение авторских прав» и «можно использовать всё, если при этом не происходит извлечения прибыли или иных благ», поэтому среди авторов фанфиков существует общепринятая практика включения в шапку своих произведений «дисклеймера» — заявления об отказе от прав и от ответственности.

Дисклеймер, будучи юридическим понятием, не нов для мира художественных произведений. Означая отказ от прав на идеи, миры, персонажей и т. п. других авторов при их использовании кем-то другим или отказ от ответственности за искажение элементов вышеназванного, в том числе и при описании каких-либо реальных историй и личностей, дисклеймер широко используется в официальной литературе и киноделе. Типичный дисклеймер в произведении обычно выглядит следующим образом: «All characters appearing in this work are fictious. Any resemblance to real persons, living or dead, is purely coincidental», он может появляться, в частности, в начале фильма. Несмотря на то, что суть дисклеймера и его правоприменение достаточно широки, авторы фанфиков обычно используют его в более узком, утилитарном, смысле. Они понимают, что выкладывая свое творчество в Сеть совершают спорное, с точки зрения авторских прав, деяние и при помощи дисклеймера заранее извиняются перед авторами изначального произведения и, возможно, некоторыми его читателями (зрителями),

¹ Существует вариант перевода названия – «Песнь льда и Огня».

заявляет о своем полном отказе от прав и о том, что фанфик написан ими в исключительно некоммерческих целях.

Будучи изначально проставленными по юридическим причинам, дисклеймеры традиционно могут сохранять признаки формального юридического текста, с обязательным упоминанием того факта, что права принадлежат их действительным владельцам, а фанфикер не извлекает выгоды и пишет для собственного развлечения. Рассмотрим следующие примеры:

 Π ример 1^1

DISCLAIMER: I do not own The Vampire Diaries or any of its characters. There is no profit gained from writing or publishing this story.

Пример 2

DISCLAIMERS: I do not own The Vampire Diaries, The Originals, or any of the shows' characters. This is purely for entertainment purposes.

Пример 3

DISCLAIMER: I do not own Castle or any of its characters. There is no profit gained from publishing this story.

Пример 4

DISCLAIMER: Castle, The Vampire Diaries and all related material are copyrighted trademarks of ABC, the CW, and L.J. Smith, all rights reserved. This is a work of fanfiction. No copyright infringement is intended.

Пример 5

DISCLAIMER: All respected copyrights belong to their rightful owners.

Пример 6

DISCLAIMER: I do not own nor claim the Harry Potter series, belonging to J. K. Rowling. No profit is being made.

Как видно из примеров 1–6, данные дисклеймеры в шапках фанфиков служат вышеуказанной утилитарной цели — обезопасить автора фанфика в юридическом смысле от преследования со стороны

¹Здесь и далее в примерах сохранена орфография и иные особенности. Примеры взяты с: сайта www.fanfiction.net, сайта www.livejournal.com, сайта www.tumblr.com.

правообладателей. С лингвистической точки зрения данные дисклеймеры очень близки по своим характеристикам к официальному юридическому языку: пассивные конструкции, юридическая терминология, сухость формулировок с претензией на точность и охват возможных правовых нюансов.

Стоит отметить тот факт, что дисклеймеры находятся в шапке фанфиков, т. е. произведений любительских (зачастую написанных людьми юного возраста и совершенно разных профессий и социальных статусов, в подавляющем большинстве не имеющих юридического образования) и при этом произведений, относящихся к художественному, а не юридическому стилю. Кроме того, поскольку фанфик является актом творчества и создается под влиянием креативного порыва, часто поощряемого авторами изначального произведения, неудивительно, что дисклеймеры переживают определенную трансформацию и, стараясь сохранить свою первоначальную утилитарную функцию правового характера, видоизменяются и сами, случайно или намеренно, превращаются в элемент творчества фанфикеров. В целом, сочетание разговорного и формального юридического языка характерно для дисклеймеров в фанфиках в гораздо большей степени, нежели чисто формальный, клишированный дисклеймер. Кроме того, наблюдается явный уклон в сторону разговорного, неформального, даже сниженного стиля, однако, что на наш взгляд очень важно, при полном сохранении изначальной юридической функции дисклеймера как заявления об отказе от прав и от ответственности. Рассмотрим несколько примеров.

Иногда (пример 7) в относительно формальный язык вторгаются (выделенный фрагмент) разговорные элементы и вместо юридических терминов и выражений используются их менее официальные синонимы.

Пример 7

DISCLAIMER: I do not own ant rights to Harry Potter or any affiliated characters, all of it belongs to J. K. Rowling and any references to the films belong to Warner Brothers Co. This fiction is purely *for my own enjoyment and yours. No money is being made by me or anyone else from this fiction.*

Пример 8

DISCLAIMERS: Not mine, written for the fun of it, not for any profit.

Пример 9

DISCLAIMERS: Everything belongs to the people who own them. I am just borrowing.

Иногда (примеры 8–9) весь дисклеймер целиком написан неформальным языком, что может рассматриваться как невладение языком юридическим, так и как попытка создать юмористический эффект за счет намеренного понижения регистра, что уже является попыткой языковой игры:

Пример 10

DISCLAIMER: The Vampire Diaries, and all her characters as presented, belong to Kevin Williamson, Julie Plec, the CW, etc., etc., so on and so forth.;)

Пример 11

DISCLAIMER: This story is based on characters and situations created and owned by TVD. No money is being made and no copyright or trademark infringement is intended. (I wish I owned Kol and Stefan¹:P)

Из примера 10 видно, что добавив к формальному тексту приписку so on and so forth с эмотиконом («смайликом») в конце, автор фанфика не только отходит от формального тона, заданного в начале дисклеймера, но и настраивает читателя на более свободное, более личностное общение, сокращает дистанцию. Аналогичного результата добивается и автор дисклеймера (пример 11), написав «I wish I owned Kol and Stefan» в конце вполне формального текста. В данном случае он успевает сообщить нам свое отношение к персонажам еще до начала основного текста.

Следует отметить, что дисклеймер в фанфике в целом достаточно часто может являться полем для выражения оценочного отношения фанфикера к чему-либо, в частности к самой необходимости ставить дисклеймер в «шапке», а также к авторским правам и их правообладателям. Обычно отношение к ним снисходительное с легким налетом раздражения и бунтарского ерничества: фанфикер признает, что авторские права есть, как есть и их владелец, но одновременно он

¹ Персонажи сериала «Дневники вампира».

дает понять, что ему интереснее творчество, а не юридические или финансовые вопросы и так небедствующих правообладателей, и дисклеймер он ставит «для галочки».

Пример 12

Disclaimer: The characters belong to people with more power and money than me. I'm only borrowing them for a while; no copyright infringement intended.

Часто в дисклеймере автор фанфика выражает свое отношение к автору изначального произведения (поскольку, очевидно, не может сделать это в рамках текста фанфика). Отношение это, стоит отметить, отделяется от вопроса авторских прав и касается исключительно оценки фанфикером самого произведения и его персонажей, причем оценка, как правило, включается в себя такие разнолежащие полюса (примеры 13–14), как «полное восхищение и одобрение» и «полное осуждение».

Пример 13

DISCLAIMER: I don't own Harry Potter or any other character in this story. They own themselves, obviously. *whisper from off* stage What? Oh, ok. All characters and places etc. belong to *the oh-so-wonderful* J. K. Rowling.

Пример 14

DISCLAIMER: All characters and places in this story belong to the *amazing* J. K. Rowling.

Особо стоит отметить пример 13, включающий в себя типичные черты англоязычного интернет-дискурса блогеров: эмоциональность, графическое выделение (невербальный компонент), описание сопутствующего действия, не происходящего в реальности и придающего театральный оттенок (*whisper from off*), разговорный стиль, игра слов в которой, благодаря стилистическому приему, значение слова wonderful меняется на противоположное; при этом автор фанфика пытается придать дисклеймеру черты юридического текста, что в совокупности создает комический эффект и одновременно выражает негативное отношение фикрайтера и к Дж. Роулинг и к необходимости ставить дисклеймер из-за возможных претензий правообладателей.

Как показало наше исследование, дисклеймер оказался удобной площадкой, на которой автор фанфика, при полном сохранении утилитарного назначения данного элемента, может выразить свое отношение не только к авторам и правообладателям, но и к изначальному произведению, сюжету и тому, что он думает по поводу его развития (примеры 15–17):

Пример 15

DISCLAIMER: Sadly, I don't own right to ASOIAF¹. Then again *if I* wrote it, the whole series would just be the Starks eating lemon cakes at Winterfell.

Пример 16

DISCLAIMER: If I owned Harry Potter, the epilogue would never have happened! Thus, all rights (and blame) go to J. K. Rowling.

Пример 17

DISCLAIMER: I don't own Harry Potter or any part of this world. *It's fun to be here*, though!

Пример 18

DISCLAIMER: The world of Harry Potter and the associated characters and storylines belong to J. K. Rowling. I am not making any profit from this *endeavor*.

Примеры 17–18, помимо выражения описанного выше отношения, также приоткрывают нам взгляд автора фанфика на его личностные переживания и ощущения по поводу его собственного творчества и сотворчества. Стоит отметить, что фанфикеры достаточно часто выражают через дисклеймер свои намерения и желания в отношении того мира, по которому они творят, а также эмоции по поводу того, что было бы, будь они сами авторами изначального произведения. Обычно это сожаление или чувство легкой грусти с примесью «белой» зависти от того, что они не могут влиять на любимый мир и персонажей так, как им бы хотелось, в том числе и из-за того, что не являются правообладателями:

Пример 19

DISCLAIMER: I don't own Harry Potter. Else, *I wouldn't be writing fanfiction*.

¹ ASOIAF – сокращение названия «A song of Ice and Fire».

Пример 20

DISCLAIMER: If I owned the Harry Potter Books, I wouldn't be sitting here writing fanfiction now, would I? I would be writing the next HP Book!! So yeah, I own nothing.

Пример 21

DISCLAIMERS: I do not own anything. Sadly.

Пример 22

DISCLAIMER: We don't own Harry Potter or anything related to it, unfortunately

Пример 23

DISCLAIMER: The plot belongs somewhat to the creators of the movie What Women Want, and Harry Potter and all other characters belong to J. K. Rowling. *Sorry*, nothing's mine.

Пример 24

DISCLAIMER: I don't own Harry Potter... doesn't it just suck?

Хотелось бы обратить внимание на использование сниженной лексики, сленга (пример 24): таким образом текст получается эмоционально окрашенным, причем не только из-за самого выбора слов, но и из-за создаваемого таким выбором резкого контраста между ожиданиями того, кто читает данный дисклеймер и реальностью. Читатель, зная об утилитарном назначении дисклеймера и увидев слова *I don't* оwn ждет продолжения в том же достаточно сдержанном формальном ключе, но далее видит разговорное выражение, сленг. Подобное сочетание юридического формального и обычного разговорного стиля, которое как было указано выше характерно для дисклеймеров в фанфиках, не ограничивается использованием отдельных элементов слэнга, разговорных выражений и т. п., но часто создает особый антиформальный, «интернетный», разговорный, свободный стиль, характерный как для всего англоязычного интернет-дискурса блогеров, так и для дисклеймеров, в частности. Повинуясь творческому порыву, побуждающему их писать фанфики, зрители и читатели сознательно распространяют данный порыв и на дисклеймер, добавляя в сухой служебный юридический текст креативные элементы языковой игры, причем происходит это еще до основного текста фанфика – в его «шапке» и никак не связано с основным текстом (который может вовсе не быть юмористическим). Таким образом, дисклеймер в фанфике превращается в некое законченное самостоятельное произведение, построенное на контрасте его формального назначения и неформального исполнения, т. е. на противопоставлении формы и содержания, что оказывает сильное воздействие на читателя. Рассмотрим несколько примеров (25–30), иллюстрирующих данную мысль:

Пример 25

Disclaimer: Anything you recognize is stuff I've read on the internet. Anything you don't is MADE UP.

Пример 26

Disclaimers: Not my sandbox, I just like playing in it.

Пример 27

Disclaimer: I don't own them. I'm just playing. I'll give them back. Maybe. If and when I'm done.

Пример 28

Disclaimer: I do not own Harry Potter. Don't tell me you thought I did. JKR does. I am in no way affiliated with her, Bloomsbury or Warner Bros. I'm earning absolutely no money on this as my bank account will tell you. :)

Пример 29

Disclaimer: Not mine. Don't sue me, I'm way, way poor. Like, "I majored in something I liked and therefore will one day live in a box" poor.

Пример 30

Disclaimer: So that JK's lawyers don't sue me, I am obliged to say that I don't own Harry Potter or any related people, places, etc. I doubt Shakespeare's lawyers would sue me if I didn't say that I don't own Macbeth, but just in case I have an accident with malfunctioning Time Turner: I don't own that either.

Хотелось бы еще раз особенно подчеркнуть то, как в дисклеймере сочетается не только контраст формы и содержания, за счет чего достигается воздействие на читателя, но и одновременно (примеры 26—29) автор фанфика успевает выразить свое отношение к произведению и персонажам (*I just like playing in it; I'll give them back. Maybe. If and when I'm done*), а также выразить свое отношение к правообладателям (*Not mine. Don't sue me; I am obliged to say; I doubt Shakespeare's*

lawyers would sue me if I didn't say that I don't own Macbeth) и свое сожаление по поводу собственной ситуации (I'm way, way poor; I'm earning absolutely no money), но все это в рамках утилитарного назначения дисклеймера.

Небезыинтересно, что, создавая дисклеймеры в рамках своего креативного со-творческого порыва, фикрайтеры очень часто пользуются тем, что многие их читатели знают назначение дисклеймера и его примерное содержание (отказ от прав, заявление о том, что фанфик пишется не для извлечения прибыли, но для собственного развлечения). Наличие подобных фоновых знаний позволяет фанфикерам не только строить эффект от дисклеймера на контрасте формы и содержания, но и использовать для этих целей на языковом уровне перефраз (пример 26 выше) и эллиптические конструкции, где истинный смысл восстанавливается только при условии, что читатель знает содержание типичного дисклеймера, достигая эффекта, в частности, за счет лаконичности. Например:

Пример 31

DISCLAIMERS: Not mine.

Пример 32

DISCLAIMER: JKR's1

Пример 33

DISCLAIMERS: Seriously not mine.

Пример 34

DISCLAIMER: Not mine, never were, never will be.

Пример 35

DISCLAIMER: I own no one but a few words.

Пример 36

DISCLAIMER: I own nothing.

Выводы

Таким образом, с точки зрения лингвистики и изучения англоязычного интернет-дискурса коммуникации блогеров небезынтересно,

¹ JKR – сокращение от Joanne K. Rowling.

что изначально возникнув, в результате сложных взаимоотношений с правообладателями, как техническая необходимость юридического характера, дисклеймер в фанфиках вскоре вышел за первоначальные рамки и стал развиваться как самостоятельный мини-текст, построенный на контрасте формы и содержания, выполняющий целый ряд функций и позволяющий фанфикеру добиваться решения сразу целого спектра дополнительных задач, как то: отказываться от прав и от ответственности и в огромном числе случаев одновременно с этим выражать свои эмоции и свое отношение к правообладателям и авторам изначального произведения, его персонажам, развитию сюжета, заявлять о своем видении и возможном альтернативном развитии ситуации. Дисклеймер в фанфиках, очевидно, стал еще одной площадкой для реализации со-творческого креативного порыва блогеров в рамках англоязычного интернет-дискурса, и на его примере можно проследить лингвокреативную деятельность человека и осветить связанные с ней процессы, имеющие, в частности, отношение к современному положению и видению фигуры автора (в том числе и с правовых позиций), а также изучить развитие и функционирование интертекста в сегменте блогосферы, посвященном современной массовой культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного : пер. с нем. М. : Искусство, 1991. 367 с.
- *Ирисханова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Издательство ВТИИ, 2004. 352 с.

УДК 811.11

А. И. Маковеева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: alinamakoveveva@amail.com

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА СТЕРЕОТИПА СЕМЬЯ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Данная статья посвящена проблеме изучения особенностей воспроизводства стереотипа СЕМЬЯ в повседневном устном дискурсе, полученном в ходе эмпирического исследования у носителей русского языка разных возрастных групп. В работе рассматриваются общие теоретические положения, касающиеся когнитивного познания, стереотипов и эмпирических методов их исследования, особенностей детской речи. Описывается также эксперимент, результаты которого позволяют сделать выводы как о влиянии возрастного и дискурсивного параметров на репрезентацию социального стереотипа «семья» в устной речи, так и о преемственности стереотипов в процессе социализации. Предполагается, что стереотип, общий для всех носителей культуры, в дискурсе взрослых будет представлен более полно, у детей, напротив, стереотип будет репрезентирован фрагментарно. Различия будут касаться не только полноты представленности его содержания, но и языковых средств, что связано как с разным социальным опытом, так и с особенностями речевого развития детей дошкольного возраста. Актуальность данной работы заключается в том, что варьирование социального стереотипа рассматривается не только в связи с этнической, гендерной и/или социальной принадлежностью говорящего (с его профессией, образованием, статусом), но и с учетом иных социально значимых факторов, в частности возраста продуцента. Материалами исследования послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, а также текстовые массивы, полученные в ходе эксперимента. Сбор материала проходил поэтапно. Прежде всего, с помощью анализа словарных статей нелингвистических справочников были выявлены базовые компоненты и отношения социокогнитивной структуры СЕМЬЯ, выделяемые в разных социальных науках, которые затем были взяты за основу при дальнейшей реконструкции стереотипа из текстовых данных. Далее был проведен корпусный анализ случаев употребления слова «семья» в текстах Национального корпуса русского языка для моделирования общей структуры соответствующего стереотипа. Результаты корпусного анализа послужили базой для сравнения вербализации стереотипа в устном дискурсе. На третьем этапе был проведен эксперимент с целью получения корпуса видеозаписей устного дискурса взрослых и детей, рассказывающих о семье. Собранные данные были обработаны методами количественного и качественного контекстуального анализа. Таким образом, полученные в ходе исследования результаты показали, что в устном дискурсе как взрослых, так и детей репрезентированы и наделены сходными оценочными характеристиками все базовые компоненты стереотипа СЕМЬЯ, что может указывать на то, что стереотип усваивается и присутствует в дискурсе с раннего возраста, а процесс стереотипизации является важным условием для социализации ребенка. Вместе с тем были выявлены различия между структурой, представленной в философских, социологических словарях и НКРЯ, с одной стороны, и структурой, вербализованной в устном дискурсе, – с другой. Были также отмечены различия в вербализации стереотипа детьми и взрослыми. В целом, в результате исследования было установлено, что возрастной параметр может являться одним из факторов, влияющих на особенности репрезентации социальных стереотипов в дискурсе, что проявляется как в особенностях его вербализации, так и в профилировании различных компонентов стереотипа.

Ключевые слова: социальная когниция; социальный стереотип; социализация; особенности детской речи; корпусный анализ; модель стереотипа; варьирование стереотипа.

A. I. Makoveyeva

Ph.D. student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: alinamakoveyeva@qmail.com

EMPIRICAL STUDY OF FAMILY STEREOTYPE IN ADULTS' AND CHILDREN'S SPOKEN DISCOURSE IN RUSSIAN

The research is focused on the problem of the variability of the FAMILY stereotype in everyday discourse, obtained as a result of an empirical study of children's and adults' speech. The paper gives an insight into a number of theoretical points on social cognition, stereotypes and empirical methods of their analysis, and the development of children's speech. Moreover, the results of the experiment described in the paper determine the influence of the discursive and age parameters on the representation of the social stereotype in oral speech, and prove the successive character of the stereotypes in the process of socialization. It is hypothesized that the stereotype, which is universal for all the culture bearers, will be represented in greater detail in adults' speech, while in children's discourse it will be expressed only partly. The linguistic means also vary due to the age and social experience of the speaker. The variability of the social stereotype has been commonly studied in terms of ethnical, gender and social parameters. In the present study, however, the age of the speaker is considered to be a salient factor which influences the stereotype construed in oral discourse. In our study we analyzed two corpora: the National Corpus of the Russian Language and the corpus consisting of the data obtained in a series of experiments. The research was carried out in several stages. Firstly, key components of the stereotype, which later served as a basis for a model structure, were derived from the definitions of the word FAMILY, presented in dictionaries. Secondly, the results of the corpus analysis helped to build a model of the general structure of the stereotype. Thirdly, through an experiment we obtained a video corpus, which later was transcribed and studied through quantitative and qualitative analyses. The results of the research showed that both children and adults express the same basic components of FAMILY stereotype, which proves that stereotypes are adopted since early childhood and play an integral role in the process of socialization. The study has also demonstrated the difference

between structures presented in dictionaries, on the one hand, and verbalized in oral discourse, on the other. It also elicited differences in the ways people of various ages produce the same stereotype. In general, the study proves the prominent role of the age parameter in stereotype construal, which is revealed both in the language means via which it is verbalized, and the components of the stereotype which speakers profile in their speech.

Key words: social cognition; social stereotype; socialization; children's discourse; corpus analysis; model of the stereotype; stereotype variability.

1. Введение

Проблема изучения воспроизводства социальных знаний различных форматов в дискурсе является одной из наиболее актуальных как в современной лингвистике, так и в ряде других дисциплин. В рамках социальной психологии выделяют отдельное направление — социальную когницию, объектом которой является как социальное познание в целом, изучаемое относительно таких процессов, как категоризация, запоминание, обработка информации, так и форматирование структур социальных знаний на основе анализа деятельности человека, в том числе коммуникации [Lambert, Bechtel 1998].

В соответствии с социокогнитивными теориями в работе под социальным познанием мы понимаем совокупность таких ментальных процессов, как запоминание, обработка, категоризация знаний о социально значимых объектах, а под социальным знанием – результат этих процессов, организуемый в виде различных когнитивных структур или моделей. В когнитивной лингвистике модели социокультурных знаний описываются в виде контекстуальных или ситуативных моделей [van Dijk 1983], идеализированных когнитивных моделей, (ИКМ) [Lakoff 1987], культурных моделей [D'Andrade 1989], культурных скриптов [Wierzbicka 2006], а также социальных стереотипов [Бартминьский 2009]. В то время как контекстуальные модели представляют знания о типичном поведении в определенных ситуациях, а ИКМ, культурные модели и скрипты указывают в первую очередь на этническую специфику знаний, социальные стереотипы являются теми когнитивными структурами, которые в компрессированном виде хранят коллективный опыт группы людей, относящихся к той или иной социокультуре, их представления о социально значимых явлениях и их оценку.

Несмотря на то, что в исследованиях подчеркивается компрессированный характер стереотипа, предпринято немало попыток, особенно в рамках психологии, психолингвистики, лингвокультурологии, гендерной лингвистики, представить его в виде сложной структуры, задающей нормы поведения и отношения к объектам действительности и воспроизводимой в деятельности людей [Маслова 2001; Карасик 2002; Кирилина 1999].

В психолингвистике исследования стереотипов ведутся в контексте более широких проблем языковой картины мира и языковой личности того или иного народа. Соответственно, исследования нередко носят не столько социальный, сколько сопоставительный этнокультурный характер, поскольку ставится задача рассмотреть этническую специфику стереотипа. При этом данная структура знаний, особенно в отечественной лингвистике, нередко моделируется как лингвокультурный концепт (см., в частности, [Рахмат 2002; Терпак 2006]). В качестве примера подобных работ приведем сопоставительный анализ особенностей семантической репрезентации концепта «семья» в русском и индонезийском языках, в котором выявлялись универсальные и уникальные характеристики соответствующего стереотипа в двух культурах [Рахмат 2002]. Другой пример: психолингвистическое исследование, посвященное образу семьи в языковом сознании русских, в котором с помощью ассоциативного эксперимента были определены сходства и различия мужских и женских «образов сознания» (термин Е. Ф. Тарасова [Тарасов 2004]), а также некоторые расхождения ценностных установок относительно семьи среди представителей разных поколений [Грибач 2005]. Важно отметить, что полученные в ходе эксперимента ассоциативные поля были разделены на структурные компоненты, отражающие некое поэтапное развитие семьи, например: «одинокий», «влюбленный», «сват», «свадьба», «брак», «семья», «дом», «родня», «мать», «отец», «бабушка», «дедушка», «ребенок», «развод» и др. Результаты исследования позволили сделать вывод о размытости гендерных различий и о второстепенной роли гендерных установок в современной русскоязычной культуре [Грибач 2005].

В настоящее время в лингвистике особое внимание уделяется исследованию гендерных стереотипов [Кирилина 1999]. Для нас существенно, что гендерные стереотипы оказывают большое влияние на формирование представлений о семье. Из проведенных ранее

исследований [Бакушева 1995; Ключко 2002] можно сделать вывод, что гендерный стереотип, во-первых, начинает формироваться достаточно рано и играет большую роль в формировании половой идентичности у детей младшего дошкольного возраста; во-вторых, часто гендерный стереотип формируется не из личного опыта человека, а заимствуется в готовом виде у представителей старшего поколения [Дежина 2007].

В целом, исследователи отмечают, что социальные стереотипы характеризуются относительной устойчивостью и повторяемостью, схематичностью, стандартизированностью, однозначностью, массовостью, национально-культурной спецификой [Маслова 2001; Красных 2002; Вепрева 2002].

Социальные стереотипы выполняют не только категоризирующую, но и предписывающую функцию, поэтому, наряду с этническими и гендерными стереотипами, носят оценочный характер.

Для нашего исследования существенно, что, несмотря на то, что социальный стереотип представляет собой компрессированный образ, он может иметь сложную структуру и включать в себя множество элементов (участников, ролей) и установочных признаков.

Важно также и то, что социальный стереотип способен варьировать в дискурсе в зависимости от различных социально-прагматических параметров. В работе в качестве таких параметров выступают, с одной стороны, возраст говорящих, с другой — тип дискурса (устный повседневный монологический дискурс). При этом способность его к вариативности проявляется как на концептуальном уровне, так и на языковом, что отражается и на концептуальном объеме воспроизводимого конструкта, и на характере средств его вербализации.

В психологии проводятся экспериментальные исследования социальных стереотипов, целью которых является установление содержания социальных стереотипов, определение их психических функций, установление границ процесса стереотипизации на разных межгрупповых уровнях, а также выделение динамики формирования стереотипных представлений, их развития, изменения и исчезновения. Один из таких экспериментов проводился В. С. Агеевым среди студентов разных факультетов и направлений подготовки (биологии и психологии), разного возраста (студентов первых и пятых курсов), проживающих в Москве постоянно и проживающих в общежитии. Было доказано,

что, во-первых, процесс социальной стереотипизации актуализирован на всех уровнях межгруппового воздействия взаимодействия. Вовторых, степень адаптации внутри новой группы напрямую связана с усвоением стереотипов, распространенных среди ее представителей. Было также доказано, что содержание этих стереотипов может варьировать под влиянием разных параметров [Агеев 1985].

В целом, в качестве предмета лингвистических и психологических исследований могут выступать три компонента стереотипа: когнитивный, аффективный и поведенческий [Ванина 1998]. Самыми распространенными методами фиксации и анализа когнитивной и поведенческой составляющей являются: 1) опросы с применением номинальных, порядковых шкал; 2) методы интервью и свободного описания; 3) методы анализа документов. При этом отмечается, что простое номинальное шкалирование, используемое для оценки когнитивной составляющей, имеет определенные ограничения, так как данная процедура в определенной мере навязывает респонденту определенное видение исследуемой проблемы [там же]. Для выявления аффективной составляющей стереотипа наиболее часто исследователи прибегают к методу семантического шкалирования, предложенному Ч. Осгудом и широко применяемому в психосемантике [Шихирев 1971].

Таким образом, анализ основных подходов и методов исследования стереотипа показывает, что стереотипы, в основном, описываются как набор шкалированных оценочных признаков или как совокупность ядерных и периферийных компонентов лингвокультурных концептов. В большинстве исследований стереотип предстает как статичная структура социального знания, которая изначально задана культурным контекстом и остается относительно стабильной у представителей одного этноса или социальной группы внутри этого этноса.

Кроме того, весьма часто (особенно в психолингвистических работах) исследуется не естественно воспроизводимый дискурс, а единичные реакции группы людей (как правило, студентов) на заданные стимулы в контексте ассоциативного эксперимента. Среди немногочисленных исключений мы можем привести работы в рамках критического анализа дискурса, в которых изучается воспроизводство предубеждений и стереотипов в дискурсе. Однако в данном случае во внимание принимается, как правило, устный политический дискурс,

а также дискурс СМИ и официальных документов общественных и политических организаций (ООН, Европейского парламента и т. д.) [Wodak 1989; van Dijk 2001]. В связи с этим особую важность приобретают исследования, в которых воспроизводство социальных стереотипов изучается в повседневном устном дискурсе.

Кроме того, исследуя вербализацию стереотипов в дискурсе, необходимо принимать во внимание тот факт, что, как любая структура знаний, стереотипы варьируют не только в связи с этнической и / или социальной принадлежностью говорящего (с его профессией, образованием, статусом), но и под воздействием иных социально значимых факторов, в частности возрастных факторов.

Таким образом, задача настоящего исследования — рассмотреть особенности воспроизводства стереотипа СЕМЬЯ в повседневном устном дискурсе, полученном эмпирическими методами у носителей русского языка — взрослых и детей. Анализ языковой репрезентации стереотипа в дискурсе позволит, сопоставив степень представленности изучаемой структуры социального знаний в дискурсе, не только выявить специфику вербализации соответствующего стереотипа в речи взрослых и детей, но и сделать некоторые предварительные выводы об особенностях стереотипизации у определенной группы детей, по сравнению с взрослыми, а также о преемственности стереотипов у различных возрастных групп в процессе социализации.

В качестве гипотезы мы выдвигаем следующее утверждение: стереотип является общим для всех носителей культуры, однако в дискурсе взрослых он представлен более полно, по сравнению с детьми, у которых стереотип будет репрезентирован более фрагментарно. При этом различия в актуализации стереотипа будут касаться не только полноты представленности его содержания, но и характера языковых средств, что связано как с неодинаковым социальным опытом, так и с речевыми особенностями детей.

2. Некоторые особенности детской речи в связи с процессами социализации

При исследовании стереотипизации в детском дискурсе необходимо принимать во внимание особенности детской речи в контексте более широкой проблемы социализации, поскольку именно социализация обеспечивает преемственность и трансформации социальных

структур знаний. Это тем более важно, так как семья представляет собой одно из важнейших условий и звеньев социализации ребенка.

Процесс социализации индивида исследуется как психологами, так и социологами. Социализация означает, что ребенок, по мере того, как становится членом общества, адаптируется к существующим социальным условиям, усваивает нормы и ценности в результате взаимодействия с обществом, с родителями и педагогами. Семья при этом выступает в качестве референтной группы – группы, на убеждения, установки и действия которой равняется индивид [Социологический словарь 2004].

Процесс социализации включает в себя коммуникативный компонент, охватывающий способы и формы коммуникации, а также их применение в различных ситуациях; познавательный компонент, подразумевающий освоение индивидом знаний о мире и социуме; поведенческий компонент, включающий модели поведения в тех или иных коммуникативных ситуациях; ценностный компонент, отражающий ценностные и мотивационные установки и ориентации, которые обеспечивают критическое осмысление ребенком ценностей, принятых в том или ином социуме [Голованова 2004].

Следует отметить, что важную роль в социализации индивида играют именно речевые практики, через которые происходит усвоение и закрепление структур социального знания. Л. С. Выготский подчеркивал, что именно освоение ребенком языка обусловливает его дальнейшую коммуникацию и, как следствие, усвоение социального опыта [Выготский 1982].

В раннем возрасте еще не умеющие говорить дети познают мир с помощью языка, когда родители обращаются к ребенку и называют предмет. При этом наглядность играет ключевую роль — ребенок понимает значения слов из текущей ситуации. Таким образом, усвоение языка носит ситуативно-ролевой характер. Так происходит до двухтрех лет, пока ребенок не начинает активно говорить сам. Существенно и то, что к этому возрасту дети уже имеют представление о том или ином ролевом поведении и могут выбирать лексику и интонацию в зависимости от ситуации общения и собеседника. Еще одна важная особенность состоит в том, что, как отмечал Ж. Пиаже, изначально речь ребенка эгоцентрична, т. е. не ориентирована на собеседника, однако позже, по мере развития и нарастания социального опыта, речь

ребенка становится более социализированной [Пиаже 1994]. В. С. Выготский отмечал, что к пяти годам развитие детской речи еще не завершено, а заканчивается лишь подготовительный этап. Даже если ребенок усваивает значение слова, процесс развития значения этого слова еще не завершен. И еще: «В зависимости от того, какой степени достиг ребенок в развитии значения слов, находятся все основные системы его психических функций» [Выготский 2006, с. 614]

В целом, при изучении детского дискурса (а именно, дискурса детей дошкольного возраста) необходимо учитывать следующие особенности детской речи: во-первых, вектор развития внешней речи проходит от слова к предложению, внутренней, напротив, от предложения к слову (Л. С. Выготский, Е. С. Кубрякова, Ж. Пиаже и др.) Во-вторых, речь детей носит эгоцентрический характер (Ж. Пиаже). В-третьих, дети весьма часто используют однословные высказывания для выражения различных коммуникативных целей. Более того, подобные односложные конструкции на данном этапе освоения речью заменяют функциональные типы предложений [Завалко 2012]. В дискурсе детей присутствуют как нейтральные лексические единицы, так и стилистически окрашенные. Выбор той или иной лексемы при этом зависит от нескольких факторов, в частности от речевой среды ребенка (семьи, друзей, телевизионных передач, книг), от конкретной коммуникативной ситуации, ролевых характеристик, эмоционального состояния в определенный момент, а также от общего объема лексики на данном этапе развития [там же].

3. Характеристика материала и методов исследования

В ходе исследования были использованы три корпуса текстов: Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) и два корпуса видеотекстов, записанных в ходе интервью (со стимулами и без них) с респондентами двух возрастных групп – взрослых и детей.

В целом, сбор и анализ текстового материала носил поэтапный характер. На предварительном этапе мы обратились к словарным дефинициям семьи в нелингвистических справочниках (философских и социологических) с целью выявить, какие компоненты социокогнитивной структуры СЕМЬЯ указываются в качестве основных. При этом мы исходили из того, что понятие СЕМЬЯ, представленное в научных справочниках, не тождественно обыденному стереотипу

СЕМЬЯ, для которого существенным является компрессированность некоторых аспектов соответствующего фрагмента действительности и субъективность, проявляющаяся, с одной стороны, в специфике на уровне этносов или социальных групп, с другой — оценочностью по отношению к семье в целом, ее участникам, их деятельности и пр. Однако анализ понятийной составляющей стереотипа позволил установить базовые компоненты и отношения, выделяемые в разных социальных науках, которые затем послужили основой для дальнейшей реконструкции стереотипа из текстовых данных.

Так, в Словаре социологических терминов семья определяется как «первичная социальная группа, основанная на браке или кровном родстве, принятии детей на воспитание; социальный институт, регулирующий отношения между супругами; социальная система с супружескими, родительскими статусами» [Социологический энциклопедический ... словарь 2004]. В философских справочниках указывается, что семья – это «вид социальной общности, важнейшая форма организации личного опыта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и др. родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [Философский словарь 2001]. Отмечается, что формы существования семьи, ее функции обусловлены структурой принятых в ней отношений, характером общественных отношений и уровнем экономического и культурного развития социума. Семья, в свою очередь, также оказывает влияние на общество в силу того, что именно в семье происходит социализация и воспитание ее членов. Социализация индивида как процесс передачи культурного знания от поколения к поколению проходит в несколько этапов, начальным является процесс социализации ребенка в семье. Следовательно, представляется, что у ребенка с раннего возраста формируются обобщенные представления о членах семьи, их ролях и отношениях между ними.

На основании анализа определений понятия СЕМЬЯ в философских и социологических словарях мы смоделировали следующую структуру данного понятия (см. рис. 1).

На рисунке 1 показано, что понятие СЕМЬЯ основано на общности людей, между которыми выстраиваются отношения по двум осям – горизонтальной (внутри одного поколения – между супругами,

братьями и сестрами и пр.) и вертикальной (между поколениями – родителями и детьми). Данные компоненты и признаки находятся в основе формирования стереотипа и его последующего воспроизводства в дискурсе.



Puc. 1. Модель понятия СЕМЬЯ на основе социологических и философских словарей

На следующем этапе исследования был проведен корпусный анализ употребления слова *семья* для моделирования общей структуры соответствующего стереотипа как он представлен в текстах НКРЯ, а также для получения базы для последующего сравнения вербализации стереотипа во взрослом и детском дискурсе. Нами были проанализированы текстовые массивы газетного подкорпуса (объемом 13662 слова) и устного подкорпуса (объемом 15822 слова), так как именно массмедийный и устный бытовой дискурс является средой, в которой воспроизводятся социальные стереотипы как структуры обыденного социального знания. Опираясь на установленные ранее характеристики понятия СЕМЬЯ и данные контекстуального анализа случаев употребления лексемы *семья* в НКРЯ, были смоделированы те фрагменты стереотипа, которые воспроизводятся в данном корпусе чаще всего (см. табл. 1).

На третьем этапе исследования было проведено эмпирическое исследование методом интервью в форме беседы с целью формирования корпуса видеозаписей устного дискурса взрослых и детей о семье. Общая длительность полученного видеоматериала составила 98 минут 38 секунд. В эксперименте приняли участие 21 взрослый (9 мужчин и 12 женщин) в возрасте от 20–35 лет, с законченным и незаконченным высшим образованием, различных профессий, и 29 детей (13 мальчиков и 16 девочек) дошкольного возраста от 4 до 6 лет.

Участники обеих групп получали два задания: сначала им было предложено нарисовать семью и описать рисунок, затем участников просили объяснить, что такое семья. При необходимости интервьюер задавал участникам уточняющие вопросы. Описания рисунков и ответы были сняты на видеокамеру и затранскрибированы, при этом общий объем полученных корпусов устной детской и взрослой речи составил 1958 и 5295 слов соответственно.

Собранный эмпирическим путем текстовый массив был проанализирован методами количественного и качественного контекстуального анализа. На основании полученных данных были выявлены те компоненты стереотипа СЕМЬЯ, которые получили наиболее активную (частую и разнообразную) языковую репрезентацию в дискурсе взрослых и детей. Все три базы данных (НКРЯ, взрослого и детского корпусов) были сопоставлены для определения варьирования вербальной репрезентации стереотипа СЕМЬЯ у взрослых и детей (см. табл. 1–3).

4. Результаты количественного и качественного анализа воспроизводства стереотипа СЕМЬЯ по трем базам данных: НКРЯ, взрослый и детский устный дискурс

В результате проведенного анализа текстов были установлены особенности воспроизводства стереотипа СЕМЬЯ с точки зрения его структурных компонентов и характера языковых единиц и структур, используемых говорящими, описывающими и рассуждающими на тему «семья».

По данным трех корпусов, наиболее воспроизводимыми базовыми компонентами стереотипа СЕМЬЯ являются ролевые характеристики ее участников по двум осям отношений между ними – горизонтальных, или внутрипоколенных, и вертикальных, или межпоколенных (муж, жена, мама, папа, ребенок). В то же время была выявлена еще одна ось — «внутреннее vs. внешнее по отношению к семье», что выразилось в противопоставлении компонентов «дом» и «работа». В таблице 1 приведены базовые компоненты, получившие наиболее частотную репрезентацию в виде соответствующих имен существительных, а также те оценочные языковые выражения, которые наиболее часто коррелировали с данными компонентами или давали оценочную характеристику семье в целом.

Таблица 1 Вербализация стереотипа «семья» на базе текстов НКРЯ

СЕМЬЯ Своя, одна, вся, хорошая, молодая, большая, счастливая / несчастная, дружная, крепкая, здоровая, (не)благополучная, обеспеченная, простая, традиционная, многодетная Дом Ребенок Муж / отец Жена / мама Работа родительский один, специальный, неординархорошая постоянная мой маленькие, свои, ный. положипоможет, танцует, довольный, хороший, тельный, наварит, чистит, старший / старшая. работала, забрала йишодох второй, настоящий, домой, переживаприемный ет. цепляется

(за детей), умерла

не нужен

Отмечено, что в текстах НКРЯ наиболее часто существительное семья характеризуются такими прилагательными и местоимениями, как молодая, счастливая, обеспеченная, своя, большая, которые профилируют такие ценностные характеристики, как молодость, счастье, финансовое благополучие, принадлежность к личному пространству человека и др. Члены семьи (наиболее частотные: отец, мама, сын, дочь) наделяются оценочными характеристиками, из которых наиболее частотны общеоценочные свойства (хороший, настоящий, положительный). Также в текстах НКРЯ был обнаружен наибольший диапазон глагольных фраз, относящихся к действиям (типичным или единичным) «жены», «мамы».

Сопоставление данных НКРЯ с результатами анализа устного интервью с взрослыми участниками эмпирического исследования показало, что воспроизводство стереотипа СЕМЬЯ происходит по основным базовым компонентам, представленным в НКРЯ. Однако данные компоненты получают большее количество оценочных характеристик.

Стереотип в устном дискурсе взрослых вербализован более полно, семье в целом даны более точные характеристики, в том числе и члены семьи наделены личностными качествами и подробными описаниями характера и внешности (У нее афро – завитые волосы такие красивые, …и мама с модной прической, она просто по диско угорает). По-видимому, это в значительной степени связано с условиями

эксперимента, в котором участники были нацелены на довольно подробное описание членов типичной семьи по собственному рисунку, а также на более общие рассуждения о том, что такое семья.



Интересно, что вербализация стереотипа СЕМЬЯ включает в себя указание не только на место обитания семьи (дом), но и на обеденный стол как некий символ общности семьи (...для меня понятие семьи неразрывно связано с домом, у семьи должен быть

дом, или квартира, или комната, в общем, какое-то пространство благоприятное; ... такой один большой стол, за которым хотелось бы, чтобы собиралась семья и как можно чаще).

Далее приводится таблица 2, в которой отражены особенности вербализации стереотипа СЕМЬЯ в исследуемом устном корпусе взрослых респондентов.

В целом, в анализируемом дискурсе взрослых наблюдается сходство с данными по НКРЯ (существительные, указывающие на основные роли; прилагательные, содержащие общую оценку). В данном дискурсе добавляется еще один компонент – домашние животные. Кроме того, обращает на себя внимание довольно активная вербализация деятельностной составляющей стереотипа, которая представлена в устном корпусе глагольными фразами с модальностью долженствования (должен зарабатывать, должен заботиться, должен помогать, должна быть красивой), а также глаголами настоящего времени несовершенного вида и будущего времени совершенного вида со значением регулярного действия (занимается, играет, похвалит, поругает, ждет). В данном компоненте весьма очевидно проявляется стереотипизация гендерных и возрастных ролей (жена занимается домашним хозяйством, муж зарабатывает, дети играют и пр.). Еще одна интересная особенность взрослого дискурса – так называемые метадискурсивные отступления: нарисовал то, как представляю себе семью, всё очень банально, то, к чему... то, что в меня вкладывали родители с детства; ...семья – это всё банальное, что о ней говорят. В них говорящий не только эксплицитно указывает на стереотипность собственного описания, но и как бы смотрит на собственный дискурс со стороны, что свидетельствует не только об осознании стереотипов взрослыми респондентами, но и об их способности к смене перспективы с внутренней на внешнюю (см. упомянутые выше работы Ж. Пиаже и Л. С. Выготского).

Таблица 2 Вербализация стереотипа, воспроизводимого взрослыми в устном дискурсе

		енная, прекрасная, полна Г	1		
Ребенок, дети маленький, один, второй, умные, приемный		Папа	Мама	Дом мой	
Сын старший, маленький, талантливый	Дочка маленькая, младшая	большой, сильный, кудрявый	любимая, с модной прической, с красивыми волосами, беременна	свой не в ипотеку большой обеденный стол, огонь, дым, тепло,	
Играет с машинкой, познает мир, присматривает	играет	работает, должен зарабатывать, должен заботиться / помогать / защищать	работает, занимается домашним хозяйством, ждет должна быть красивой, похвалит, поругает	футбольный мяч домашние животные	
Играют, радуются, помогают		работают, занимаются д ством, распоряжаются с проводят время, создак			

Анализ детского устного дискурса продемонстрировал как сходства, так и различия с дискурсом взрослых говорящих (см. табл. 3).

В дискурсе детей оказались представленными все базовые компоненты стереотипа СЕМЬЯ, что подтверждает довольно раннюю стереотипизацию данного фрагмента социального опыта (в том числе

гендерную стереотипизацию). В этом отношении гипотеза о большей фрагментарности вербализации стереотипа не подтвердилась. Однако, наряду с более кратким описанием семьи и нарушением языковых и речевых норм на обоих этапах эмпирического исследования (т. е. на этапах описания рисунка семьи и ответа на вопрос, что такое обычная семья), нами были обнаружены существенные отличия.

 Таблица 3

 Модель стереотипа, воспроизводимого детьми

СЕМЬЯ каждая, добрая, строгая, веселые, родные, добрые									
мама	папа	брат	сестра	бабушка	дедушка	дом			
добрая, красивая готовит, рабо- тает, любит, варит обед, всё делает дома, любит работать, помогает рисовать	король-папа, добрый, строгий работает, жи- вет в другом доме, любит сидеть за компьютером и читать	добрый, средний, старший занимается футболом	добрая, маленькая зани- мается музыкой, учится в школе	всегда ищет себе дело	мастерит, не любит, когда плачут	замок, ямка, до- машние животные			
поженились, поели торт с клубникой, родили детишек, рисуют, расстались		слушают музыку, любят играть, помогать папе, гулять							
любят рисовать вать праздники хают, дружат, е									

Прежде всего, диапазон языковых средств был менее разнообразным: давая характеристики членам семьи, большинство детей использовали прилагательные добрый, строгий, красивая, а совместную деятельность членов семьи описывали с помощью глаголов физического действия: рисовать, гулять, купаться, сидит за компьютером, поели торт с клубникой. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие модальности долженствования и частое употребление конструкции любить делать что-либо, которая указывает не только на отношение к чему-либо, но и на типичность действия. Действия

(события) вербализованы, в основном, конструкциями с глаголами настоящего времени; в речи часто встречаются назывные предложения, указывающие не столько на события и действия, сколько на факт существования чего-либо. При этом обращает на себя внимание отсутствие абстрактной лексики и языковых клише типа «ячейка общества», которые встречались в дискурсе взрослых. В целом, для детского дискурса не характерны метадискурсивные отступления, что указывает на эгоцентрический характер дискурса данной группы респондентов и, следовательно, на отсутствие смены перспективы с внутренней на внешнюю.

Заключение

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтверждается частично. С одной стороны, результаты эмпирического исследования показали, что в дискурсе взрослых (20-35 лет) и детей (4-6 лет) вербализуются все базовые компоненты стереотипа СЕМЬЯ, которые наделяются сходными оценочными характеристиками. Данный факт указывает на то, что стереотипизация является важнейшим условием социализации, и что данная структура социального знания усваивается и репрезентируется в дискурсивной деятельности с раннего возраста. Вместе с тем были обнаружены определенные различия в вербализации указанного стереотипа в устном дискурсе, по сравнению с данными философских и социологических словарей и НКРЯ: в частности, в дискурсе взрослых респондентов важное место занимают такие компоненты стереотипа СЕМЬЯ, как домашние животные и (обеденный) стол; также дискурсивная репрезентация семьи свидетельствует о сохранении гендерных ролевых стереотипов, что выражается через модальность долженствования. В детском дискурсе было отмечено следующее: горизонтальные (внутрипоколенные) и вертикальные (межпоколенные) ролевые отношения воспроизводятся так же, как и во взрослом дискурсе, однако вербализуется гораздо меньший диапазон оценочных признаков (добрый, красивая, строгий), события представлены глаголами физического действия, изобилуют назывные предложения, указывающие на состояния. Одним из важнейших отличий между взрослым и детским дискурсом является способность к смене перспективы у взрослых говорящих (с внутренней на внешнюю), которая не наблюдалась в дискурсе детей. Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что возрастной параметр может рассматриваться как фактор, влияющий на особенности репрезентации социальных стереотипов в дискурсе, что проявляется как в профилировании различных участков стереотипа, так и в особенностях их вербализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1985. URL: voppsy.ru/issues/1986/861/861095.htm (дата обращения 29.12.2017).
- *Бакушева Е. М.* Социолингвистический анализ речевого поведения мужчин и женщин : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 193 с.
- *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : [пер. с польск.]. М. : Индрик, 2005. 528 с.
- *Ванина О. Н.* Стереотипы экономического сознания россиян // Социальные исследования. 1998. № 5. С. 112–116.
- *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 376 с.
- Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2006. С. 612–614.
- *Голованова Н. Ф.* Социализация и воспитание ребенка : учеб. пособие для студ. высших учебных заведений. СПб. : Речь, 2004. 272 с.
- *Грибач С. В.* Образ семьи в языковом сознании русских (гендерный аспект) : дис. . . . канд. филол. наук. М., 2005. 252 с.
- Дежина Т. П. Трансформация гендерных стереотипов в семейных практиках жителей Дальнего Востока: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2007. 25 с.
- Завалко Е. А. Развитие коммуникативных навыков в речи детей дошкольного возраста. автореф. дис. ... канд. филол., наук. Самара, 2012. 23 с.
- *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
- Кирилина А. В. Тендер: лингвистический аспект. М.: Институт социологии РАН, 1999. 190 с.
- *Маслова В. А.* М 31 Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / сост., новая ред. пер. с фр., комм. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 526 с.
- Рахмат А. Концепт СЕМЬЯ в русской паремике: лингвокульторологический аспект: автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. Воронеж, 2002. 40 с.
- *Тарасов Е.* Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.

- Терпак М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке: на материале семантического поля «Родственные отношения»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 21 с.
- *Шихирев* П. Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. 174 с.
- D'Andrade R. G. Cultural Cognition // Foundations of Cognitive Science / M.I. Posner (ed.). Cambridge. MA: MIT Press, 1989. P. 795–830.
- *Dijk T. van.* Discourse, Power and Access // Studies in Critical Discourse Analysis / C.R. Caldas (ed.). London: Routledge (in press). 2001.
- Dijk T. van, Kihntsh W. Strategies of Discourse Comprehension // Handbook of Language and Social Psychology. New York: Academic Press. 1983. 389 p.
- *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. Chicago: The University of Chicago Press. 1987. 614 p.
- Lambert A. J., Chasteen L. A. Social cognition // A Companion to Cognitive Science / W. Bechtel, G. Graham (eds.). Oxford: Blackwell, 1998. 306 p.
- Language, Power and Ideology / Wodak, R. (ed.). Amsterdam : Benjamins, 1989. 288 p.
- *Wierzbicka A.* English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006. 352 p.
- Социологический энциклопедический русско-английский словарь / А. С. Кравченко. М. АСТ, 2004.
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2003-2010. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 20.12.2017).

УДК [81.374: 81. 367]: [811.112. 2+81.512.162

И. Мамедова

аспирант каф. общего языкознания Азербайджанского университета языков (Баку, Азербайджан); e-mail: a-vashar@rambler.ru

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГЕЗИИ В НЕМЕЦКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье на материале немецкого и азербайджанского языков осуществляется сопоставительный анализ формально-грамматических и семантических средств организации текстов научного дискурса. В результате проведенного анализа выделяется несколько типов связей: фонетические средства, а именно – интонация и просодия; морфологические средства, к которым относятся окончания, приставки, артикли, временные формы глагола; лексико-синтаксические средства, включающие такие типы рекуррентных связей, как повторы, проформы (заменяющие средства), инверсия; графические средства, среди которых пунктуация, символы и т. д. Проведенный анализ позволяет установить специфику лингвистической организации текстов научного дискурса в изучаемых языках.

Ключевые слова: когезия; текст; дискур; рекуррентность.

I. Mammadova

post-graduate student of the Department of General Linguistics of the Azerbaijan University of Languages (Baku, Azerbaijan); e-mail: a-yashar@rambler.ru

LEXICAL AND SYNTACTIC ASPECTS OF COHESION IN GERMAN AND AZERBAIJAN SCIENTIFIC DISCOURSE

This article analyzes the linguistic tools that connect sentences in the text. They are called cohesion funds. There are the following types of sources: phonetic, namely, intonation and prosody; lexico-grammatical, that comprise a whole variety of linguistic means like recurrence (iteration), pro-forms (substitutes), inversions; morphological, among which are endings, prepositions, articles, tense forms of the verb, as well as graphical means, like endings, punctuation, characters. All of these tools are thoroughly described on the example of Azerbaijani and German languages. Moreover, recurrence-lexical and syntactic cohesion funds of German and Azerbaijani scientific discourse are carefully considered.

Key words: cohesion; text; discourse; recurrence.

Внутренняя связь в тексте всегда находится в центре внимания лингвистов. Эта связь охватывает формально-грамматические и семантические аспекты. В статье мы постараемся дать анализ тех

средств, которые обеспечивают формально-грамматическую связанность текста. В научной литературе эту связь принято называть термином «когезия». Ф. Вейсялли, опираясь на труды М. А. К. Холидея и Р. Хассана, пишет, что способность сети предложений создавать текст зависит от внутренней связи и отношений когеренных связей. Текстовка определяется когетивными связями [Veysəlli 2010, с. 88].

Р. Харвег определяет когезию так: «Когезия — это формы грамматических, семантических и лексических связей между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстновариативного членения текста к другому» [Harweg 1968, с.125]. Согласно Й. Вернеру, когезия есть линейная связанность в организации текста, которая осуществляется различными языковыми средствами [Werner 1988, с. 685]. Английский лингвист М. А. К. Холидей рассматривает когезию как такое отношение между элементами текста, когда один элемент раскрывает значения других элементов, т.е. зависит от интерпретации других элементов [Гальперин 2007, с. 270]

В современной лингвистической литературе различаются следующие типы когезии: рекуррентность, субститутция, прономинализация, референция, эллипсис, темпоральная связь, коннекторы, лексические изотопы.

Ф. Я. Вейсялли рассматривает когезию как взаимозависимость определенных элементов дискурса [Veysəlli 2010, с. 88-89]. Он подразделяет элементы, участвующие в образовании текста, на три группы: а) повторы; б) эллипсис; г) морфологические и синтаксические средства. В труде, опубликованном под руководством азербайджанского лингвиста К. Абдуллаева, приводятся следующие формальные связи, образующие текст: союзы, детерминаторы, хиазм, инверсия, дейктические элементы и т.д. [Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər 1981, с. 150-159]. Позиция Р. Харвега при рассмотрении текста привлекла внимание лингвистов. В своей монографии о тексте он способствовал развитию лингвистики текста. Его подход к тексту является структурным и базируется на генеративных основах. Он определяет текст как последовательность связанных между собой непрерывной прономинальной цепью лингвистических средств [Harweg 1968, с. 148]. Согласно мнению этого лингвиста, текст представляет собой такое беспрерывное соединение прономиналов, что в нем пауза указывает на начало или конец текста. К подобным прономиналам он относит такие чистые прономиналы, как /er, sie, es/. Р. Харвег утверждает, что текст образуется совместным действием заменяемых (Substituenda) и заменяющих (Substituentia) элементов. Он характеризует прономиналы не только как местоимения, а все заменяющие и заменяемые элементы языка. Сюда он относит синонимы, гиперонимы, метафоры, метонимии и т. д. [Harweg 1968, c.148].

Р. Баугранд и В. Дресслер в этой связи пишут: «Когезия связывает поверхностные компоненты, т. е. объединяет фактически те слова, которые мы видим и слышим. Поверхностные компоненты текста зависят друг от друга по грамматическим формам и конвенции. Следовательно, в основе когезии лежит грамматическая зависимость» [Beaugrand 1981, с. 3]. Когезия связывает поверхностные компоненты так, что реципиент смог понять смысл сказанного. Это не только инференция значения, созданная компонентами текста, это есть и способ структурирования текста. Эти авторы относят к средствам когезии следующее: рекуррентность, паралеллизм, парафраза, праформа, юнкция (союзы, коннекторы) и темпус (временные формы глагола) [там же, с. 50–52].

Надо отметить, что тексты бывают устные и письменные. Так как эти формы различаются, различие имеет место также в их грамматической структуре. Г. Кристина и Й. Франк подчеркивают, что дискурс имеет свою грамматику. Это было долгое время забыто. Грамматика устной речи считалась как дефектная передача письменной речи. Такой подход к устной и письменной формам речи увеличивал интерес к грамматическим особенностям дискурса [Christina, Frank 2009, с. 176-177]. Вопрос о том, как определяются границы предложений в дискурсе, есть ли у них границы вообще, какие средства существуют для объединения неполных предложений? Все эти вопросы имеют решающее значение при анализе дискурса. Ф. Я. Вейсялли придает особое значение интонации при анализе дискурса, в связи с чем пишет следующее: «Интонация является основным показателем формально-субстанциональной организации дискурса. На уровне дискурса интонационные контуры интонации, взаимодействуя, организуют его просодический каркас. При анализе дискурса выступают элементы, отрезки, начало и конец которых отчетливо выражаются интонацией. К этим признакам относятся: движение тона, сила тона (интенсивность) и время звучания [Veysəlli, с. 68]. Обзор соответствующей литературы по анализу текста позволяет выделить три группы средств:

- 1) фонетические средства интонация, просодия;
- 2) грамматические средства;
 - а) лексико-синтаксические средства рекурренты (повторы), проформы (заменяющие средства), инверсия;
 - б) морфологические средства окончания, приставки, артикли, временные формы глагола;
- 3) графические средства-пунктуация, символы и т. д.

Под повторами в германских языках понимается повторное использование языковых средств с риторической или стилистической целью. В связи с тем, что научный дискурс требует большей точности, в таких текстах рекуррентность используется чаще всего. Такие повторы считаются важным средством для последовательности событий в тексте и для развития внутритекстовых связей. А это, в свою очередь, создает общую экспрессивность высказывания.

К. Абдуллаев указывает на фонетический, лексический, морфологический и синтаксический типы повторов [Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər 2012, с. 113–146]. То, что Р. Баугранд и В. Дресслер называют рекуррентность простым повтором элементов и образцов [Beaugrand, с. 51], К. Абдуллаев именует полной рекуррентностью [Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər 2012, с. 119–120]. В таком случае слова или словосочетания повторяются, как и в других предложениях. Р. Баугранд и В. Дресслер различают также частичную рекуррентность, рекуррентность элементов (параллелизм), содержательную рекуррентность (парафразу), рекуррентность структуры и содержания с отбрасыванием некоторых элементов (эллипсис) [Beaugrand 1981, с. 51]. При полном лексическом повторе, как это видно из названия, лексические средства в первом предложении текста повторяются без каких-либо изменений полностью [Azərbaycan dilində ... 2012, с. 120]. Например:

 Elm və texnikanın inkişafı, həmçinin Azərbaycanın dünya birliyinə inteqrasiyası Avropa dillərindən külli miqdarda sözlərin dilimizə keçməsin əzəmin yaratmışdır. Avrop dillərindən Azərbaycan dilinə o zaman söz keçir ki, bu dildə həmin sözün ifadə etdiyi məfhumu bildirən başqa söz olmur və ya onun tam ekvivalent vatiantını dildə ifadə etmək çətin olur. Научно-техническое развитие, а также интеграция Азербайджана во всемирное сообщество способствовали переходу из европейских языков в азербайджанский язык массы слов. Из европейских языков в азербайджанский язык только тогда переходит слово, когда в этом языке нет слов для обозначения понятий, или же невозможно найти его полного эквивалента.

2. Gut 400 von den 1861 Patienten, die den Antikörper verabreicht bekamen, lebten nach der Diagnose noch mindestens drei Jahre lang. Mehr als 300 Patienten waren sogar sieben Jahre später noch am Leben.

Ровно 400 из 1891 пациента, которые получали процедуру по сбрасыванию веса, жили после диагноза минимум 3 года. Более чем 300 пациентов жили даже 7 лет.

Частичная рекуррентность достигается принятием окончания и тем самым она создает связь между предложениями. С неполным повтором мы часто встречаемся в азербайджанском языке. А. Ахундов объясняет это агглютинативным строем азербайджанского языка, в котором грамматические значения выражаются окончаниями [Axundov 2012, с. 464]. Эти изменения достигаются склонением артикля, употреблением приставок, принятием существительным и прилагательным падежных окончаний, временных окончаний и т. д. В связи с тем, что в азербайджанском языке отсутствует артикль, он использует словоизменительные и словообразовательные окончания, а также послеслоги [Аzərbaycan dilində ... 2012; Beaugrand 1981]. Ср.:

- 1. Stellenwiruns nun vor, dass sich diesem Lichtbündel ein Hindernis in den Weg stellt. Je nachdem, wie nah es dem Kreuzungspunkt des Lichts ist, desto stärker konzentriert sich auf seiner Oberfläche das Licht.
 - Представим себе, что из этого светового пучка на дорогу падает барьер. По мере того, чем ближе он κ пересечению света (des Lichts), тем сильнее концентрируется на поверхности света (das Licht).
- 2. Məruzədə qeyd olunan ingilis dili mənşəli sözlər dilimizdə struktur quruluş etibarılə sadəç düzəltmə və mürəkkəb olmaqla 3 qrupa aid olması canlı misallarla izah edilmişdir. Leksik semantik araşdırma bir neçə ingilis dili mənşəli sözlə sübuta yetirilmişdir və orfografik, fonetik, qrammatik analiz məruzənin ana xəttini təşkil edir.

Как видно, в приведенных примерах des Lichts (Gen.) и das Licht (Akk.), ingilis dili mənşəli sözlər (окончание мн. ч. -lər) и ingilis dili

mənşəli sözlə (послелог *-lə*) создают неполную рекуррентность, тем самым обеспечивают когетивную связь между предложениями.

Параллелизм имеет место, когда встречается повтор путем новых элементов. Причем это повтор таких элементов, когда к структуре повторяющегося элемента присоединяется новый элемент. Такие рекурренты чаще всего встречаются в лирике, рекламе или в журналистских текстах и употребляются для достижения содержательной целостности. Но это не значит, что в научных текстах не встречаются параллелизмы. Например:

Bu məqsədə çatmaq üçün aşağıdakı vəzifələrin yerinə yetirilməsinə səy göstərilmişdir: Azərbaycan vəi ngilis dillərində bitki adlarının hansı qruplar əmələ gətirdiklərini araşdırmaq; Azərbaycan vəi ngilis dillərində bitkilərə münasibətin oxşar və fərqli cəhətlərini aydınlaşdırmaq; Azərbaycan və ingilis dillərində bitki adlarının frazayaratma imkanlarını nəzərdən keçirmək.

Парафраза имеет место, когда слова и словосочетания выражаются новыми элементами. Она является содержательной рекуррентностью при изменении выражения. И это несет синонимический характер при повторе. Но эта синонимичность возможна только в контексте. Например:

Zweifellosleisten Vitamin C und Co dem Organismusgute Dienste, und zu Rechtempfählen Ärzte, viel frisches Obst und Gemüse zu essen. Der Nutzen von Extragabensolcher Stoffe ist jedoch inzwischen umstritten – mindestens seit herauskam, dass Vitamin C das Leben von Fadenwürmern eher verkürzt als verlängert.

Безусловно, витамин С и Со (Vitamin C und Co) оказывает организму хорошую услугу, и врачи рекомендуют есть много свежих овощей и фруктов. Но экстраполезность таких продуктов (solcher Stoffe) спорна по меньшей мере с того момента, когда стало ясно, что витамин С жизнь волокон скорее сокращает, чем удлиняет.

В этих примерах (Vitamin C und Co) заменяет (solcher Stoffe), тем самым создает синонимическое содержание, обеспечивая связанность мысли. С другой стороны, при рассмотрении этого примера связь между ними образуется при помощи местоимения *solcher*. Здесь эти выражения выступают в определенном контексте синонимично, но не везде. Как отмечалось выше, для понимания повторов, содержащих

эллипсис, адресат должен извлечь конкретные знания из коммуникативной ситуации и контекста. Известно, что научные тексты характеризуются точностью. По этой причине эллипсис не характерен для научных текстов. Например:

Ümumiyyətlə, implikaturun ifadəsi başa düşməni asanlaşdırır. Və o seçib götürülən bir mənadır, yəni inferensiyadır.

В целом выражение импликатуры упрощает понимание. Это есть выбранное значение, т. е. новая инференция.

Новая инференция вне контекста ничего не обозначает. Но контекстуальная связь делает эллиптическое употребление понятным. Как отмечалось выше, праформы (заменяющие средства) объясняются как замена смысловых элементов более компактными элементами. К ним относятся, в основном местоимения, местоименные наречия. Их иногда называют местоименными повторами [Azərbaycan dilində ... 2012, с. 131–134]. Например:

Frazeologizmlərdən həm bədii, həm publisist, həm də digər üslublarda istifadə olunur. Onlar ədəbi dilin yazılı növündə, əsasən bədii üslubda yazılan əsərlərdə xüsusi üslubi rola malikdir.

Фразеологизмы используются в художественном, в публицистическом и в других стилях. Они (onlar) играют особую стилистическую роль в письменных жанрах.

Здесь (onlar) обозначают референт (frazeologizmlər) и играют анафорическую роль. «Здесь главное в том, что общий член своим употреблением в середине, т. е. своим отношением как предыдущему, так и к последующему служит связыванию компонентов друг с другом» [Veysəlli 2010, с. 157].

Michael Springer meint hingegen, "dass ein naturwissenschaftliches Studium ganz von selbereine objektivwertfreie, nicht moralische Einstellung fördert". Da bin ich anderer Ansicht.

М. Шпрингер, напротив, думает, что естественно-научное изучение само по себе требует объективно оцениваемой, а не моральной позиции. Здесь (Da) я придерживаюсь совсем другой позиции.

Второе предложение имеет обратный порядок слов. Использование локального наречия в начале предложения позволяет автору

выразить свое отношение к мысли, изложенной в предыдущем предложении. И наречие здесь выполняет дейктическую функцию.

Таким образом, в статье на материале азербайджанского и немецкого языков продемонстрировано, что рекуррентность как средство когезии играет большую роль в научном дискурсе. Рекуррентность достигается разнообразными лексико-синтаксическими средствами, в том числе повтором, параллелизмом, парафразой, причем в научном стиле особую роль играет частичная рекуррентность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М.: КомКнига, 2007. 344 с.
- Axundov A. Seçilmiş əsərləri. II cild / A. Axundov. Bakı : Elm, 2012. 464 s.
- Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər / Авторский коллектив под рук. академика К. М. Абдуллаева. Баку : Мутарджим, 2012. 608 с.
- Beaugrand R. A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981. 430 S.
- *Christina G., Frank J.* Textlinguistik und Textgrammatik. Wandenhoek und Ruprecht. Göttingen, 2009. 390 p.
- *Harweg R.* Pronomina und Textkonstitution. München: Fink Verlag, 1968. 392 S. *Veysəlli F. Y.* Diskurstəhlilinəgiriş / F.Y. Veysəlli. Bakı: Təhsil, 2010. 140 s.
- Werner A. Terminologie zur neueren Linguistik. Bd. 2. Tübingen: Niemeyer, 1988.

УДК 81.11

Е. А. Похолкова, А. А. Альварес Солер

Похолкова Е. А., кандидат филологических наук, декан переводческого факультета МГЛУ; e-mail: sirotina e79@mail.ru

Альварес Солер А. А., кандидат филологических наук, заведующий каф. испанского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: anna.alvaressoler@qmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ РОССИИ В ИСПАНСКИХ АРХИВАХ

Статья посвящена изучению особенностей перевода документов по историкокультурному наследию России в испанских архивах. Перевод документов, имеющих важное историческое значение, – весьма трудоемкий и кропотливый процесс. Переводчик должен обладать знанием той эпохи, документ которой он изучает и переводит на другой язык. Перед тем как приступить непосредственно к переводу, необходимо провести предпереводческий анализ с целью выработки определенных стратегий и тактик для достижения впоследствии эквивалентного текста на ПЯ. В статье предлагаются некоторые возможные переводческие решения.

Ключевые слова: предпереводческий анализ; прагматическая и хронологическая адаптация текста; синтаксический строй; когнитивно-образные процессы; информационное воздействие.

E. A. Pokholkova, A. A. Alvares Soler

Pokholkova E. A., PhD (Philology), Dean of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: sirotina e79@mail.ru

Alvares Soler A. A., PhD (Philology), Head of the Spanish Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

BASIC FEATURES OF TRANSLATION OF DOCUMENTS ON HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA IN SPANISH ARCHIVES

The article looks into the problem of translating documents on historical and cultural heritage of Russia in the Spanish archives. Translation of documents of great historical importance is a very laborious process. The translator needs knowledge of the era and the subject matter. Before proceeding directly to the translation, it is necessary to do a pre-translation analysis in order to develop certain strategies and

tactics to achieve equivalence in effect between the original and the translated text. The article offers some possible translation solutions.

Key words: pre-translation analysis; pragmatic and chronological adaptation of the text; syntactic structure; cognitive processes; informational influence.

Переводчик исторических документов – ретроспективное, глядящее вспять существо. Ретроспекция играет в данном виде перевода важную роль. Профессиональное бегство в историю переносит переводчика туда, куда в обычных условиях добираться пришлось бы очень долго.

Таким образом, переводчик на время становится историком. Он должен провести своего читателя вглубь истории. Перевод исторических документов направлен на создание текстов, наполненных повествованиями об исторических событиях, там и тут всплывают имена исторических персонажей. Весь процесс сопровождается целым рядом осложнений в теоретических моделях перевода.

Предпереводческий анализ исторических документов показал, что они подчеркивают ценность каждого слова, акцентируют внимание на деталях, разряжают или, наоборот, создают напряжение, язык имеет независимую энергию и изящество. Исторические документы – это информационно-художественное поле.

Перевод исторических документов скрывает множество «ловушек», когнитивно-информационных «ухабов». Тексты такого рода создавались в определенные исторические моменты, и переводчик является связующим звеном между двумя эпохами. Временной информационный разрыв становится причиной некоторых сложностей, решать которые приходится переводчику, прибегая к целому ряду тактик и стратегий.

Итак, перевод исторических документов носит нехудожественный характер, так как речь идет о ценных письменных исторических памятниках. Задача — отразить с наибольшей точностью информационную сторону подлинника.

Перед тем как приступить к переводу, переводчик ставит перед собой макроцель — познакомить с документами исторического характера более широкий круг читателей за счет включения в него носителей ПЯ (языка перевода), и микроцель — добиться адекватного перевода. Для достижения адекватного перевода переводчик осуществляет предпереводческий анализ текста с целью выработки стратегии перевода.

В ситуации перевода исторических документов стратегия перевода заключается в обеспечении точной и полной передачи когнитивной информации, содержащейся в оригинале, в соответствии с коммуникативной интенцией автора оригинала, с сохранением его стилистических особенностей. К числу необходимых тактик перевода можно отнести: точную передачу значений терминов, воспроизведение функций стилистических приемов, использованных в оригинале, сохранение национального и временного колорита текста, хронологическую адаптацию текста, прагматическую адаптацию текста...

Одна из тактик, которую мы использовали при переводе с целью хронологической адаптации текста, — это его архаизация, т. е. ввод в текст устаревших слов, чтобы подчеркнуть принадлежность другой эпохе. Особенно важным нам это показалось по той причине, что не представляется возможным передать графико-орфографические особенности письма. Поэтому мы приняли решение обогатить текст в разумных пределах словами-архаизмами: «развенчание сего плана», «бумага за тремя печатями», «соизволите сообщить», «переложивший приказ с русского языка на французский».

ИЯ

Madrid, 27 de Enero de 1800 Al Virey de Nueva España

Trasladandole un oficio de Estado relativo al aviso que dió el Embajador del Rey en Viena de que la Inglaterra ha dado un plan a la Rusia para atacar nuestras posesiones en California con las fuerzas que tiene en el Kamtvchavka, y con este motivo se le previene tome las disposiciones convenientes a hacer malograr dicho plan.

ПЯ

Мадрид, 27 января 1800
Вице-королю Новой Испании
Передаем Вам сообщение,
полученное от королевского посла в Вене, извещающее о том,
что Англия передала России
план атаки на наши владения
в Калифорнии силами, имеющимися у нее на Камчатке; по этой
причине вам предписано принять
необходимые меры для развенчания сего плана.

Переводчик должен стремиться к доподлинности передачи не только словесного, но и синтаксического состава исходного текста, не совершая при этом акробатических этюдов с русским языком и не допуская малограмотные обороты:

Hacen también pendientes para las orejas, de tan lindas cosas hacen sus Baifaras o barcas de pieles de animales (y principalmente de las vacas marinas que son muy grandes) de varios tamaños y algunas tienen hasta seis cuerdas de largo en donde caben cómodamente de 30 hasta 40. Personas con mujeres y niños y las manejan poniendo pequeños de un lado a otro como si fueran un bote y no tienen timón. También tienen otras Baidaras más pequeñas v con remos a los dos lados. Sus armas consisten en arcos y flechas del tamaño de vara y media.

ПЯ

Из этих красивых вещей они также делают серьги. Байдары, или лодки, они делают из шкур животных (*Примечание на полях. Так говорят) (главным образом, из шкур морских коров, которые очень крупные). Суда эти разной величины: на некоторых, достигающих шести туазов в длину (прим. перев.: mya3 (фр. toise) – французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы. 1 туаз = 1,949 м.) могут свободно разместиться от 30 до 40 человек с женщинами и детьми. Руля у них нет: правят ими гребцы с помощью маленьких весел, размещенные с обеих сторон, как если бы это были шлюпки. Есть у них и байдары поменьше, с вёслами по обеим сторонам. Из оружия имеются луки и стрелы длиной в одну вару (вара – мера длины = 83,5см) либо в полвары.

При переводе мер длины сохраняется национальная специфика, но требуется дополнительный комментарий переводчика.

В некоторых случаях мы замещаем исходный синтаксический строй, для которого свойствен инверсионный порядок слов русским:

ИЯ

A su llegada aquí me Comunicó el señor Durand una Copia de una orden dada por este Gobierno en (?) de (?) de 1769, y pasada a la Chanulleria de (?) en 3 de mayo de 1770. La que la disipó al Puerto de (?) en Siberia y de allí a la Chancillería de Bole

ПЯ

По прибытии господин Дуранд передал мне копию приказа, изданного правительством этой державы 1 сентября 1769 года и переданного в (неразборчиво) канцелярию 3 мая 1770 года. Затем этот приказ был отправлен в Охотский порт в Сибири, а оттуда в канцелярию (неразборчиво)

en el Kamtschatka en donde la reunieron en 5 de ? de 1770. (?) una Copia de esa orden que trajo a Francia el Baron Benioski robando los Archivos du Kamchatka y se ha traducido de lengua Rusa a la Francesa.

на Камчатке, где его получили 5 сентября 1770 года. Копию приказа доставил во Францию барон Бениоски, выкравший приказ из архивов Камчатки и переложивший его с русского языка на французский.

При переводе имен собственных (антропонимов, топонимов, названий кораблей и т. д.) у нас было два пути – транскрипция (когда воспроизводится звуковая форма иноязычного слова) и транслитерация (когда воспроизводится его графическая форма (буквенный состав). Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода всегда несколько условна и приблизительна. Антропонимы делятся на единичные (имена людей, получивших широкую известность) и множественные (имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком). В нашем случае речь идет об единичных антропонимах. Перевод единичных антропонимов не вызывает трудностей, поскольку можно рассчитывать на уже закрепившиеся в языке перевода регулярные соответствия. Правда, пришлось исследовать большое число источников, чтобы найти нужные нам имена.

ИЯ

Participo a V.E. lo mas esencial de mi diario como Comandante del Paquebot de S.M. nombrado San Carlos con el que tube la Comision de pasar a Nuca en conserva de la Fragata Concepcion y Balandra Inglesa Princesa Real esta al mando del Alferez de Navio don Manuel Juimper , y la Fragata al del Teniente de Navio don Francisco de Eliza, y despues de dejarlos posesionados y fortificados en aquel Puerto ...

ПЯ

Настоящим имею честь представить Вашему Сиятельству наиболее значимую часть моего дневника, составленного во время моего участия в экспедиции в качестве командира королевского пакетбота «Сан-Карлос», на котором мне было поручено следовать до Нутки в сопровождении фрегата «Консепсьон» под командованием капитан-лейтенанта Франсиско де Элисы и английского шлюпа «Принсеса Реаль» под командованием мичмана Мануэля Кимпера, и оставить их под защитой в том порту ...

Переводя исторический термин, переводчик должен сохранить специфику и передать то значение, которое оно имело в определенный исторический отрезок времени в конкретном географическом пространстве. Если термины paquebot и fragata не вызвали особых трудностей, то над переводом термина balandra пришлось задуматься. Мы обнаружили, что словом balandra испанцы именовали небольшие суда, предназначенные для прибрежного плавания, известные как флайботы. Но этот термин перестал использоваться к 1730 г. А наш документ датирован 1790 г., соответственно использовать его мы не могли. Продолжив поиски, мы обнаружили, что автор книги «Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.) Моисей Самуилович Альперович в седьмой главе «Испания бьет отбой» упоминает трофейный шлюп «Принсеса Реаль».

В следующем отрывке идет замечательное повествование, описывающее быт жителей Камчатки. Документ датирован маем 1774 г. И взят он из испанской газеты «Исторический и политический меркурий» (El Mercurio Histórico y Político), которая, кстати, положила начало развитию испанской журналистики. На 100–120 страницах читатель мог найти сообщения из разных стран, статьи о международном положении, репортажи из испанских провинций, официальные материалы, некрологи, отчеты о деятельности экономических Академий, объявления о новых книгах. Документ изобилует названиями птиц, растений, одежды, перевод которых требует бережного отношения.

ия

Se cuidan mucho de estar calientes, pues, ni aun en el invierno suelen encender fuego en sus yurtas, ó chozas. 2. hacen todo su vestuario de las pieles y plumajes de aves marinas y principalmente de surven para este uso de una especie de Andes Negros que llaman Arkeas, y Toporkas*, las cuales saben coger a las orillas del mar con lazos que hacen de los tendones de la ballena y con las tripas de unos animales marinos que ellos.

ПЯ

Они не очень заботятся о тепле, так как даже зимой не зажигают обычно огня в своих юртах или хижинах. 2. Всю свою одежду они шьют из шкур и оперения морских птиц. Для этого, главным образом, им служит разновидность черной утки, которую они называют <u>Arkeas</u> или <u>Toporkas</u> (*Примечание. Чаще всего встречается разновидность морских птиц под названием Tubtani, которых они ловят сотнями.

*Nota: Las mas comunes son una especie de aves marinas que llaman Tubtani y se cogen a centenares. Tienen color encarnado muy hermoso, y son casi tan grandes como un ganso

Llaman Siutskas y Nerpas (y son las vacas y los terneros marinos). Cosen sus Kamleas o vestidos y esto es todo lo que necesitan para vestirse.

- 3. Su ordinario sustento es pescado crudo, con que se sustentan y este pescado es por lo comun lo que llaman Paltusinas y otras especies de Stockfisch, peces Palo; y cuando no pueden salir a pescar, por estar, alborotando el mar, entonces se alimentan de una especie de Bevza que se llama por los botánicos Crambe Litoxalis Bunías y de ostras.
- 4. En los meses de mayo y junio salen a coger las Nerpas (Becerros marinos)

Los habitantes, así de esta como también de las islas de Unalakscha, descubiertas ya mucho antes, y de todas las demás islas de nuestro nuevo archipiélago del norte no tienen la menor idea de religión y envueltos en las tinieblas, en que viven se ocupan únicamente en hechicerías.

ПЯ

Они ярко-красного цвета, очень красивые и почти такие же крупные, как гуси), их ловят на побережье с помощью силков, изготовленных из китовых сухожилий, а также из кишок морских животных, которых они называют сивучами или нерпами (это морские коровы и телята).

Из этого они шьют свои камлейки (прим. перев.: камлейка — это глухая рубаха с капюшоном, которую обычно надевали в качестве внешнего слоя на меховые малицы или кухлянки, а морские зверобои — на охоту), или платья, и это все, что им необходимо из одежды.

- 3. Питаются они обычно сырой рыбой под названием «па́лтусина» и другими разновидностями Stockfisch, или плоскоголовой рыбой; если же сильное волнение не позволяет им выйти в море на рыбную ловлю, они употребляют в пищу устрицы, а также разновидность капусты, которую ботаники называют Crambe Litoralis Bunías.
- 4. В мае и июне они отправляются на охоту за нерпами (морскими коровами).....

Жители как этого острова, так и острова Уналашка, открытых намного раньше, и всех остальных островов нашего нового Северного архипелага не имеют ни малейшего понятия о религии и, пребывая в кромешном невежестве, занимаются одной лишь ворожбой.

Los hombres andan vestidos de pieles: es a saber de pieles y plumajes de Uxilias y Arjas.

Las mujeres tienen los mismos vestidos que los hombres en cuanto a las hechuras, solo con la diferencia de que los de las mujeres comúnmente los hacen de pieles de animales, y en particular la del castor y del gato marino: que cosen con hilo, que sacan de los nervios como se ha dicho. Los hombres tienen cada uno, según le permiten sus facultades, tantas muertes cuantas quieren, y pueden mantener. Muchas veces las cambian de diferentes maneras. Por exemplo. Si uno tiene alguna cosa de que se agrada otro, y este quiere adquirirla, le da en trueque por ella una o dos mujeres de las suyas. Lo mismo hacen con sus hijos, mayormente con los varones. Su alimento es la carne de varios animales, que por la mayor parte comen cruda. Algunas veces cuando la quieren asar hacen con barro y piedras unas paredillas, sobre las cuales cruzan unos palos, y poniendo encima de estos la carne, y encendiendo fuego por debajo, las Adán de este modo.

ПЯ

Мужчины носят одежду из шкур и оперения Uxilas y Arjas.

(Uxil Uril — разновидность баклана, очень похожа на журавля. Они ловят их на приманку на берегу моря. См. Том первый, страница 334 из «Описания Камчатки» Крашенинникова).

У женщин та же одежда, что и у мужчин. Что касается ее покроя, разница лишь в том, что женщины, как правило, шьют свою одежду из шкур животных, прежде всего из шкур бобра и морского котика, которые, как уже было сказано, сшивают нитками. изготовленными из сухожилий. Каждый мужчина, в меру своих возможностей, может иметь столько жен, сколько он сам пожелает и сможет содержать. Жен они часто меняют самыми разными способами: например, если у одного есть какая-нибудь вещь, которая очень нравится другому, и этот другой хочет приобрести ее, он дает в обмен на нее одну или двух своих жен. Так же точно они поступают со своими детьми, прежде всего с мальчиками. Питаются они мясом различных животных, которое по большей части едят сырым. Иногда, чтобы его поджарить, они делают из глины и камней очаг, крестообразно покрывают его палками, кладут на них мясо и разжигают под ними огонь.

La Paltusina y el Pexe-palo, los cogen, así en el invierno, como en el verano con unos anzuelos hechos de hueso que cuelgan de unos hilos que sacan de nervios de animales. A otros pescados mayores los matan a flechazos. Se aprovechan también de las ballenas que arroja el mar en sus costas. Hay años en que tienen abundancia de bayas y de las plantas que llaman Sehutkschas y otros, en que les faltan. Cuando tarda el mar en arrojarles en sus costas ballenas suelen mantenerse con mariscos. Luego que uno se establece en algún paraje, los demás no pueden, ni cazar ni pescar en todo aquel distrito, ni aprovecharse de nada de lo que arroja el mar en aquella costa, a no ser que estén convenidos en partir con el que se haya establecidob a aquel sitio. Cuando se le ofrece a alguno pasar por el distrito de otro para ir a cazar en tal caso este hospeda al que viene en su Baidara (o Barca) y si es pariente le lleva a su yurta o choza. No se puede saber el número fijo de estos Yoleños, porque no tienes sus habitaciones fijas. De los hombres unos se cortan el pelo de encima de la frente: otros al rededor de la cabeza deiando el del medio con el cual hacen una especie de rodete atándolo de modo que no cuelgue. Cuando le sucede algún acontecimiento funesto lo traen suelto en señal de sentimiento. Las mujeres se cortan igualmente el pelo y encima de las frentes, hacen con lo restante una

ПЯ

Палтус и плоскоголовую рыбу они ловят зимой и летом на костяные крючки, привязанные на нити из сухожилий животных. На более крупную рыбу охотятся с помощью стрел. Также они промышляют китами, которых море выбрасывает на берег. Случаются годы, когда в особом изобилии ягоды. растение, которое они называют [Schutkscha], и другие растения, в которых они нуждаются. Когда море подолгу не выбрасывает на берег китов, они обычно ловят мелких морских животных. В тех пределах, где кто-то уже обосновался, другим заказано охотиться, ловить рыбу или пользоваться тем, что выбрасывает море на тех берегах, если они не договорятся прежде с теми, кто обосновался в той округе. Тот, кто предлагает соседу проследовать через его пределы по дороге на охоту, должен оказать гостеприимство тому, кто приплывет к нему на байдаре (или лодке), а родственника отвести к себе в юрту, или хижину. Численность этих островитян с точностью определить невозможно, потому что они не живут постоянно на одном месте. Некоторые мужчины стригут волосы у лба; другие - вокруг головы, оставляя часть волос посередине, из которых они делают что-то вроде валика, связывая их таким образом, чтобы они не свисали. Когда происходит какое-либо несчастье,

especie de rodete, atándolo de modo que no cuelgue; pero cuando les suceden acontecimientos tristes, no se lo cortan y lo traen suelto. A los niños de corta edad de ambos sexos les bordaban el labio superior bajo de la ternilla de las narices para adornarle con varias piedras, u huesecitos secos de peces y otros animales. En la extremidad de las flechas ponen un hueso con varias puntas en las cuales encajan unas piedras muy agudas. Además de estas armas están también de unas lanzad de madera que llaman Kutaji. Bosques no se encuentran en estas filas. No obstante construyen sus juntas o chozas a imitación de los habitantes de Kamtschatka de varias clases de madera: es a saber de Alerce de pino y de otras maderas que el mar arroja en sus costas con la sola diferencia de que estos no cubren sus yurtas con tanta tierra como aquellos; y que sobre la tierra del techo ponen césped que remuevan fresco todos los años. En estas yurtas viven hasta que pudriéndose con el discurso del tiempo las estacas y con el pero del techado anuncian estos la próxima ruina. Y atas yurtas tienen muchas veces desde cinco hasta diez, quince y treinta tercios de largo y comúnmente cuatro ruedas cabales de ancho. Las más grandes tienen de dos a tres tuesas de alto. En las más pequeñas de estas chozas se cuentan de dos a cinco y en las mayores has a diez ventanillas o respiraderos.

ПЯ

они носят волосы распущенными в знак соболезнования. Женшины точно так же постригают волосы надо лбом, делая из оставшихся волос что-то вроде валика и связывая их таким образом, чтобы они не свисали; если же случается какое-нибудь несчастье, они волосы не стригут и носят их распущенными. Маленьким детям, независимо от пола, прокалывают верхнюю губу под носовым хрящом, чтобы украсить ее разными камнями и засушенными косточками рыб и других животных. К оконечностям стрел они приспосабливают кости с несколькими концами, к которым прикрепляют очень острые камни. Помимо этого оружия, они используют деревянные копья под названием «Kujati». Несмотря на то, что леса на этом острове не встречаются, в подражание жителям Камчатки они строят свои юрты, или хижины, из разных видов дерева: лиственницы, сосны и других пород, которые море выбрасывает на берег. Разница лишь в том, что они не покрывают свои юрты таким количеством земли, как те, а на крыше поверх земли укладывают дерн, который меняют каждый год. В этих юртах они живут до тех пор, пока прогнившие жерди и провалившиеся крыши не возвестят об их неминуемой гибели.

Detrás o al lado de estas yurtas grandes hay por lo regular otras chiquitas que les sirven de cuatro retirado. No tienen estufas en sus yurtas. Cuando hace un frío extraordinario, encienden sucesivamente varios brazados de hierba seca y se calientan los pies y las piernas y recogen calor ahuecando el vestido. Hecho esto se acuestan encima de la hierba seca y se arropan con su vestido caliente pues otra ropa no es conocida no de moda en estos pueblos.

ПЯ

Юрты нередко достигают от пяти до десяти, пятнадцати и тридцати туазов в длину и, как правило, до четырех туазов в ширину. В высоту самые большие достигают от двух до трех туазов. В самых маленьких таких юртах насчитывается от двух до пяти, а в больших – до десяти окошечек, или отдушин. Позади или рядом с большими юртами обычно имеются маленькие, которые служат им отхожим местом. Печей в юртах у них нет. Когда наступают сильные холода, они жгут одну за другой охапки сухой травы, греют ступни и ноги и прогревают одежду. После этого они укладываются на сухую траву и закутываются в прогретую одежду, ибо другое платье у этих народов не в моде, да и неведомо им.

J. de Stalin

... де Штейлин

Переводной текст не должен терять даже толику информационных свойств, присущих исходному тексту, дабы не нарушить подлинности и достоверности, но при этом может включать дополнительные информационные компоненты, отсутствующие в оригинале.

Бесспорно, исторические тексты передают информационное воздействие. В некоторых документах автор стремится создать образ, который вызвал бы определенное настроение у читателя, прибегая к лексическим единицам или грамматическим конструкциям, которые способны породить соответствующие эмоциональные реакции и тем самым стимулировать когнитивно-образные процессы в сознании получателя текста. Эффект отсутствия личности переводчика в переводе исторических документов обеспечивает более правдоподобное

звучание текста. В данном виде перевода переводчик – не соавтор, а посредник в межъязыковом коммуникативном акте.

Следует признать, что перевод исторических документов представляет собой вид интеллектуальной деятельности, в процессе которой переводчик устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков, позволяющее создать иноязычный аналог текста, отражающий литературнокоммуникативные требования и языковые привычки, присущие обществу на определенном историческом этапе.

При переводе исторических документов переводчик прибегает к творческому преобразованию, используя все необходимые выразительные возможности переводящего языка, при этом здесь нет места мировоззрению переводчика, переводческой личности, индивидуальности.

Итак, можно сделать вывод о том, что перевод исторических документов относится ко всякому процессу перевода, в котором проводится обработка переводного текста в соответствии с нормами переводящего языка, но обладает при этом присущими только ему чертами: сохранение национального и временного колорита произведения, хронологическая адаптация текста и, как следствие, его искусственная архаизация.

Часто можно услышать, что мы переживаем эпоху духовного оскудения. В некоторой степени так оно и есть. Обращение к истории может служить спасательным кругом. Наша жизнь опирается на историческую память, которая может принести пользу будущему, не говоря уже о настоящем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 20–28.
- Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 304 с.

- *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2001. 424 с.
- Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 264 с.
- Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 464 с.
- Солнышкина М. И. Словарь морского языка / М-во образования и науки РФ. Казанский гос. ун-т. М.: Academia, 2005. 280 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
- *Nida Eu. A., Taber Ch. R.* The Theory and Practice of Translation. Boston: Brill Leiden, 2003. 218 c.
- Fowler R. Linguistic Cristicism. Oxford: Oxford University Press, 1986. 263 c.

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, СЛОВАРЕ, ДИСКУРСЕ

УДК 81'26

Л. С. Архипова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; ассистент каф. № 50 «Иностранные языки» Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»; e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ

(на материале ольстерского шотландского языка)

Автор рассматривает лексикографический аспект нормирования современных миноритарных языков и предпринимает попытку определить имеющиеся проблемы и пути их решения, предлагаемые нормализаторами. В качестве примера используются глоссарии и словари ольстерского шотландского языка - одного из семи официально признанных миноритарных языков Великобритании, возникшего на территории провинции Ольстер в начале XVII в. В статье представлена лексикографическая традиция данного миноритарного языка, начиная с XIX в., а также обозначены проблемы, связанные с разработкой принципов орфографии. До недавнего времени основное внимание исследователей уделялось так называемым ольстеризмам, т. е. лексическим единицам, не включенным в состав стандартного английского языка, что подтверждает анализ ранних глоссариев. Что касается составителей современных нормативных сочинений, их подход к выбору лексических единиц основывается на стремлении подчеркнуть своеобразие ольстерского шотландского языка, несмотря на наличие значительного количества лексем. встречающихся в других языковых идиомах, а также широкой распространенностью билингвизма среди его носителей. Однако небольшие объемы словников, слабая представленность или отсутствие целых пластов лексических единиц (главным образом, терминологии, отражающей научно-технический, экономический и общественно-политический прогресс) и неполнота лексико-семантических полей не позволяют использовать ольстерский шотландский язык для специальных нужд, препятствуют расширению сфер его функционирования и свидетельствуют о необходимости модернизации его лексического состава. Разработка орфографических норм ольстерского шотландского осложнена наличием нескольких сосуществующих орфографических традиций, возникших в результате специфики исторического развития языка. Носители языка, изначально ориентировавшиеся на шотландские принципы орфографии, со временем вынуждены были отказаться от них в пользу английского правописания. Это привело к тому, что в совокупности

с прерывистой письменной традицией и продолжительным исключением ольстерского шотландского языка из системы образования, данные орфограммы остаются неизвестными большинству современных носителей языка. Для решения данной проблемы в 2006 г. был учрежден Комитет по стандартизации орфографии, задачей которого и стала разработка новых компромиссных принципов правописания. Авторы глоссариев и словарей обращаются к английскому и шотландскому языкам на разных этапах их исторического развития с целью обоснования выбора принципов правописания и толкования лексических единиц. Однако, как показывает материал, они не всегда следуют предписаниям Комитета, избегая наиболее «экзотических» орфограмм, таким образом затрудняя принятие и распространение предложенных орфографических стандартов. Создание письменного стандарта ольстерского шотландского языка является приоритетной задачей в области его ревитализации и дальнейшего развития, поскольку именно наличие стандарта позволяет расширить диапазон социально значимых сфер функционирования языка, ввести его в систему преподавания, тем самым увеличив число его носителей и сохранив его для будущих поколений, а также укрепить его в статусе отдельного, самостоятельного языка и повысить его этнолингвистическую витальность. Хотя современные нормативные словари и глоссарии ольстерского шотландского языка не решают проблему расширения его функций, они, тем не менее, вносят заметный вклад в текущий процесс его стандартизации и способствуют формированию и развитию его лексикографической традиции.

Ключевые слова: миноритарные языки; ольстерский шотландский язык; нормирование языка; языковое планирование; лексикография.

L. S. Arkhipova

Ph.D. Student at the Department of General and Comparative Linguistics of Moscow State Linguistic University; assistant lecturer at the Department of Foreign Languages №50 of National Research Nuclear University «MEPhl»; e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

THE LEXICOGRAPHIC ASPECT OF NORMALIZATION OF MODERN MINORITY LANGUAGES (the case of Ulster Scots)

The author considers the lexicographic aspect of the normalization of modern minority languages and attempts to determine the existing problems and ways of their solution proposed by normalizers. As an example, glossaries and dictionaries of the Ulster Scots language (one of the seven officially recognized minority languages of Great Britain, which originated in the province of Ulster at the beginning of the XVIIth century) are used. The article presents the lexicographic tradition of this minority language since the XIXth century, as well as the problems associated with the development of its spelling principles. Until recently, the focus of researchers was on the so-called «ulsterisms», i.e. lexical units not included in Standard English. It is proved by the analysis of the early glossaries. As for the authors of modern

normative works, their approach to the choice of lexical units is based on the intention to emphasize the peculiarity of Ulster Scots despite the presence of a significant number of lexemes occurring in other idioms, as well as widespread bilingualism among its speakers. However, short vocabularies, insignificant representation or absence of certain layers of lexical units (mainly terminology reflecting scientific, technical, economic and socio-political progress) and the incompleteness of lexicosemantic fields do not allow using Ulster Scots for special needs, hinder the expansion of the spheres of its functioning and indicate the need to modernize its lexis. The development of the Ulster Scots spelling norms is complicated by the existence of several coexisting spelling traditions that have arisen as a result of the specifics of its historical development. Native speakers, who initially relied on Scottish spelling principles, eventually had to abandon them in favor of English spelling. This led to the fact that, in combination with the intermittent written tradition and prolonged exclusion of Ulster Scots from the education system, these spellings remain unknown to the majority of modern native speakers. To solve this problem, the Spelling Standardization Committee (2006) was established, whose task was to develop new compromise spelling principles. The authors of glossaries and dictionaries address the English and Scottish languages on different stages of their historical development to justify the choice of spelling principles and definitions of lexical units. However, as the material shows, they do not always follow the prescriptions of the Committee, avoiding the most «exotic» spellings, thus making it difficult to accept and disseminate the proposed orthographic standards. The development of a written standard for Ulster Scots is a priority task in the field of its revitalization and further development, since its presence allows expanding the range of socially significant areas of language functioning, introducing it into the education system, thereby increasing the number of its speakers and preserving it for future generations, and also strengthen its status of a separate, independent language and enhance its ethnolinguistic vitality. Although the current normative dictionaries and glossaries of Ulster Scots do not solve the problem of expanding its functions, they nevertheless make a significant contribution to the current process of its standardization and to the formation and development of its lexicographic tradition.

Key words: minority languages; Ulster Scots; language standardization; language planning; dictionary-making.

Ввеление

В последние десятилетия миноритарные языки привлекают пристальное внимание лингвистов как по политическим соображениям (см., например, [Трошина 2017]), так и с точки зрения осмысления опыта нормирования языков (иногда даже искусственного конструирования норм) в современных исторических условиях. Проблема нормирования языков хорошо исследована в историческом ракурсе [Германова 2014], но современные условия ставят перед нормализаторами

новые задачи. Осмысление опыта нормирования миноритарных языков вносит вклад как в теорию языковой нормы, так и в решение практических задач поддержки миноритарных языков. Наличие письменного стандарта позволяет поднять престиж языка, ввести его в систему преподавания, сохранить для будущих поколений и расширить число его функций [Челышева 2010, с. 53]. Поэтому кодификация языковых норм может сыграть решающую роль в процессе ревитализации и сохранения языка.

При разработке письменного стандарта особая роль отводится лексикографии. Прежде всего, словарь, выявляя лексические единицы, специфические для данного идиома, помогает отграничить его от генетически близких к нему языков. Кроме того, в рамках словарной традиции может также производиться модернизация миноритарного языка, т. е. разработка пластов лексики, необходимых для расширения сферы его употребления [Ferguson 1996]. Более того, словарь определяет орфографический облик языка и нередко также его орфоэпическую и даже грамматическую норму.

Задача исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать на примере словарей и глоссариев ольстерского шотландского языка те проблемы, с которыми сталкиваются нормализаторы миноритарного языка, и те решения, которые они предлагают.

В последние десятилетия ольстерский шотландский язык привлек внимание ряда англоязычных лингвистов [Macafee 1996; Montgomery 1999; Kirk 1999; Craith 2001; Stapleton, Wilson 2003; Eagle, Falconer 2004; Hickey 2011; Robinson 2013; Herbison, Robinson, Smyth 2013; Fenton 2014; Hanna 2015], но, за редким исключением [Германова 2015; Архипова 2017], он не получил освещения в отечественной лингвистике. На современном этапе своего развития ольстерский шотландский язык представляет собой «смесь» шотландского языка (скотс), диалектных вкраплений различного происхождения, местной ирландской речи и модифицированного варианта английского языка [Fenton 2014, с. 14] и обладает целым рядом особенностей, позволяющих отличить его от других родственных языков и языковых идиомов. В рамках классификации Ч. Фергюсона [Ferguson 1962], по объему использования письменности ольстерский шотландский попадает в категорию W1 (язык имеет письменность, используемую для обычных целей), а по степени стандартизации – в категорию St1 (хотя

в настоящее время он не имеет единой общепринятой нормы, были предприняты значительные попытки его стандартизации). Основной формой существования данного идиома была и до сих пор остается устная речь, что делает разработку письменного стандарта приоритетной задачей.

Исслелование

1. Лексикографическая традиция: определение границ словника

Р. Хики выделяет ряд проблем, оказывающих влияние на состояние лексикографической традиции. Прежде всего, особое внимание исследователей до последнего времени уделялось лексическим единицам, которые максимально отличают ольстерский шотландский от других языков Северной Ирландии, главным образом, от стандартного английского. Дополнительные трудности создает наличие в ольстерском шотландском значительного количества лексем, встречающихся и в других языках, а также билингвизм носителей языка. Более того, беспорядочный процесс создания лексических единиц, продиктованный практической необходимостью, лишает язык единства функциональных стилей [Hickey 2011, с. 305], что также препятствует повышению его статуса.

Дж. Фентон выделил в словарном составе современного ольстерского шотландского языка пять лексических групп: 1) исконно ольстерские шотландские слова, не включенные в состав стандартного английского (или исключенные из него); 2) слова, отличающиеся от стандартного английского по написанию и имеющие семантические особенности (например, глагол alloo (англ. to allow) имеет в ольстерском шотландском пять значений (to remark; to suggest, imply; to grant, concede; to reckon; to intend); 3) слова, сохранившие стандартную английскую орфографию и лексическое значение, но имеющие в ольстерском шотландском особенности в значении или употреблении (например, design в значении a very small amount, close в значении reticent; tight-lipped); 4) слова, отличающиеся от своих стандартных английских эквивалентов только орфографией; 5) слова, сохранившие стандартную английскую орфографию и лексическое значение [Fenton 2014, с. 320–325].

Для нашего исследования чрезвычайно важным является вопрос о принципах составления словника словарей ольстерского шотландского языка. Словник может либо включать в себя только единицы, отличающие данный идиом от других идиомов (т. е. применительно к нашему материалу – лексемы из групп 1–4), либо всю лексику, употребляемую носителями языка, даже если она совпадает с лексикой родственных языков. Как показывает наш материал, составители современных словарей и глоссариев, претендующих на нормативность, стремятся подчеркнуть своеобразие ольстерского шотландского языка и укрепить его статус в качестве самостоятельного миноритарного языка. Такой подход может способствовать переходу лексических единиц из пятой группы в четвертую.

Ранние глоссарии [Dugall 1824; Patterson 1880; Knowles 1892] включали собственно ольстеризмы, а также слова, отличающиеся от английских эквивалентов орфографией и / или семантикой, оставляя без внимания лексические единицы, относящиеся к пятой группе.

Поскольку основной формой существования ольстерского шотландского в течение долгого времени оставалась устная речь сельских жителей, многие лексические единицы, входящие в его состав, называют реалии сельского образа жизни и культуры [Montgomery 1999, с. 96]. Так, в словаре A Concise Ulster Dictionary (1996) под редакцией К. Макафи представлены 17 лексико-семантических полей, описывающих быт и образ жизни сельских жителей: пахота, сбор урожая, заготовка сена, рыбная ловля, животноводство и др. [Kirk 1999, с. 308]. Каждое из них, в свою очередь, делится на подкатегории, отражающие весь спектр традиционной жизни в Ольстере - социальной и личной, материальной и нематериальной [Kirk 1999, с. 313]. В словарь включена как терминологическая лексика, относящаяся к вышеупомянутым лексико-семантическим полям, так и просторечные лексические единицы. Однако в нем представлена лексика, находящаяся в употреблении на всей территории провинции Ольстер, включая те области, в которых ольстерский шотландский язык в значительной степени не распространен, поэтому относить словарь К. Макафи к словарям ольстерского шотландского языка представляется не вполне корректным.

В настоящее время составление нормативного словаря ольстерского шотландского остается актуальной проблемой. Одним из проектов

Академии ольстерских шотландцев является разработка полного двухтомного словаря ольстерского шотландского языка (The Complete Ulster-Scots Dictionary) на основе материалов, собранных Ольстерским шотландским языковым сообществом (Ulster-Scots Language Society): аудиозаписей интервью с носителями языка, глоссариев, оцифрованного корпуса аутентичных ольстерских шотландских текстов. На сайте Академии представлен фрагмент словаря, состоящий из 532 словарных статей лексических единиц, начинающихся на букву «А». Помимо общеупотребительной лексики, в словаре представлена лексика, относящаяся к области права и судопроизводства (abolish, accomplice, affidavit, affray, allege и др.), бизнеса (affiliate, allocate, amalgamate, association и др.), науки и образования (abscess, acid, artery, arthritis, atom, aluminium, academy, arithmetic и др.), религии (abbey, altar, amen, anointed и др.) и политики (annex, alliance, attorney, attrition и др.). Из них в Oxford Advanced Learner's Dictionary 54 лексические единицы отмечены как формальные (например, aberration, accrue, adjourn и др.), еще пять (ado, afire, arrant, asunder, aught) – как устаревшие или литературные. К собственно ольстеризмам относится 41 лексема (например, deval (abate), kerrant (adventure), tovey (aloof) и др.). Подавляющее большинство лексем принадлежат ко второй и четвертой группам по классификации Дж. Фентона, т. е. в большинстве случаев авторы словаря придерживаются выбора орфограмм, отличных от стандартного английского написания.

Изначально планировалось, что словарь будет включать в себя более 10 000 словарных статей и станет доступен для пользования в 2015 г., наряду с базой данных с расширенными возможностями поиска. Однако работа над словарем до сих пор не завершена.

Большой популярностью среди носителей языка, исследователей и лиц, интересующихся ольстерским шотландским языком, пользуется словарь Дж. Фентона *The Hamely Tongue. A Personal Record of Ulster-Scots in County Antrim* (первое издание — 1995 г.; последнее, расширенное, четвертое издание — 2014 г.). Словарь содержит перевод ольстерских шотландских слов на английский язык; дополнительные списки лексических единиц (в том числе имен собственных); образцы текстов, а также сведения о современном состоянии языка. В словарных статьях указаны различные варианты перевода лексических единиц, их частеречная принадлежность, и в некоторых случаях

предполагаемое происхождение, примеры употребления, принадлежность к функциональным стилям и коннотация. Данный словарь не позиционируется как нормативный и не преследует целей стандартизации языка, но фиксирует лексические единицы, употребляемые на территории графства Антрим (северо-восточная часть провинции Ольстер), начиная с 1930 г. В основном он включает в себя ольстеризмы, а также слова, имеющие особенности в семантике и / или употреблении в сравнении с английскими эквивалентами. Отдельным списком представлены лексемы, отличающиеся только орфографией и произношением, но не значением (1152 лексические единицы).

Под редакцией Ф. Робинсона был составлен современный глоссарий (English/Ulster-Scots Glossary. A Core Vocabulary Wordlist with Verb Tables, 2013), представляющий собой алфавитный список английских слов с переводом на ольстерский шотландский, дополненный таблицей глаголов и предназначенный, прежде всего, лицам, изучающим язык. Глоссарий включает 1173 словарные статьи, отражающие базовую часть английского вокабуляра, при этом формы некоторых глаголов (например, to be, to have, to keep, to grow и др.) и местоимений, а также множественное число отдельных имен существительных (например, cows, gentlemen, shoes, children и др.) представлены отдельными словарными статьями.

Почти треть глоссария составляют лексические единицы, полностью совпадающие по форме и (в некоторых случаях – практически полностью) по лексическому значению со своими английскими эквивалентами (279 лексических единиц), либо отличающиеся от них только наличием диакритических знаков или апострофа, используемых для передачи особенностей ольстерского шотландского произношения (подробнее см. [Herbison 2013]), например, ang'r, lang'age, bettèr, hïll, büll и др. (47 лексических единиц).

Число ольстеризмов составляет около 170 лексических единиц, например: ocht (англ. anything), thole (англ. endure), creesh (англ. fat), wee (англ. little), и они, как правило, указаны наряду с вариантами, имеющими отличную от английских эквивалентов орфографию (например, англ. anything — ocht, oniethin). Лишь немногие лексемы имеют единственный вариант перевода, представленный ольстеризмом, например, lug (англ. ear), lippen (англ. depend on), airt (англ. direction) и др. Для некоторых глаголов ольстерский шотландский эквивалент

представлен английским фразовым глаголом, имеющим синонимичное или близкое лексическое значение и орфографию, отличную от стандартной английской (например, to happen – cum aboot, to ease – let oot, to consist – (be) made up (o), to invent – cum up wi).

Оперирование представленными в глоссарии лексическими единицами является пригодным для коммуникации исключительно в бытовой сфере ввиду его небольшого объема, отсутствия терминологической лексики и неполноты лексико-семантических полей (например, в глоссарии приведены не все имена числительные, названия базовых цветов и термины родства).

Как показывает проведенный анализ, слабая представленность в словарях и глоссариях ольстерского шотландского языка значительных пластов лексики, в том числе терминологии, связанной с общественно-политическим, экономическим и научно-техническим прогрессом, свидетельствует о том, что на данном этапе словари ольстерского шотландского, несмотря на усилия Академии ольстерских шотландцев, не берут на себя роль модернизаторов его лексического состава.

2. Проблемы орфографии

При изучении лексикографической традиции следует помнить, что словарь не только определяет лексический состав языка, но и одновременно закрепляет его орфоэпические и орфографические нормы. Это особенно важно для тех языковых идиомов, статус которых в качестве самостоятельного языка еще не закреплен: орфография должна зримо подчеркнуть различия и сформировать представление о своеобразии, даже уникальности данного языка.

Несмотря на то, что ольстерский шотландский официально признан отдельным языком в рамках Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (ратифицирована Великобританией в 2001 г.), в научном сообществе и в среде носителей языка до сих пор ведутся споры по поводу его статуса.

Интересно отметить, что большинство современных носителей ольстерского шотландского языка никогда не встречали его письменную форму, поэтому при необходимости создания письменного текста на родном языке часто обращаются к правилам чтения и правописания, принятым в английском языке [Herbison 2013, с. 7]. Следовательно,

стандартизация орфографии является важнейшей частью программы развития ольстерского шотландского и условием дальнейшего расширения социально значимых сфер его функционирования (использование в образовании, официальных документах и др.).

Первоначально ольстерские шотландцы ориентировалась на шотландские принципы орфографии, однако со временем им пришлось от них отказаться в пользу английской орфографии. Так, в XVIII — начале XIX вв., при попытке восстановить статус ольстерского шотландского в качестве письменного языка для передачи звучания ольстерских шотландских слов широко использовалось английское правописание. Однако эти орфограммы по-прежнему остаются неизвестными большинству современных пользователей, поскольку ольстерский шотландский язык в течение долгого времени оставался вне системы образования [Herbison 2013, с. 6—7].

Разработка орфографических норм при наличии нескольких сосуществующих орфографических традиций значительно осложняет задачу нормализаторов. Э. Хауген отмечает, что в такой ситуации их усилия могут оказаться напрасными ввиду существующих в коллективе убеждений относительно норм устной и письменной речи, вступающих в противоречие с решениями нормализаторов [Хауген 1975, с. 457–458].

Эта неопределенность бросается в глаза даже при сравнении современных словарей ольстерского шотландского. Так, система правописания в словаре Дж. Фентона призвана отразить произношение, не прибегая к использованию специальных фонетических символов (с этой целью отдельные лексические единицы снабжены дополнительными комментариями) [Fenton 2014, с. 19]. Она незначительно отличается от системы, принятой некоторыми ольстерскими шотландскими писателями начала XX в., однако часть орфограмм противоречит исторически сложившимся, «этимологически "верным"» шотландским правилам орфографии [Herbison 2013, с. 43].

В отличие от словаря Дж. Фентона, орфография, представленная в глоссарии под редакцией Ф. Робинсона, согласована с Комитетом по стандартизации орфографии (Spelling Standardisation Committee, утвержден в 2006 г.) и опирается на справочник по орфографии и произношению под редакцией А. Хербисона, Ф. Робинсона и А. Смит (Spelling and Pronunciation Guide, 2013). Члены Комитета по

стандартизации орфографии принимали во внимание принципы правописания, сложившиеся в результате консенсуса между современными писателями и активистами на протяжении текущего периода возрождения языка (начиная с 1990 г.); орфограммы, используемые в опубликованных словарях и глоссариях ольстерского шотландского языка; принципы правописания, выработанные для шотландского языка (скотс); исторически сложившиеся варианты написания, встречающиеся в корпусе аутентичных текстов; новые написания, предложенные специалистами в области орфографии и активистами; орфограммы, обеспечивающие наиболее точную передачу особенностей ольстерского шотландского произношения [Herbison 2013, с. 8–9].

Одной из наиболее ярких особенностей орфографии ольстерского шотландского языка можно назвать заметное влияние старошотландских принципов орфографии. Авторы справочника выделяют следующие правила: 1) quh- вместо английского wh-: quhat (what), quhy (why), quhile (while)¹; 2) y вместо старошотландского z (йоуг) (с XIV в. z и z в печати передавались одинаково как z): yair (their), zour (your), zou (you)²; 3) -ie в конце слова после согласной вместо английской -y: citie (city), industrie (industry), bizzie (busy), safetie (safety); 4) -ye вместо английского -ay в конце слова: wye (way), pye (pay), stye (stay); 5) sh вместо английского s: $sh\ddot{u}gger$ (sugar), breesht (breast), shane (soon); sch вместо английского -sh-: schippe (ship), bischop (bishop)³; 6) взаимозаменяемость v, u и w: ower (over), sowl (soul); 7) потеря английского v или его замена на w: hae (have), hae (leave), hae (over), hae (silver), hae (swivel) [Herbison 2013, c. 1–6].

Авторы глоссариев, словарей и справочников часто обращаются к английскому и шотландскому языкам на разных этапах их исторического развития с целью обоснования своего выбора орфографии и толкования лексических единиц. По мнению Э. Хаугена, это позволяет создать нормы, которые выглядели бы прямыми потомками

 $^{^1}$ В глоссарии Ф. Робинсона слова с такой орфографией имеют пометку (lit.), т. е. они представляют собой старые формы, восстановленные для официальной речи или литературного использования.

 $^{^2}$ В глоссарии Ф. Робинсона и словаре Дж. Фентона данные орфографические варианты отсутствуют.

 $^{^3}$ Глоссарий Ф. Робинсона и словарь Дж. Фентона не предлагают подобных орфографических вариантов.

более древних языков, распространенных на заданной территории [Хауген 1975, с. 457]. Вместе с тем, как показал анализ, авторы словарей и глоссариев избегают наиболее «экзотических» вариантов, предлагаемых Комитетом по стандартизации орфографии.

Выводы

В целом, словари и глоссарии ольстерского шотландского языка вносят значительный вклад в процесс его стандартизации, позволяя за счет выработки орфографических правил создать письменную форму, пригодную для использования в общественно значимых сферах общения, что является предпосылкой роста этнолингвистической витальности миноритарного языка.

Однако необходимо отметить и некоторые достаточно типичные проблемы, затрудняющие процесс нормирования миноритарного языка. До последнего времени словари и глоссарии ольстерского шотландского были ближе к словарям диалектизмов и архаизмов. Способствуя отделению ольстерского шотландского от генетически близких идиомов, они не могли сыграть решающей роли в выработке языковых стандартов.

К формирующейся в настоящее время нормативной традиции можно отнести глоссарий под редакцией Ф. Робинсона English / Ulster-Scots Glossary. A Core Vocabulary Wordlist with Verb Tables и находящийся в стадии разработки The Complete Ulster-Scots Dictionary. Однако в этих претендующих на нормативный характер словарях обращает на себя внимание ограниченный объем словника. Хотя лексический состав ольстерского шотландского нуждается в дальнейшей модернизации для расширения социальных функций языка, существующие словари не решают этой проблемы.

Кроме того, сосуществование нескольких орфографических норм, используемых писателями и нормализаторами независимо друг от друга, затрудняют принятие носителями языка предложенных лексикографами орфографических стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова Л. С. Этнолингвистическая витальность миноритарных языков Европы (на материале ольстерского шотландского языка) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 227–238. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

- Германова Н. Н. Дискуссия социальных конструктивистов и примордиалистов и проблемы миноритарных языков Европы (на примере ольстерского шотландского языка) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 30–42.
- *Челышева И. И.* Миноритарные романские языки и проблема языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 53–59.
- Трошина Н. Н. О «Европейской хартии региональных языков, или Языков меньшинств» и немецком языке за пределами немецкоязычного региона [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 239–246. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf
- *Хауген* Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика. С. 441–472.
- *Craith M. N.* Cultural Diversity in Northern Ireland and the Good Friday Agreement // Working Papers in British-Irish Studies. 2001. No. 7. 27 p.
- Dugall G. Glossary of words in «The Northern Cottage and Other Poems». URL: www.ulsterscotsacademy.com/texts/historical-abstracts/1800-1899/dugall-glossary/index.php (дата обращения: 20.01.2018).
- *Eagle A., Falconer G.* Tha Boord o Ulstèr-Scotch: An English Name for a Scots Organization? // Ulster Folklife, 2004. Vol. 50. P. 99–109.
- Fenton J. The Hamely Tongue. A Personal Record of Ulster-Scots in County Antrim. Ullans Press, 2014. 366 p.
- Ferguson Ch. A. The language factor in national development // Anthropological Linguistics. 1962. № 4 (1). P. 23–27.
- Ferguson Ch. A. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994 / Th. Huebner (Ed.). Oxford–New York: Oxford University Press, 1996. 360 p.
- Hanna R. By our tongues united? Irish and Scots language contact in rural Ulster // Queen's Political Review. 2015. Vol. 3. № 2. P. 23–35.
- *Herbison I., Robinson P., Smyth A.* Ulster-Scots Spelling and Pronunciation Guide. Ullans Press, 2013. 58 p.
- *Hickey R.* Ulster Scots in Present-day Ireland // Researching the Languages of Ireland. 2011. P. 291–323.
- *Kirk J. M.* Does the United Kingdom Have a Language Policy? // Journal of Irish and Scottish Studies. Vol. 1.2. P. 205–222.
- Knowles W. J. 1892 Mid-Antrim Glossary. URL: www.ulsterscotsacademy.com/texts/historical-abstracts/1800-1899/mid-antrim-glossary-1892/index.php (дата обращения: 20.01.2018).
- *Macafee C.* A Concise Ulster Dictionary. Oxford University Press, 1996. 446 p.*Montgomery M. B.* The Position of Ulster Scots // Ulster Folklife. 1999. Vol. 45. P. 85–105.

- Patterson W. H. A Glossary of Words and Phrases used in Antrim and Down. URL: www.ulsterscotsacademy.com/texts/historical-abstracts/1800-1899/pattersons-glossary/index.php (дата обращения: 20.01.2018).
- *Robinson P.* English/Ulster-Scots Glossary. A Core Vocabulary Wordlist with Verb Tables. Ullans Press, 2013. 47 p.
- Stapleton K., Wilson J. A Discursive Approach to Cultural Identity: the Case of Ulster Scots // Belfast Working Papers in Language & Linguistics 16. 2003. P. 57–71.
- The Complete Ulster-Scots Dictionary. URL : www.ulsterscotsacademy.com/words/dictionary/index.php (дата обращения: 20.01.2018).

УДК 811.22

Д. Ю. Григорьев

адъюнкт Военного Университета МО РФ; e-mail: deniurich@amail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКА ДАРИ И РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена сопоставительному анализу особенностей глагольной лексики западноиранских языков, к числу которых относится язык дари, и русского языка, для выяснения универсального и специфического в системной организации глагольной лексики в сопоставляемых языках и установления ее межуровневых связей. Исследование проведено с целью аргументации положения о том. что контрастивное изучение «внешних» форм языка создает фактологическую базу для выявления внутренней формы языка, в которой реализуются национально специфичные способы создания и представления значений. В исследовании глагольной семантики русского языка значительное место принадлежит систематизации и классификации семантических группировок глаголов по признакам видовой принадлежности и способу глагольного действия, выраженных, как правило, способом аффиксации. В языке дари, напротив, специфика глагольной семантики широко выражается аналитическими способами, в частности, лексическими конструкциями, включающими несколько знаменательных и служебных слов. В статье приводятся примеры типовых моделей выражения начинательно-СТИ И DVCCKO-Дари СМЫСЛОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ. ПОКАЗЫВАЮЩИХ, ЧТО ВАРИАНТЫ ЗНАЧЕния. которые в русских глаголах являются компонентами лексической семантики глаголов в исходной форме, средствами языка дари передаются с участием дополнительных средств разного уровня, включая морфологические средства и синтаксические конструкции. В то же время среди глаголов языка дари выделяются классы, обладающие определенной семантической спецификой. Обозначения реальных глагольных действий в дари формируются в результате взаимодействия лексического значения глаголов, семантики грамматических форм и контекста. Особо подчеркивается методологическая важность сопоставления двух принципиально различных глагольных систем западноиранских и русского языков. Теоретической базой исследования служат работы ведущих российских авторов, посвященные рассмотрению вопросов глагольной лексики в западноиранских языках.

Ключевые слова: лингвокультура; внутренняя форма языка; глагол; семантика; глагольная семантика; грамматические средства; язык дари; русский язык; сопоставительное языкознание; классификация глаголов.

D. Yu. Grigoryev

Postgraduate student of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation; e-mail: denjurich@qmail.com

COMPARATIVE RESEARCH OF THE VERBAL SEMANTIC CHARACTERISTICS OF DARI AND RUSSIAN

The article contains a comparative study of the verbal lexicon characteristics of Western Iranian languages, including the Dari language, and the Russian language, in order to find out the universal and specific features in the systemic organization of the verbal lexicon in the compared languages and the way they establish inter-layer relationships. The study was undertaken with the aim of proving that the contrasting study of the "external" forms of language creates a factual basis for revealing the internal form of language in which nationally specific ways of creating and representing values are realized. In the study of the verbal semantics of the Russian language, a significant place belongs to the systematization and classification of the semantic groups of verbs according to the attributes of the species affiliation and to the method of verbal action expressed, as a rule, by the method of affixation. In the Dari language, on the contrary, the specificity of the verbal semantics is widely expressed in analytical ways, in particular, with lexical constructions that include several significant and auxiliary words. The article gives examples of typical models of expressing the beginnings and the Russian-Dari semantic correspondences showing that the variants of the meanings, which in the Russian verbs are the components of the verbs lexical semantics in the original form, are transmitted by means of the Dari language with the participation of additional means of different levels, including morphological means and syntactic structure. At the same time, among the verbs of the Dari language, classes are distinguished that have a certain semantic specificity. The designations of real verbal actions in Dari are formed as a result of the interaction of the lexical meaning of verbs, the semantics of grammatical forms and context. The methodological importance is particularly emphasized in comparing the two fundamentally different verbal systems of West Iranian and Russian languages, caused by the polar opposite of the organization of verbal systems of West Iranian and Russian languages. The theoretical base of the study is the works of leading Russian authors devoted to the examination of verbal lexicon issues in Western Iranian languages.

Key words: language culture; internal form; language; verb; semantics; verb semantics; grammatical means; language; Dari; Russian; comparative linguistics; verb classification.

Контрастивные исследования являются той необходимой базой, на которой строятся лингвокультурологические выводы, потому что «звуковая материя в результате "интенций сознания" становится звуковой – она специфически структурируется в соответствии с доминирующими способами формирования понятий» [Пищальникова 2014,

с. 126]. В сопоставительных исследованиях дари и русского языка отмечается небольшое количество общих свойств, поскольку структура русского и западноиранских языков коренным образом различается. Будучи языком синтетического строя, русский язык использует в качестве господствующего способа словоизменения и словообразования аффиксацию; в языке дари закономерно использование в качестве грамматического форманта исходно знаменательного слова, утратившего основное лексическое значение [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982].

Особенно ярко это отличие проявляется в глагольной системе дари, где основную массу глагольной лексики составляют так называемые сложные глаголы, в которых в качестве словообразовательного компонента выступает исходно знаменательное слово в соответствующей служебной функции [Островский 1997] или для выражения определенных значений, характеризующих глагольное действие, - лексические конструкции, включающие несколько знаменательных и служебных слов, например типовые модели выражения начинательности: (1) gatâr harakat kard, (2) gatâr ba harakat dar âmad, (3) gatâr ba harakat oftâd / noeзд noexaл; (4) bâd wazidan gereft / noдул ветер. (1) включает три исходно знаменательных слова, из которых последнее потеряло свой знаменательный статус, став компонирующим глаголом в составе сложного; (2), (3) включают по три знаменательных слова и по одному предлогу; в (4) в сочетании трех исходно знаменательных слов последнее уже приблизилось к статусу грамматического форманта. Примеры демонстрируют закономерность: русской синтетической словоформе соответствует в дари семантически единое сочетание из нескольких лексических единиц: по В. фон Гумбольдту, язык как специфическая деятельность человека может осуществляться в одном направлении, но по разным путям или формам [Гумбольдт 1984]. Последнее подтверждается тем, что семантическая неразложимость таких лексических сочетаний в дари неочевидна; часто подобные конструкции переводятся как свободные словосочетания.

И тогда актуализируется лингвокультурологическая проблема смысловой точности и соответствия стилистическим нормам другого языка. Специфика лингвокультуры дари заключается в том, что отсутствие сколько-нибудь детальной семантической дифференциации глаголов на уровне исходных форм приводит к обязательному

использованию средств других языковых уровней — морфологического и синтаксического, других частей речи, например наречиям и предложно-именным сочетаниям, выполняющим в предложении роль обстоятельств образа действия. Это так называемые конкретизаторы [Барышников 1977]. Кроме того, в репрезентации внутренних свойств глагольных действий широко используются компоненты грамматического значения видовременных форм глагола. В результате этого каждое действие, обозначаемое глаголом-сказуемым, как и в русском языке, приобретает все необходимые признаки.

В то же время среди глаголов языка дари выделяются классы, обладающие определенной семантической спецификой и потому активнее других участвующие в формировании внутренних свойств действий, обозначаемых глаголами-сказуемыми.

Для контрастивных исследований актуальна и еще одна особенность языка дари. В исследованиях глагольной семантики русского языка значительное место принадлежит систематизации и классификации семантических группировок глаголов по виду и способу глагольного действия. А в формальной структуре глагола языка дари никак не отражены ни видовые значения, ни те, которые относятся к области способов глагольного действия. Например, в целях объяснения семантики перфектных форм русского языка выделяют семантические группировки глаголов состояния. Но в дари значение состояния для всех условно относящихся к этому классу глаголов представляется лишь одним из многих его функциональных вариантов, в реализации которого принимают участие другие языковые средства. Например, глагол nešastan является единственным словом, используемым для передачи значения русских глаголов садиться, сесть, присесть, посидеть, досидеть, пересидеть, насидеться и т.п. Кроме того, nešastan является единственным средством для обозначения в дари субстантивного понятия «сидение».

Выделенные закономерности во многом определяют и характер научной систематизации семантических группировок глаголов в целях морфологического анализа [Киселева 1985]: глагольная лексика языка дари на уровне исходных форм отличается крайне слабой семантической дифференциацией, что особенно очевидно при сопоставлении с русским языком. Глаголы русского языка характеризуются конкретностью семантики, которая детерминируется взаимодействием

вещественной семантики корня и грамматическим значением входящих в словоформу аффиксов. В дари же аффиксация для выражения видовых значений и способов глагольного действия не используется вообще.

Контрастивное исследование «внешних» форм языка создает фактологическую базу для изучения внутренней формы языка, в которой реализуются национально специфичные способы создания и представления понятий. Каждый язык — это своеобразная форма порождения и сообщения идей, принцип представления мысли в языке [Гумбольдт 1984], и этот принцип, фиксированный во внешней форме, помогает представить как специфику лингвокультуры, так и ее универсальные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Барышников А. Ф.* Лексикология и фразеология языка дари : курс лекций. М. : Изд-во Военного краснознаменного института, 1977. 235 с.
- *Гумбольдт В. фон.* Избранные работы по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Ефимов В. А., Расторгуева В.С., Шарова Е. Н. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982. С. 5–230.
- $\mathit{Киселева}\ \mathit{Л}.\ \mathit{H}.\ \mathsf{Язык}\ \mathsf{дари}\ \mathsf{Афганистана}.\ \mathsf{M}.$: Наука, 1985. С. 91–92.
- Островский Б. Я. Вспомогательные глаголы в языке дари // Исследования по иранской филологии. М., 1997. Вып. 1. С. 100–103.
- Пищальникова В. А. Внутренняя форма языка как фундаментальная лингвистическая категория // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 5 (691): Язык. Коммуникация. Дискурс. С. 120–138.

УДК 81'11

Т. Фаррух Джахангирли гызы

преподаватель каф. иностранных языков Западного университета, Азербайджан, Баку; e-mail: a-yashar@rambler.ru

МЕТАФОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «FAMILY / AILƏ» (на материале английского и азербайджанского языков)

Данная статья посвящена анализу репрезентации концепта «family» в английском и азербайджанском языках. В ней рассматриваются взаимосвязи между репрезентантами, отражающие концептуализации концепта «family» в изучаемых лингвокультурах. Анализ языкового материала показывает, что языковые единицы, образовавшиеся в процессе метафорического переноса, обладают набором стабильных признаков вне зависимости от типа социальной картины мира, к которой они относятся. Также выделены общие признаки концепта, характеризующие его как универсальный концепт, и признаки, указывающие на существенные различия в языковой картине сопоставляемых лингвосоциумов.

Ключевые слова: концепт; лингвокультурология; когниция; концептуализация; метафора; содержание концепта; структура концепта.

T. F. Dzhahangirli gizi

Post-graduate student of the Department of General Linguistics of the Azerbaijan University of Languages Western Ubiversity, Azerbaijan, Baku; e-mail: a-vashar@rambler.ru

METAPHORIZATION OF "FAMILY/AILƏ" CONCEPT (on the material of the English and Azerbaijani languages)

The article analyses the "family" concept in the English and Azerbaijani languages. Moreover, in the article, mutual relations between various means of conceptualisation of the "family" concept in the investigated lingvo-cultures are studied. The analysis of the language material shows that the llinguistic units that emerged in the process of metaphorization possess stable properties that do not depend upon the social view of the world. Besides, its features as a universal concept, and the specific features that point out the crucial differences between the language views of the compared lingvo-cultures are distinguished.

Key words: concept; linguoculturology; cognition; conceptualization; metaphor; concept content; concept structure.

Одним из ведущих исследований в современной лингвистике является исследование концептов. Будучи центральным понятием когнитивной лингвистики, он активно используется лингвистами и когнитологами. Когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях

свидетельствует о том, что путь «от языка к концепту» является наиболее надежным, и анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективым способом выявить признаки концептов. Это объясняется тем, что лингвокогнитивный подход определяет концепт как некое мыслительное объединение в сознании человека, способное аккумулировать информацию коммуникативного и прагматического плана об окружающей действительности и моделироваться в наглядночувственные структуры — образы, представления, понятия, схемы, картины, сценарии. Понятие концепта, пришедшее из когнитологии, оказалось важным и нужным для изучения языка и стало базовым понятием когнитивной лингвистики. На основе концептов формируется семантическое пространство конкретного языка, по которому можно судить о структурах знаний в их конкретно-национальном преломлении [Никишина 2002, с. 5].

Концептуальная картина мира отражается в языковой картине мира, культурные аспекты концептуальной картины мира раскрываются и исследуются с помощью семантического анализа языковых единиц. Язык является важнейшей частью сознания индивида, способствуя реализации личности в некоторой коллективной общности, объединенной различными культурными, социальными и мировоззренческими установками. В когнитивных исследованиях концепт определяют как ментальную единицу элемент сознания. Другими словами, человеческое сознание выступает как посредник между реальным миром и языком. Исходя из этих представлений, Г. Г. Слышкин определяет концепт как «ментальное образование, сформировавшееся на базе понятийно-ценностного признака и содержащее образную и поведенческую составляющие» [Слышкин 2004, с. 35].

В сознание носителей языка поступает культурная информация, где она фильтруется, перерабатывается, систематизируется: «Концепты образуют своеобразный слой, выступающий посредником между человеком и миром» [Арутюнова 1993, с. 3]. Ю. С. Степанов справедливо описывает концепт как «сгусток культуры в сознании человека то, посредством чего человек ... сам входит в культуру» [Степанов 1997, с. 40]. Следует согласиться также и с тем, что концепт «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом» [Лихачев 1999, с. 154]. В. В. Колесов считает, что «концепт есть

исходный смысл, не обретший формы; это сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных — образе и символе, и в структурной — в понятии» [Колесов 2004, с. 23]. Концепт как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 90], находит выражение в языковых знаках и благодаря этой способности становится объектом изучения в когнитивных исследованиях.

Концепт существует в коллективном сознании и опредмечивается в той или иной языковой форме. В данной статье мы отталкиваемся от следующего понимания термина «концепт»: концепт — это ментальное образование, включающее представления человека о себе, предметах, явлениях в окружающем мире, имеющих ценность в менталитете изучаемого языка.

Каждый лингвосоциум обладает собственной языковой картиной мира, в которой отражается его общепринятый уклад, культурное своеобразие. Поэтому изучение концепта «family» как фрагмента языковой картины мира в разноязычных культурах имеет особое значение. В языковой картине мира каждого индивида концепт «family» является одним из доминантных узлов концептосферы. К средствам репрезентации этого концепта традиционно относятся варианты выражения языкового позитива: экспрессивная лексика с положительной коннотацией, фразеологизмы, афоризмы и фигуры речи. Будучи важной составляющей национального самосознания, семья является микромиром, модель которого определяется и формируется обществом и культурой. Она как социальный институт адекватно отражает прогресс культуры, своей разносторонней деятельностью содействует ему.

Выделяя во фреймовой модели концепта «family» четыре «терминала»: нуклеарная семья (отношения родители – дети внутри семьи), патриархальная семья (кровные родственные связи), родство по супружеству, клан (родственные отношения внутри клана), М. А. Терпак приходит к выводу, что «...в британском обществе понятие семья связано с понятием глубокой нравственности, социальной стабильности и покоя, чего-то близкого и очень личного [Терпак 2006, с. 57]. По определению автора, национально обусловленными чертами концепта

«family» в английской лингвокультуре являются замкнутость чувств и пространства. Им выделяется также внешне сдержанные отношения между родителями и детьми, неравенство по отношению к детям разного пола и подчеркивается, что эмотивная сфера концепта в целом положительная [там же, с. 61].

Замкнутое пространство семьи — центр мироздания также и в азербайджанской культуре. Закрытость и защищенность внутрисемейных отношений в менталитете обеих лингвосоциумов выражается восприятием жилища как осажденной крепости: *My house is my castle*. В азербайджанском языке существует идентичная пословица *Mənim evimmənim qalamdır* (*Mой дом — моя крепосты*). В английском языке связь «home» «ev» — «дом» и «family» «ailə» — «семья» встречается также в пословицах: *East or West home is best. There is no place like home*. В азербайджанском языке первое значение слова «семья» — это группа родственников, живущих вместе. Другим значением является переносное значение «группа пчел, собравшаяся в одном улье». В азербайджанском лингвосоциуме понятие «семья» обозначается также словом *осаq (костер, печь)*. В тюркской лингвокультуре концепт «осаq» тесно связан с такими понятиями, как «жилище», «семья», «род».

Следует сказать, что лексические единицы, обозначающие внутрисемейные отношения, метафоричны. В статье языковым материалом исследования послужили метафорические выражения, десигнирующие понятие «семья», т. е. там, где концепт «family» переходит из категории темы в категорию образа. Один из основных аспектов — это понимание семьи через набор переносов, характеризующих родственные связи и внутрисемейные отношения в англоязычной культуре, например:

```
a chip off the old block – bizim nəslə çəkib;

to foul one's own – evin sirrini yaymaq;

blue-blooded – aristokrat, "qanı qırmızı", məhdud sosial qrupa aid olmaq;

a prince / princess of the blood – şahzadə, əsilzadə qanı;

one's own flesh and blood – qanıqanından, canı canından olmaq;

as the tree, so the firait – alma almaya bənzər;

ones cabbed sheep is enough to spoil a flock – hər gözəlin bir eybi yar.
```

В зависимости от того, какой признак ложится в основу метафорического переноса, семья рассматривается в своих различных

аспектах. Большинство английских примеров не несет в себе возвышенность чувств по отношению к созданию семьи, что отражено в таких словосочетаниях, как:

```
to enter the bonds – özünü ailə tellərilə bağlamaq;
to plight – özünü öz vədiilə bağlamaq;
to cast / throw in – özünün hər hansı bir duruma giriftar etmək;
to set one's capat – evlənmək, əl-qolunu bağlamaq;
to hang up one's hat – evlənmək və arvadın evində yaşamaq, arzuolunmaz
qonaq olmaq, şəxsi azadlığının məhddudlaşdırılması.
```

Однако наряду с этими выражениями существуют и такие, как:

to come to a quiet harbor / to come to anchor — sakit limanda lövbər salmaq; to follow the voice of the turtle dove — ürəyinin səsinə qulaq asmaq, evlənmək; to become one, the turn of the tide — evlənmək həyatında ciddi dönüş etmək.

Все эти словосочетания с помощью своей образной основы, сосредоточенной в выражениях a quiet harbour, the turtle dove (qumru), the tide (yüksəliş), трактуют создание семьи как обретение социальной стабильности и покоя.

В английской лингвокультуре существуют метафоры, идиоматические и метафорические выражения, а также фразеологизмы, в которых концепт «family» является темой:

to come to a quiet harbor; to come to anchor; to follow the voice of the turtle dove; to become one; to plight one's troth; to lead to the altar; to join two in marriage / to join in matrimony; the turn of the tide; to jump over the broomstick; to set one's cap at; to hang up one's hat.

В азербайджанской лингвокультуре существуют метафоры, идиоматические и метафорические выражения, а также фразеологизмы, в которых концепт «семья» является темой:

```
ailə qurmaq — строить семью;
yuva qurmaq — свить гнездышко;
qəlbləri qovuşdurmaq — соединить сердца;
taleyinin kiminləsə qovuşdurmaq — связать судьбу с кем-л.;
nigah tellərilə ozünü bağlamaq — связать узами брака;
yolunda canını fəda etmək — вести к алтарю;
```

ərə getmək, evlənmək – вести под венец; ailə limanında lövbər atmaq – бросить якорь в семейной бухте; evlənmək təklif etmək – предложить руку и сердце.

Интересно раскрывается национальное понимание института семьи в англоязычной культуре через пословицы, содержащие понятие «marriage» / «nigah» («брак»):

- marriage comes by destiny alnına yazıldığı kimi evlənmək və ya ərə getmək (женишься / выходишь замуж так, как на роду написано);
- marriage makes or mars a man evlilik insan həyatında aparıcı rol oynayır (женитьба играет решающую роль в жизни человека);
- marriage are made in heaven nikahlar səmada bağlanır (*браки заключают-ся на небесах*);
- defile (violate) the marriage-bed ailə sədaqətinə хәуапәt etmək (*нарушить супружескую верность*).

В языковых единицах, составляющих концепт «семья», аккумулированы важнейшие понятия материальной и духовной культуры, которые транслируются в языковом воплощении от поколения к поколению и в конечном счете составляют фрагмент картины мира. Несмотря на универсальность понятия «семья», сформированные на основе данного концепта языковые значения обладают определенной спецификой в английском и азербайджанском языках, что обусловлено особенностями мировидения представителей англоязычной и азербайджанской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Никишина Ю. И. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, И. А. Изотов. Вып. 21. М. : МАКС Пресс, 2002, С. 5–7.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронеж. гос. ун-та. 2004. № 1. С. 29–34. (Сер. Лингвистика межкультурная коммуникация.)
- *Арутюнова Н. Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1993. С. 3–6.
- Ственанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества / РАН; Ин-т рус. лит. СПб. : БЛИЦ, 1999. С. 147–165.

- Колесов В. В. Философия русского слова. СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. 240 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 248 с.
- Терпак М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.

УДК 811.111

Л. В. Ивина

кандидат филологических наук, доцент каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: ivins@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье, посвященной особенностям номинации зооморфных метафорических терминов инвестиционной деятельности, с позиций когнитологии проанализирован потенциал зоонимов для номинации концептов исследуемой терминосистемы, а также системообразующая роль зооморфизмов и их основные концептуальные модели. Зооморфные метафоры широко распространены в инвестиционной терминологии и формируют систему концептуальных отношений в рассматриваемой терминологической системе. В статье исследуется корпус из 111 зооморфных терминологических единиц, сформированный методом сплошной выборки из финансового словаря, представленного на электронном ресурсе Investopedia. В работе делается важный вывод о том, что однословные зооморфные метафорические единицы номинируют опорные концепты инвестиционной терминологии и являются ядрами терминологических гнезд. В статье подчеркивается, что зооморфные метафоры выделяют, описывают и номинируют концепты специальной предметной сферы, выводя в фокус номинации разные аспекты характерного поведения и внешнего вида животных. Заслуживает внимания тот факт, что внешнее сходство структуры зооморфных метафорических терминов не является достаточным основанием для признания идентичности их концептуальной модели. Взятая за основу концептуальные модель подвергается определенной модификации, а ее языковая репрезентация определяется сложным набором факторов. Исследование показало, что антонимические отношения в изучаемой терминологии можно считать системообразующими.

Ключевые слова: зооморфизм; зооморфная метафора; зооморфный термин; концепт; метафора; термин; терминология; терминосистема; терминология инвестиционной деятельности.

L. V. Ivina

Ph.D., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, MSLU; e-mail: ivins@mail.ru

COGNITIVE FOUNDATIONS OF ZOOMORPHIC METAPHORS IN ENGLISH INVESTMENT TERMINOLOGY

The article focuses on nomination patterns of zoomorphic metaphorical terms in English investment terminology. The study develops a cognitive approach to the nomination capacity of zoonimes in the chosen terminology along with the system

forming role of zoomorphemes and their main conceptual patterns. Zoomorphic metaphors are pervasive in investment terminology. They form a network of conceptual relations in the terminological system under analysis. The article explores 111 zoomorphic metaphors selected from the Investopedia dictionary using the purposive sampling method. A major conclusion is that one-word zoomorphic metaphors nominate overarching concepts of investment terminology and give rise to terminological word families. The article highlights that zoomorphic metaphors identify, name and describe concepts in the specialized domain bringing into focus different aspects of typical animal behavior patterns and habitus. It is noteworthy that structural similarity of zoomorphic metaphorical terms does not guarantee the identity of their conceptual models. The conceptual metaphors employed in investment terminology undergo certain modifications while their language representation is determined by a complex set of factors. The study reveals that antonymic relations in the explored terminology are systemically important.

Key words: concept; investment terminology; metaphor; term; terminology; terminological system; zoomorphic metaphor; zoomorphic term; zoomorphism;

Метафорическая номинация в терминообразовании широко распространена во многих языках, поскольку позволяет не только более рельефно и наглядно репрезентировать концепт, но и придать ему вполне определенную коннотацию.

Цель данного исследования — выявление когнитивных оснований, определяющих номинацию зооморфных терминологических единиц, обслуживающих такую сферу деятельности, как инвестиционный бизнес.

В работе к зоонимам мы относили лексические единицы, являющиеся прямыми наименованиями животных [Телия 1988], а под зооморфизмами понимали метафорически переосмысленные зоонимы, номинирующие субъекты, объекты, инструменты, а также процессы, являющиеся неотъемлемой частью инвестиционной деятельности.

Объектом исследования стал корпус из 111 зооморфных терминологических единиц, сформированный методом сплошной выборки из электронного ресурса *Investopedia*, на котором представлены наиболее частотные термины, используемые в процессе инвестиционной деятельности. При этом основным критерием включения единиц в выборку стало наличие в их структуре зоосемического компонента.

Приступая к исследованию, мы исходили из того, что одним из способов отражения знаний об окружающем мире является ассоциативное сближение сегментов определенных семантических сфер. В частности, по мнению некоторых авторов, в основе использования зоонимов для номинации инвесторов и инвестиционных процессов

лежит попытка определенной классификации людей и процессов, вовлеченных в инвестиционную деятельность, а также стремление упростить сложные для понимания процессы функционирования и взаимодействия субъектов и объектов инвестиционной деятельности [Charteris-Black 2000, с. 163].

В то же время использование мира животных в качестве источника для номинации субъектов, объектов и процессов инвестиционной деятельности открывает широкие возможности для ословливания новых понятий, что чрезвычайно важно, принимая во внимание те многоступенчатые связи, которые существуют между отдельными концептами, группами концептов, а также внутри данной концептуальной парадигмы.

Порождение зоометафор на современном этапе происходит преимущественно в медиапространстве, в том числе в блогах. Как отмечает А. В. Куковская, в блогах порождаются не только языковые единицы и смыслы, но и когнитивные элементы и концептуальные структуры, объективирующиеся в языковых выражениях [Куковская 2016, с. 20].

Проведенный анализ показал, что единицы, включенные нами в выборку, номинируют разные по объему и содержанию концепты. При этом было установлено, что однословные термины номинируют концепты, находящиеся на более высокой ступени иерархии, в то время как производные, сложные термины, а также терминологические номинативные комплексы ословливают концепты более низкого уровня.

В изучаемом корпусе зооморфных терминов 18 % оказались однословными единицами и номинировали опорные концепты инвестиционной деятельности, которые по общности концептуальной структуры могут быть разделены на две группы: единицы, номинирующие субъекты, и единицы, номинирующие объекты инвестиционной деятельности.

Проведенный анализ концептуальной структуры опорных единиц позволил установить, что к субъектам инвестиционной деятельности относятся индивидуальные инвесторы (bull, bear, stag, ostrich, pig, sheep, lemming) и институциональные инвесторы, или компании (elephant, gorilla, dog, gazelle), которые вкладывают средства в такие объекты инвестиций, как ценные бумаги (kangaroo, spiders), валюты (loonie, kiwi), облигации. Тем самым актуализируются такие

концептуальные метафоры, как ANIMALS ARE INVESTORS и их подвиды ANIMALS ARE INDIVIDUAL INVESTORS и ANIMALS ARE INSTITUTIONAL INVESTORS при номинации субъектов инвестирования, а также ANIMALS ARE SECURITIES и ANIMALS ARE CURRENCIES при номинации объектов инвестирования.

Одновременно многие из однословных зооморфных терминов не только номинируют опорные концепты, но и являются ядром терминологических гнезд, объединяющих единицы, которые вербализуют концепты более низкого уровня (bear market, bear market rally, dollar bear market, hour of bear). В частности, более половины исследуемых единиц (61) группируются вокруг девяти гнездообразующих терминовдоминант, причем наиболее многочисленные гнезда образуются вокруг таких единиц, как bull (14), bear (10), tiger (8) и butterfly (8).

Однако следует отметить, что гнездообразующий потенциал терминов, номинирующих опорные концепты инвестиционной деятельности, имеет разные когнитивные основания. Так, в случае с единицами bull и bear высокая продуктивность связана, по-видимому, в первую очередь с содержанием номинируемых ими концептов: именно быки и медведи определяют движение рынка, непосредственно влияя как на других субъектов инвестиционной деятельности, так и на объекты (в частности, их цену) и процессы деятельности. Кроме того, именно эти зоометафоры имеют самую долгую историю функционирования в терминологии инвестиционной деятельности: первые упоминания о них зарегистрированы почти три столетия назад, практически с момента начала биржевых торгов. Не удивительно, что за столь длительный период данные единицы неоднократно привлекались для номинации как новых концептов, так и для уточнения уже существующих.

Например, термин bull spread используется для номинации опционной стратегии, при которой максимальная прибыль извлекается при росте цены базового актива. Данная стратегия, как и практически все остальные (condor spread, butterfly spread) появились по мере развития фондового рынка и совершенствования стратегий биржевой игры.

Заслуживает внимания и способность концептуальных структур к фокусировке, которая представляет собой концептуальную проекцию интенции говорящего [Порохницкая 2014]. Действительно,

проведенный анализ указывает на разный фокус номинации в терминологических словосочетаниях с одним и тем же зооморфным компонентом.

Например, единица bear trap (медвежья ловушка) номинирует фальшивый сигнал поворота растущего рынка, в результате которого трейдеры размещают короткие позиции, ожидая падения. В фокусе номинации в данном случае попытка завлечь инвесторов в заведомо невыгодную ситуацию, вербализуемая с помощью единицы trap, а зооморфизм bear указывает на направление движение рынка вниз.

Однако при номинации единицы bear hug (медвежьи объятья, медвежья хватка) реализованы другие когнитивные основания: единица bear теряет свою связь с концептом «падающий рынок», а в фокус выводятся сила медведя и невозможность жертвы вырваться. Именно такой фокус номинации предопределяет концептуальное содержание единицы bear hug, используемой для номинации предложения о покупке акций, от которого невозможно отказаться.

Зооморфные метафоры широко используются и для номинации объектов инвестиционной деятельности. Например, термин «turkey» (индейка) номинирует коммерческие сделки, оказавшиеся неудачными из-за того, что после покупки акций и облигаций они резко упали в цене. В фокус номинации в данном случае выводится тенденция резкого повышения цен на эту птицу перед Рождеством и последующего их понижения.

Как известно, классификация объектов, субъектов и процессов любой деятельности обычно основывается на выявлении как сходства, так и различия между ними путем установления их существенных признаков. Исходя из этого, формирование терминологии можно также рассматривать как попытку систематизации существующих концептов путем их номинации. В таком случае в фокусе номинации не всегда оказываются самые существенные признаки номинируемых концептов, а лишь те из них, которые представляются наиболее яркими или же просто удобными для номинации того или иного концепта.

Любая терминология представляет собой сложную систему, между единицами которой складываются разнообразные связи и отношения. Поскольку известно, что важную роль в систематизации играет выявление дифференцирующих признаков, изучение когнитивных оснований формирования антонимичных пар в рамках терминологии

позволяет пролить свет как на некоторые механизмы актуализации концептов инвестиционной деятельности, так и на способы концептуализации действительности. Например, есть игроки, зарабатывающие на падении рынка, а есть те, кто извлекают выгоду из его роста. Для их номинации были выбраны именно медведь (bear) и бык (bull). По мнению большинства исследователей, в фокусе номинации была манера атаковать, присущая данным животным: бык поднимает жертву на рога, а медведь подминает ее под себя.

Помимо антагонистов быка и медведя при попытке классификации биржевых игроков появился и несколько неожиданный термин «stag» (олень). Изначально данная единица использовалась для номинации спекулянтов акциями новых выпусков, скупающих ценные бумаги до или сразу после эмиссии в ожидании их роста для последующей продажи. По-видимому, в данном акте номинации актуализируется такой характерный признак избранного для метафорического переосмысления животного, как его рога, которые при атаке (при биржевой игре) способны приподнять предмет (акции) над землей (поскольку спекулянты этого рода скупают акции лишь с целью взвинчивания цен для дальнейшей перепродажи).

Безусловно, прослеживается определенная общность и различие когнитивных оснований, определяющих метафорическое переосмысление единиц *bull* и *stag*: оба имеют рога и способны на них что-то поднять. Однако, в отличие от «быка», представляющего более грозную силу, способную снести все на своем пути, «олень» может решать лишь конкретные локальные, а потому ограниченные по своему масштабу задачи, а его поведение более предсказуемо, хотя и не до конца прогнозируемо.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в последнее время произошло определенное расширение значения термина *stag*: теперь это любой спекулянт, стремящийся заработать на коротких позициях при минимальном колебании цены, причем он может вступать в игру при любом движении рынка. Очевидно, что этот пример является иллюстрацией идеи о том, что изменение концептуального представления о субъектах инвестирования по мере расширения опыта обязательно влияет на содержание концепта.

Несомненный интерес для изучения представляют когнитивные основания антонимии как одной из реализаций парадигматических

отношений. Например, такая антонимичная пара зооморфных терминов, как «chicken» и «рід», номинирует противоположные типы инвесторов в зависимости от их отношения к риску. Объединяет эти термины яркая, но по-разному выраженная негативная коннотация. Так, в термине «chicken» внимание сконцентрировано на номинации трусости, т. е. излишней осторожности инвестора, не позволяющей надеяться на получение сколько-нибудь высокой прибыли. В отличие от этого, тип инвестора, номинированный с помощью единицы *рід*, напротив, указывает на неоправданно высокую склонность к риску, мотивированную, как подсказывает выбор единицы для метафорического переноса, жадностью и всеядностью.

Термины «chicken» и «pig» интересны еще и в том отношении, что их метафорическое переосмысление происходит в общелитературном языке, а в терминологию инвестиционной деятельности заимствована уже готовая концептуальная модель, подвергающаяся лишь относительной модификации с целью номинации возникших концептов.

Заимствование концептуальной модели лежит в основе появления такой антонимической пары, как dove-hawk, в которой в фокус номинации выводится поведение животных-референтов. Например, выбор голубя в качестве антонима выглядит несколько неожиданно, учитывая довольно агрессивное поведение, присущее этим птицам в борьбе за пищу или место обитания. Однако при более глубоком когнитивном анализе выбор именно этой единицы становится более понятным, если учесть, что он, в том числе, базируется и на глубоких ассоциативных связях, подкрепленных зрительным образом белого голубя с веткой оливы, ставшим знаменитой эмблемой мира, предложенной П. Пикассо. В таких бинарных единицах, как $deficit\ hawk$, $inflation\ hawk$, помимо поведенческих особенностей, на первый план выходит острое зрение, позволяющее отследить малейшие признаки негативности тренда.

Наряду с относительно простыми терминами—метафорами, в изученном корпусе терминов были обнаружены и единицы, имеющие более сложную структуру. В частности, облигации, являющиеся важнейшим объектом инвестиций, номинированы как минимум бинарными терминологическими единицами (bulldog bond, kangaroo bond, kiwi bond, dragon bond) и образованы по аналогии, что указывает на существование в основе данной когнитивной модели нескольких взаимодействующих признаков. При этом формирование данных зооморфных терминов происходит за счет заимствования не непосредственно из зоны источника. Дело в том, что зооморфные единицы bulldog, kangaroo, kiwi, dragon уже подверглись переосмыслению в рамках как общелитературного языка, так в некоторых случаях и финансово-экономической терминологии и могут рассматриваться как национально маркированные единицы.

Так, птица киви, эндемичная для Новой Зеландии, стала национальным символом страны, и единица *kiwi* используется для номинации жителя Новой Зеландии, а также национальной валюты страны. Единицы *bulldog* и *kangaroo* давно рассматриваются как часть национальной символики Великобритании и Австралии соответственно. Мифологическая единица *dragon* имеет четкие ассоциативные связи с Азией.

Несмотря на то, что единицы kiwi bond, bulldog bond, kangaroo bond и dragon bond образованы по аналогии и, безусловно, соотносятся с общим ментальным пространством, нельзя говорить об идентичности их концептуальных схем.

Проиллюстрируем это положение следующими примерами. Действительно, bulldog bond и kangaroo bond номинируют тип облигации, выпущенной иностранным эмитентом на территории Великобритании (bulldog bond) и Австралии (kangaroo bond) и деноминированной в валюте этой страны. Термин «kiwi bond» репрезентирует тип облигации, деноминированный в новозеландских долларах и эмитированный на территории Новой Зеландии, что идентично рассмотренной выше концептуальной схеме. Однако данный тип облигации доступен только для резидентов Новой Зеландии. Таким образом, взятая за основу концептуальная модель, являясь когнитивным основанием номинации концепта, подверглась определенной модификации, а его языковая репрезентация определяется сложным набором факторов, модифицирующих взятую за основу модель.

Не меньшие изменения концептуальной модели очевидны и в случае с единицей *dragon bond*, которая используется для номинации облигаций, выпущенных азиатскими компаниями (за исключением Японии) и деноминированных в долларах США. Единица *dragon*, номинирующая мифологическое существо, которое мы с некоторыми оговорками включили в нашу выборку, обеспечивает концептуальную

связь модели со странами Азии (интересно, что для номинации облигаций, эмитируемых японскими компаниями, используется термин sushi bonds), а внешняя форма бинарного термина соотносит его с рассмотренными выше единицами. Однако единица dragon в рамках данной концептуальной модели репрезентирует только эмитентов облигаций (азиатские компании), но не валюту, в которой деноминированы эти ценные бумаги. Как было подчеркнуто ранее, во всех остальных терминологических единицах, созданных по данной концептуальной модели, зооморфный компонент актуализирует как эмитента облигации, так и валюту.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены следующие особенности, характеризующие функционирование зооморфных метафор в терминологии инвестиционной деятельности:

- 1. Инвестиционная терминология содержит значительное число зооморфных терминологических единиц.
- 2. В инвестиционной терминологии функционируют зооморфные метафоры двух типов: а) однословные единицы, номинирующие опорные концепты инвестиционной деятельности; б) термины, имеющие более сложную когнитивную структуру и номинированные как минимум бинарными терминологическими единицами.
- 3. Многие однословные зооморфные термины не только номинируют опорные концепты, но и являются ядрами терминологических гнезд, объединяющих единицы, вербализующие концепты более низкого уровня.
- 4. Зооморфные метафоры, выводящие в фокус номинации внешний вид или характерное поведение определенных животных, придают концептам более конкретную форму, тем самым способствуя их более наглядному представлению.
- 5. Зооморфные метафоры, используемые для ословливания инвестиционной деятельности, сформировались на основе признаков, мотивированных внеязыковой реальностью.
- 6. Репрезентированные метафорами термины инвестиционной деятельности не только дополняют свое содержание ценностными характеристиками, но и несут отпечаток социальной среды, в которой они сформированы, тем самым помогая участникам деятельности легче ориентироваться при восприятии реалий.

- 7. Сопоставление ключевых терминов и анализ терминообразовательных гнезд показывает, что антонимические отношения в изучаемой терминологии можно считать системообразующими.
- 8. Внешнее сходство структуры зооморфных метафорических терминов не является достаточным основанием для признания идентичности их концептуальной модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куковская А. В. Блоги как звено в семиотической цепи текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 10 (749). С. 18–26. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10 749. pdf
- Порохницкая Л. В. Специфика профилирования метафорических концептов традиционных и новых областей эвфемизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 696. С. 162–167.
- Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 175 с.
- Charteris-Black J. Metaphor and Vocabulary Teaching in ESP Economics // English for Specific Purposes 19 (2), 2000, C. 149–165.
- Investopedia [Электронный ресурс]. URL: investopedia.com/dictionary/ (дата обращения: 24.05.2018)

УДК 81.373

А. В. Пискарева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: piskarjowa@mail.ru

СПОСОБЫ МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (на материале текстов СМИ)

Статья посвящена рассмотрению особенностей модификации фразеологических единиц русского и немецкого языка в публицистическом дискурсе. Мы исходим из того, что в результате структурного и / или семантического преобразования фразеологизма могут возникнуть узуальные или окказиональные варианты. Таким образом, в тексте фразеологизм может использоваться в одном из трех видов; в каноническом, как узуальный или как окказиональный вариант. В научной литературе выделяется ряд способов модификации. В их числе такие, как лексическая замена, добавление компонента, контаминация, буквализация значения и другие. Поскольку данные способы были установлены при анализе большого количества разных фразеологизмов, задачей нашего исследования стало установление тех способов, которые могут использоваться в отношении одной фразеологической единицы. В качестве исходной были выбраны идиомы *купить кота в мешке* и *die* Katze im Sack kaufen. Данные фразеологические единицы можно рассматривать как эквиваленты, поскольку имеет место как структурное, так и семантическое сходство, что объясняется происхождением единиц. Для проведения исследования были составлены две выборки, отражающие употребление фразеологических единиц в текстах СМИ. В качесте источника материала использовались следующие корпусы: Национальный корпус русского языка и Электронный словарь немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). Отбор примеров проводился в публикациях за 2000–2016 гг. Объем русскоязычной выборки – 173 фрагмента, немецкоязычной – 101 фрагмент. Анализ показал, что исследуемые идиомы употребляются как в каноническом виде, так и в измененном. При этом большинство русскоязычных примеров составили узуальные варианты (115 примеров), в то время как в немецкоязычной выборке преобладало каноническое употребление идиомы (39 примеров). Анализ способов модификации идиом подтвердил предположение о том, что одна фразеологическая единица может быть изменена разными способами. Так, у русской идиомы купить кота в мешке варианты образуются с помощью лексической замены, замены утверждения отрицанием, добавления компонента, изменения категории числа и контаминации. Данные способы преобразования характерны и для немецкой идиомы die Katze im Sack kaufen. В ряде случаев ее варианты образовывались также в результате метаязыкового комментирования и буквализации значения. Наиболее частотным способом изменения русской идиомы является замена глагола (101 пример), варианты немецкой идиомы чаще образованы в результате замены утверждения отрицанием (29 примеров), чуть реже

использована замена глагола (22 примера). Таким образом, в ходе исследования способов модификации идиом в русских и немецких публицистических текстах, было установлено, во-первых, что преобразование идиомы возможно различными способами, во-вторых, несмотря на структурные и семантические сходства русской и немецкой идиом имеются различия как в способах образования вариантов, так и в частотности употребления отдельных способов.

Ключевые слова: фразеология; модификация фразеологизмов; приемы модификации; узуальный вариант; окказиональный вариант.

A. V. Piskareva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: piskarjowa@mail.ru

METHODS OF PHRASEOLOGY MODIFICATION IN GERMAN AND RUSSIAN

(an analysis of mass media texts)

The article considers specific features of modification of phraseological units in Russian and German mass media texts. We rely on the assumption that structural and / or semantic transformations of phraseological units can lead to the emergence of conventional or occasional variants. Thus, phraseological units can be used in the text in one of the three ways: in the canonical form, as a conventional or an occasional variant. The study of theoretical material has made it possible to identify some methods of modification, such as lexical substitution, addition of a component, contamination, literalization of meaning, and others. These methods were established in relation to different phraseological units, the task of our study was to establish those methods that can be used for one phraseological unit. The idioms купить кота в мешке and die Katze im Sack kaufen were chosen. These units can be considered as equivalents, because there is both structural and semantic similarity, which is explained by the origin of units. For the study, two lists of samples were made. Two corpora were used as the source of examples: the National corpus of the Russian language and the Electronic Dictionary of the German language (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). The selection of examples was carried out in publications from 2000 to 2016. The volume of the Russian-language list was 173 fragments; the German-language list contained 101 fragments. Corpus data have shown that the idioms under study are used both in the canonical and non-canonical form. The majority of Russian-language examples are conventional variants (115 examples), while in the German language list of examples the canonical use of idioms (39 examples) dominates. The analysis of the ways of idiom variation has confirmed the assumption that one phraseological unit can be changed in different ways. Thus, the variants of the Russian idiom κγημαπь кота в мешке are formed by lexical substitution, replacement of the statement with negation, addition of a component, changing the category of grammatical number, and contamination. These methods of transformation are also typical for the German idiom die Katze im Sack kaufen. In some cases, the variants of the German idiom are

formed as a result of the meta-linguistic commenting and literalization of meaning. The most frequent way of the Russian idiom variation is the substitution of the verb (101 examples), the variants of the German idiom are more often formed as a result of replacing the statement with negation (29 examples), less often verb substitution (22 examples) is used. Thus, the study of ways of idiom variation in Russian and German mass media texts has helped to establish, firstly, that the alteration of idioms is possible in various ways, secondly, despite the structural and semantic similarities between Russian and German idioms, there are differences both in the ways of alteration, and in the frequency of use of specific methods.

Key words: phraseology; phraseological modification; methods of modification; usual variant; occasional variant.

Языку свойственно, с одной стороны, стремление к устойчивости, а с другой — постоянные изменения на всех уровнях: в фонетике, лексике, грамматике. Различные изменения имеют место даже во фразеологии, единицы которой долгое время рассматривались как застывшее образование. Однако, как отмечает О. В. Щербань, «гибкая природа фразеологизма допускает различные изменения внутри этого единства, выражающиеся в структурных и семантических модификациях» [Щербань 2016, с. 152].

Вопросу соотношения устойчивости и изменчивости во фразеологических единицах посвящено не одно исследование. В теории фразеологии принято говорить о двух больших группах: окказиональных и узуальных вариантах исходной фразеологической единицы. Такое противопоставление разделяет большинство исследователей [Жуков 1986, с. 176—177; Добровольский 2013, с. 450; Батурова 2013, с. 307; Palm 1997, с. 71; Burger 2003, с. 25].

Под узуальными вариантами понимаются такие преобразования структуры фразеологической единицы, которые не затрагивают ее значение. Например, в рубашке / сорочке родиться. Узуальные варианты часто отражены в словарных статьях.

Под окказиональными вариантами понимаются те изменения, в ходе которых меняется значение фразеологической единицы, они часто сопровождаются структурными преобразованиями.

И узуальные, и окказиональные варианты фразеологгизмов возникают в ходе различных модификаций. Как отмечает Д. О. Добровольский, по виду модификации нельзя предугадать, что получится: узуальный или окказиональный вариант [Добровольский 2013, с. 451].

Чаще всего в работах, посвященных преобразованию фразеологизмов, выделяются следующие способы модификации: лексическая замена; добавление компонента; разделение; сокращение числа компонентов; замена утверждения отрицанием и наоборот; отсылка в контексте; контаминация; метаязыковое комментирование; субстантивация [Саютина 2012, с. 8–14; Семушина 2008, с. 190; Burger 1982, с. 68–91]. Данный список характеризуется тем, что различные способы были отмечены у разных фразеологизмов. В рамках данной статьи мы рассмотрим, как может изменяться один фразеологизм в русском и немецком языке.

В отношении фразеологизмов трудно говорить о наличии полных эквивалентов. Исключением остаются те случаи, когда в разные языки фразеологическая единица заимствуется из общего языка-источника. Примером такой единицы является идиома купить кота в мешке и ее немецкий эквивалент Katze im Sack kaufen. Данные единицы совпадают как по значению купить кота в мешке – 'приобрести что-либо, не зная о качестве и достоинствах приобретаемого' [Мокиенко 2007, с. 322] и Die Katze im Sack kaufen – 'etwas kaufen, ohne es gesehen zu haben' [Griesbach 1993, с. 100], так и по структуре. Единственное отличие заключается в том, что в русской идиоме в мешке оказывается кот, а в немецкой – кошка.

Точных сведений о происхождении выражения нет, однако некоторые источники утверждают, что оно является калькой с французского acheter chat en poche (дословно 'купить кота в мешке'). Считается, что прототипом этого выражения послужили ситуации, часто происходившие в прошлом, когда человеку, желавшему купить на ярмарке молочного поросенка или кролика, недобросовестный торговец незаметно клал в мешок кота (polyidioms.narod.ru).

Немецкоязычные источники предлагают разные версии относительно происхождения рассматриваемого фразеологизма. По данным сайта www.redensarten-index.de, одним из самых распространенных является предположение о том, что фразеологизм восходит к одному из шванков о Тиле Ойленшпигеле 1515 г., в котором Тиль обводит вокруг пальца скорняка. Ойленшпигель зашивает кошку в заячий мех и продает ее скорняку, который, таким образом, покупает кошку в мешке. С этим шванком связывают еще один фразеологизм выпускать кошку из мешка — 'раскрыть тайну'. Однако суть шванков о Тиле Ойленшпигеле заключается в том, что герой действует на

основании буквального понимания фразеологизма. Отсюда следует, что фразеологизм должен быть старше. Не исключается также возможность заимствования (www.redensarten-index.de).

Как и многие другие фразеологизмы, выражение *купить кота* в мешке употребляется не только в устной, но и в письменной речи, в том числе и в текстах СМИ, что отвечает современному направлению развития языка СМИ. Как отмечает В. М. Мокиенко, язык массмедиа в настоящее время достиг максимума фразеологизации [Мокиенко 2012, с. 59]. Это обусловлено такими свойствами фразеологизмов, как экспрессивность, образность и емкость. Фразеологические единицы позволяют автору текста не только сообщить о чем-либо, но и выразить свое отношение к сообщаемому, затратив при этом минимум языковых средств, кроме того, они «придают тексту живость и непринужденность, что облегчает его восприятие» [Северина 2017, с. 98]. Однако образность выражений от частого использования может утрачиваться, для ее усиления авторы часто прибегают к различного рода модификациям.

Таким образом, цель проведенного исследования состоит в рассмотрении того, каким способам модификации могут подвергаться два фразеологизма — купить кота в мешке и Katze im Sack kaufen. Для этого из русско- и немецкоязычных периодических изданий за 2000—2016 гг. были выбраны фрагменты текстов, в которых встречаются интересующие нас выражения в каноническом виде или с изменениями. Источником материала послужили газетный подкорпус Национального корпуса русского языка и немецкий газетный подкорпус Корпуса DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). Методом сплошной выборки был составлен список, включающий 101 фрагмент для немецкого и 173 фрагмента для русского языка.

В выборке представлено употребление выражения в исходном виде, а также его узуальных и окказиональных вариантов (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, в русскоязычной выборке преобладают узуальные варианты фразеологизма, в то время как в немецкоязычной различия в частотности не так сильны.

Окказиональные и узуальные варианты были получены в результате лексической замены, добавления компонента, контаминации, изменения грамматических характеристик (использование формы множественного числа вместо формы единственного числа),

Таблица 1

Частотность употребления фразеологизмов
купить кота в мешке и Katze im Sack kaufen и их вариантов

	Русский язык	Немецкий язык
Исходный фразеологизм	23	39
Окказиональные варианты	35	25
Узуальные варианты	115	37

буквализации значения, метаязыкового комментирования. Остановимся на некоторых способах преобразования подробнее.

В рамках русскоязычной выборки следует отметить использование формы множественного числа у компонентов кот и мешок. Интересно, что в 10 из 13 случаев окказиональный вариант представлен формой коты в мешке, а в оставшихся трех мы имеем несколько животных в разных мешках: коты в мешках. В большинстве фрагментов речь идет о спорте, а именно — о футболе. Выражение коты в мешке применяется в отношении футболистов, которых клубы покупают, не зная их возможностей. Изменение числа существительного мотивировано контекстом.

- 1. Надеюсь, что эти *коты в мешке* окажутся конкурентоспособными игроками и помогут команде (*Советский спорт. 2010.08.14*).
- 2. И ждешь, теряясь в догадках, прибытия из-за океана *котов в меш-ках* (*Советский спорт.* 2006.02.03).

В рамках немецкоязычной выборки отмечен один фрагмент, в котором в двух предложениях существительное *Katze* употреблено в форме множественного числа:

Und obwohl ich grundsätzlich und ein für allemal keine *Katzen im Sack* kaufen möchte. Ihre *Katzen* sind wir sogar im geschlossenen *Sack zu kaufen* bereit (*Die Zeit, 18.05.2000, Nr. 21*).

В ходе анализа полученных примеров были отмечены единицы, образованные при помощи лексической замены. Такие преобразования имели следствием как узуальные, так и окказиональные варианты.

Говоря об узуальных вариантах русского фразеологизма, следует отметить варьирование глагола. Здесь можно условно выделить группу преобразованных фразеологизмов, в которых исходный глагол купить заменен на такие глаголы, как брать (14), приобретать (4), предлагать (8), продавать (1), получать (11) и доставаться (2), имеющие сему «купля-продажа»:

- 1. Купив в начале 2012 года долю в «Таас-Юрях Нефтегазодобыче», «Роснефть» **получила кота в мешке** (РБК Дейли, 2013.08.19).
- 2. Это гарантия того, что вам не *достанется «кот в мешке»* (*Труд-7, 2003.01.11*).

Замена глагола имеет место и в немецкой выборке. В приведенных ниже примерах варьирование глагола передает удивление обладателя кота в мешке таким исходом сделки:

- 1. Manfred Heiting, der Projektleiter des DCP, hatte sich in einem Zeitungsinterview darüber beschwert, mit dem Auftrag zur Realisierung eines Fotomuseums *habe* er "eine Katze im Sack" erhalten (Der Tagesspiegel, 21.12.2000).
- 2. Das heißt, der Käufer *erwarb die Katze im Sack* (*Der Tagesspiegel*, 07.07.2002).

В ряде случаев в процессе замены глагола возникли и окказиональные варианты. Рассмотрим пример. Авиакомпания Люфтганза устраивает аукцион, на котором будет выставлен невостребованный багаж.

Liegen gebliebenes Fluggepäck versteigert die Lufthansa heute und morgen ab 12 Uhr im Einkaufscenter Gropiuspassagen, Johannisthaler Chaussee 317. Wer mitbietet, *feilscht um die Katze im Sack* (*Der Tagesspiegel*, 05.06.2001).

Дословно предложение можно перевести так: 'Кто повышает ставку, торгуется, рискуя получить кошку в мешке'. Глагол *feilschen* позволяет передать новое для фразеологизма значение: *кошку в мешке* можно купить не только по недосмотру, но и осознанно, участвуя в торгах.

В русскоязычной выборке в 5 % случаев замена привела к возникновению окказиональных вариантов. Остановимся подробнее на примере:

И вот дорос до первой большой работы. Словом, нашли *Котта в мешке* (*Труд-7*, 2001.09.18).

В данном фрагменте речь идет о молодом режиссере А. Котте, который успешно представил свою первую полнометражную работу на кинофестивале. Модификация в данном случае носит смешанный характер. Во-первых, глагол купить заменен на глагол найти. Вовторых, происходит обыгрывание фамилии режиссера, на основе ее фонетического сходства с именем нарицательным кот. Что касается значения обновленного фразеологизма, то, в отличие от прототипа, имеющего неодобрительную характеристику, здесь представлена положительная коннотация. Получается, что вместо кота, т. е. кого-то, о чьих способностях ничего не известно, в мешке нашли талантливого режиссера А. Котта.

Рассмотрим теперь замену компонента *Katze* (в немецкоязычной выборке она составила 4 %). Подобное преобразование позволяет автору уточнить, о качестве какого именно товара или услуги покупатель не осведомлен.

Так, в следующем примере из первоначального смысла 'купить что-либо неизвестного качества' мы получаем 'купить книгу неизвестного качества':

Und so muss auch der Fan nicht das Buch im Sack kaufen (Der Tagesspiegel, 24.07.2000).

Среди проанализированных примеров также представлен такой способ преобразования фразеологизмов, как добавление (17 % русскоязычной выборки). Во всех случаях к компонентам исходного выражения добавляется определение:

- 1. Мол, кто еще, кроме Романа Абрамовича, станет платить такие бешеные деньги за *малолетнего кота в мешке* (РБК Дейли, 2012.08.31).
- 2. И если отсутствие Пике можно было объяснить легкой травмой, а Фабрегаса не лучшей функциональной формой, то юный воспитанник Тельо стал *настоящим котом в мешке* (Советский спорт, 2012.04.23).

В первом примере добавление способствует уточнению одной из характеристик футболиста, а именно, возраста. Во втором определение служит интенсификации состояния неизвестности.

В немецкоязычной выборке также представлена модификация посредством добавления нового компонента в структуру фразеологической единицы. Здесь добавляется определение или обстоятельство:

- 1. Schließlich *kaufen* die Kunden *nicht gerne die Katze im Sack* (*Berliner Zeitung*, 03.01.2003).
- 2. FAI-Vorstand Delaney nannte es sogar einen «Gewinn für das irische Team und seine Fans», dass mit dieser Vertragsverlängerung nun frei nach Trapattoni auch *die nächste Katze im Sack* sitzt (*Die Zeit*, 29.11.2011).

Самой интересной группой, на наш взгляд, являются примеры контаминации (соединения в рамках одного предложения двух фразеологизмов). В рамках русскоязычной выборки они составляют 9 %. Остановимся подробнее на примерах.

1. Сейчас этой доводкой никто не хочет заниматься — лучше *купить кота в мешке за бешеные деньги*... — Проблема, наверное, еще и в том, что футбольный рынок «поделен», и новому агенту туда сложно пролезть? (Советский спорт, 2013.05.03)

В данном случае контаминации подвергаются фразеологизмы купить кота в мешке и бешеные деньги. В результате преобразования мы получаем фразеологическую единицу с обновленной семантикой. Добавляется компонент «стоимость», который позволяет понять, сколько готов заплатить за непроверенное качество покупатель.

2. **Журавль в небе** вполне может превратиться в **кота в мешке**, если вы вовремя не заметите подвох ($Tpv\partial$ -7, 2010.05.11).

Лучше синица в руке, чем журавль в небе: данная пословица претерпевает ряд изменений. Во-первых, синица в руке заменена на кота в мешке. Во-вторых, компоненты пословицы переставлены местами. В-третьих, появляется глагол превратиться, который описывает отношения между двумя частями выражения. Семантика преобразованного выражения может быть проинтерпретирована таким образом: качество того, о чем человек мечтает, может быть сомнительным.

Контаминация также представлена в немецкоязычной выборке.

Wenn man *die Katze im Sack kauft* und damit *ein riskantes Spiel spielt*, muss man Niederlagen einstecken können (*Der Tagesspiegel*, 15.03.2000).

В данном случае мы имеем дело с последовательной контаминацией, которая предполагает употребление нескольких фразеологизмов друг за другом в одном предложении. Покупка товара неизвестного качества сравнивается автором с рискованной игрой, которая может

привести к проигрышу. Первый фразеологизм уточняет, в чем именно риск – в отсутствии информации о качестве товара.

Также при анализе материала были отмечены такие способы преобразования, как замена утверждения отрицанием, субстантивация, метафоризация, метаязыковое комментирование. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 Особенности преобразования фразеологизмов купить кота в мешке и Katze im Sack kaufen

	Частотность (в единицах)		
Способ преобразования	Русский язык	Немецкий язык	
Изменение категории числа	13	1	
Замена утверждения отрицанием	11	29	
Добавление компонента	9	12	
• определение	9	4	
• обстоятельство	0	8	
Замена компонента	112	27	
 глагол → глагол 	101	22	
• существительное — существительное	2	4	
 глагол → существительное 	9	1	
Контаминация	6	2	
Метаязыковое комментирование	0	2	
Буквализация значения	0	7	

Таким образом, проанализировав функционирование тождественных фразеологизмов и их модификаций в русском и немецком языках, можно говорить о наличии как общих моментов, так и различий. В выборках, составленных для каждого из языков, помимо употребления канонического фразеологизма представлены его варианты — как узуальные, так и окказиональные.

В русском языке для фразеологической единицы характерны такие приемы преобразования, как замена компонента, добавление,

изменение числа у компонентов, контаминация. Для немецкой фразеологической единицы также характерны замена компонента, добавление и контаминация. Однако здесь представлена еще метафоризация значения и отсылка к фразеологизму.

Что касается сфер, описывая которые автор прибегает к употреблению данных фразеологических единиц, то они совпадают. Это собственно купля-продажа, характеристика пока никак себя не проявивших людей, в основном футболистов и политиков.

В заключение отметим, что в проанализированных примерах авторы прибегают к использованию фразеологизма, так как он позволяет емко и образно передать необходимую информацию, а разного рода преобразования обусловливаются в первую очередь потребностями контекста, в который включен фразеологизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Батурова Н. И.* Окказиональный фразеологизм как языковое явление // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. № 2. С. 306–313.
- Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 742 с. (Studia philologica).
- Жуков В. П. Русская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. вузов. М. : Высшая школа, 1986. 310 с.
- Идиомы на пяти языках с переводом и толкованием. Купить кота в мешке URL : polyidioms.narod.ru
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и ф-тов иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
- *Мокиенко В. М.* Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52), Т. 4. С. 59–62.
- *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : 3AO «ОЛМА Медиа Групп», 2007.784 с.
- Национальный корпус русского языка. URL : www.ruscorpora.ru
- Саютина Н. В. Трансформация фразеологизмов: общее и национальнохарактерное в русских и немецких публицистических текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 23 с.
- Северина Е. А. Специфика использования фразеологизмов в немецкоязычном фельетоне [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (772). С. 94–104. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/4_772_GM.pdf

- Семушина Е. Ю. К вопросу об изменении формы фразеологической единицы при контекстуальной реализации // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3 ч. Ч. І. С. 190–193.
- Щербань О. В. Буквализация как источник семантического развития английских фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 13 (752). С. 152–163.
- Burger H., Buhofer A., Sialm A. Handbuch der Phraseologie. Berlin; New York: de Gruyter, 1982. 447 S.
- *Burger H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen, 2., überarb. Aufl., Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. 224 S.
- Digitales Wörterbuch des deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

Duden. URL: www.duden.de

- Griesbach H. 1000 deutsche Redensarten: mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen/ von Heinz Griesbach u. Dora Schulz. 8. Aufl. Berlin u.a.: Langenscheidt, 1993. 248 S.
- *Palm C.* Phraseologie: Eine Einführung. 2., durchges. Aufl. Tübingen: Narr, 1997. 130 S.

Redensarten-Index. URL: www.redensarten-index.de

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 80

Л. К. Салиева

кандидат филологических наук, доцент, каф. международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОПАГАНДА КАК ПРИЕМ: ТОЧКИ СХОЖДЕНИЯ

Вопросы использования литературно-художественного канала коммуникации в политических целях широко обсуждаются как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, публицистике и СМИ. Исторически сильная традиция социологического литературоведения в России и долгие годы жесткой литературной политики в СССР сделали тему «художественная литература как средство пропаганды» одной из наиболее актуальных не только в советское, но и в настоящее время. После распада Советского Союза эта тема не перестала быть актуальной. напротив, появились новые аспекты ее рассмотрения; они имеют междисциплинарный характер. Этой проблемой занимаются представители филологических, исторических, юридических, социальных и политических наук, что и обеспечивает ее многоаспектное рассмотрение. Однако, несмотря на большое число работ и охват широкого круга проблем по данной теме, вопросы, почему художественная литература может использоваться как средство пропаганды, и каковы те методологические принципы и технические / риторические приемы, которые роднят эти два вида дискурса, до сих пор остаются без ответа, напротив, в большинстве случаев возможность использования художественной литературы как средства пропаганды принимается как должное, т. е. как положение, не требующее доказательства. Настоящая работа ставит своей целью выявить приемы, общие для пропаганды и художественной литературы. В статье представлены результаты сопоставительного анализа методов и приемов пропаганды и художественной литературы. В результате исследования установлено, что рассматриваемые типы дискурса имеют один и тот же метод концептуализации действительности (метафоризация) и, соответственно, подобный тип воздействия на аудиторию (внушение). Возможность сведения художественной литературы, по определению принадлежащей к высокой категории прекрасного, к пропаганде, имеющей исключительно утилитарные цели, кроется в существовании гибридного типа речи – художественной прозы, которая использует образные средства искусства для решения практических проблем.Обшими для художественной литературы и пропаганды являются следующие приемы

метафоризации: сюжетосложение / сторителлинг, превращение факта в событие, наличие протагониста и антагониста, образ врага, обращение к чувствам человека (эмоциональный резонанс), эффект присутствия (повествование от первого лица, прямой репортаж), представление события «глазами очевидца», информационное доминирование, состоящее в тшательном отборе языковых и нарративных элементов, а также соблюдении единства интерпретационной (аксиологической) точки зрения (сюда примыкаютприемы подмены, комментирования, перспективы), повторы, констатация факта, обход с фланга, коллаж, переписывание истории, саспенс, создание ассоциаций, аналогий. Кроме того, пропаганда и художественная коммуникация пользуются подобными методами установления контакта с аудиторией: с одной стороны, медиаторы (лидеры общественного мнения) и обратная связь, с другой – художественная критика и школа. В заключение делается вывод о том, что, поскольку, во-первых, необходимым условием существования общества знания, как положительного вектора развития информационной эпохи, является воспитание личности, обладающей критическим мышлением и способной противостоять пропаганде, и, во-вторых, поскольку литературно-художественный текст технически имеет общую природу с пропагандистским, применение в преподавании художественной литературы метода риторической критики, позволяющей восстановить в обратном порядке процесс порождения речи, т. е. пройти путь от слова к мысли, от слов к идеям, может способствовать построению общества знания.

Ключевые слова: литературно-художественная коммуникация; пропаганда; метафоризация; А. Н. Веселовский; художественная проза; прозо-поэтические жанры; методы пропаганды; приемы пропаганды; социологическое литературоведение.

L. K. Salieva

PhD (Philology), Associate Professor, Department of International Communication, Faculty of World Politics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University; e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

ARTISTIC LITERATURE AND PROPAGANDA AS A TECHNIQUE: POINTS OF CONVERGENCE

The use of the literary communication channel for political purposes is widely discussed both in domestic and foreign scientific literature, journalism and the media. The historically strong tradition of sociologically oriented literary studies in Russia and the long years of rigid policyin the field of literature in the USSR made the theme "fiction as a means of propaganda" one of the most topical not only in Soviet times, but alsoat present time. After the collapse of the Soviet Union, this topic has not ceased to be relevant, on the contrary, new aspects of its consideration have arisen; they are of an interdisciplinary nature. This problem is dealt with by representatives of philological, historical, legal, social and political sciences, which ensures its multifaceted consideration. However, despite the large number of works and the coverage of a wide range of problems on the topic, the questions why fiction can be used as a means of propaganda and what are the methodological principles and technical / rhetorical

devises that bring these two types of discourse together still remain unanswered, on the contrary, in most cases the possibility of using fiction as a means of propaganda is taken for granted, i.e. a premise that does not require proof. This work aims at identifying techniques common to propaganda and fiction. The article presents the results of a comparative analysis of methods and techniques of propaganda and fiction. The research finds that the types of discourse under consideration have the same method of conceptualization of reality (metaphorization) and, accordingly, a similar type of influence on the audience (implanting ideas). The possibility of reducing fiction, which by definition belongs to a high category of beauty (art), to propaganda that has purely utilitarian purposes, lies in the existence of a hybrid type of speech – artistic prose that uses figurative means of art to solve practical problems. Common to fiction and propaganda are the following techniques of metaphorization: plotting / storytelling, turning the fact into an event, the presence of a protagonist and antagonist, the image of the enemy, appealing to a person's feelings (emotional resonance), the presence effect (first person narration, direct reporting), presentation of the event "through the eyes of an eyewitness", informational domination consisting in the careful selection of linguistic and narrative elements, as well as observance of the unity of the interpretational (axiological) point of view (and adjoining techniques of substitution, commenting, perspective), repetitions, ascertaining the fact, going around the flank, collage, rewriting history, suspense, creating associations, analogies. In addition, propaganda and literary communication use similar methods of establishing contact with the audience: on the one hand, mediators (leaders of public opinion) and feedback, on the other, literary criticism and school. The article concludes that since, firstly, the necessary condition for the existence of a knowledge society as a positive vector of the development of the information age is the upbringing of a person who has critical thinking and is able to resist propaganda, and, secondly, the literary text technically has a common nature with a propaganda text, then the use in the teaching of fiction of the method of rhetorical criticism, which allows restoring the process of speech generation in reverse order, i.e. going from word to thought, from words to ideas, can help build a knowledge society.

Key words: literary communication; propaganda; metaphorization, A.N. Veselovsky; literary prose; prose-poetic genres; methods of propaganda; techniques of propaganda; sociological literary criticism.

Ввеление

Вопросы использования литературно-художественного канала коммуникациив политических целях широко обсуждаются как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, публицистике и СМИ. Исторически сильная традиция социологического литературоведения в России и долгие годы жесткой литературной политики в СССР сделали тему «художественная литература как средство пропаганды» одной из наиболее актуальных не только в советское, но

и наше время. Исследования имеют междисциплинарный характер; этой темой занимаются представители филологических, исторических, юридических, социальных и политических наук, что и обеспечивает ее многоаспектное рассмотрение.

Однако, несмотря на большое число работ и охват широкого круга проблем по данной теме, вопросы, почему художественная литература может использоваться как средство пропаганды, и каковы те методологические принципы и технические / риторические приемы, которые роднят эти два вида дискурса, до сих пор остаются без ответа, напротив, в большинстве случаев возможность использования художественной литературы как средства пропаганды принимается как должное, как общее место, т. е. положение, не требующее доказательства. Данная работа ставит своей целью выявить приемы, общие для пропаганды и художественной литературы. В статье представлены результаты сопоставительного анализа методов и приемов пропаганды и художественной литературы.

Методология

Для выявления общего в пропаганде и литературно-художественной коммуникации, а также в других случаях, требующих сравнительного анализа нескольких явлений, исследование проводилось с помощью сравнительного метода. Кроме того, в процессе рассмотрения теоретических вопросов использовались логические методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, метод реферирования.

Результаты исследования

В понимании пропаганды и ее средств мы идем за В. Ф. Абдуловой: «Пропаганда — это многоэлементная политическая технология, ориентированная на управление обществом путем формирования у реципиентов прочных социальных установок и стереотипов, отвечающих интересам коммуникатора <...>. Цель пропаганды — это будущее желаемое состояние сознания и поступков масс, социальных групп, коллективов, отдельных личностей» [Абдулова 2007, с. 13], «формирование определенной системы мировоззрения» [Абдулова 2007, с. 41].

М. В. Киселёв выделяет два основных метода пропаганды: убеждение и внушение. Если убеждение апеллирует к критическому мышлению, то внушение основывается «на некритическом (и часто неосознаваемом) восприятии информации. В процессе внушения

восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания» [Киселев]. Внушению способствует, как отмечал В. М. Бехтерев, недостаток активного внимания: «Очевидно, что внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия» [Бехтерев 2001, с. 19].

Использование художественной литературы в качестве пропаганды относится к непрямым способам пропагандистского воздействия (в отличие от собственно пропагандистской литературы, например печатных материалов различных партий, политических и общественных деятелей, которые не преследуют никакой иной цели, кроме изложения своей точки зрения и привлечения сторонников). Художественная литература, при взгляде на нее как на одно из средств пропаганды, может рассматриваться, с одной стороны, как канал коммуникации, с другой – как метод – разновидность внушения. Именно как внушение, суггестию, определяет природу поэзии великий русский ученый Александр Николаевич Веселовский. Он следующим образом описывает эволюцию человеческой речемысли: первый этап – поэзия языка, представляющая собой первичную метафорическую номинацию, при которой означаемое равно означающему, затем идет миф, являющийся совокупностью первичных метафорических имен и представляющий мир в целом, на третьем этапе появляется проза, проводящая различие между означающим и действительностью и заменяющая образ понятием, метафору – сравнением, миф – сюжетом (одним из возможных описаний действительности), и последний этап – новая поэзия, появляющаяся из потребности персонифицировать, этически и эмоционально переработать новое абстрактное знание; на этом этапе также возникает дидактическая проза, которая позже будет названа Г. Г. Шпетом прозо-поэзией [цит. по: Виноградов 1980, с. 116-118], а В. В. Виноградовым – художественной прозой [Виноградов 1980]. «Цель поэзии языка – познание мира, поэзии мифа – создание картины мира, собственно поэзии – эмоционально-оценочное осмысление новых знаний и условий жизни, дидактической (художественной) прозы – образная репрезентация своего видения мира, пропаганда идей посредством образов. Художественная проза или прозо-поэзия...

используется для коммуникации идей средствами поэзии» [Луканина, Салиева 2014]. Последнее становится возможным, поскольку художественный образ по своей природе является суггестивным и именно по этой причине может превращаться в миф: «Видимый мир постепенно раскрывается для нашего сознания в сферах, казавшихся когда-то нежизненными, не вызывавшими сопоставлений, но теперь являющимися полными значения, человечески суггестивными. Они также могут вызвать сложение того комплекса жизнеподобных признаков, который мы назвали мифом; укажу лишь на описание паровоза у Золя и Гаршина. Разумеется, это сложение бессознательно отольется в формах уже упрочившейся мифической образности; это будет новообразование, которое может послужить не только поэтическим целям, но и целям религиозным <...>. И созвучия являются, потому что в природе всегда найдутся ответы на наши требования суггестивности. Эти требования присущи нашему сознанию, оно живет в сфере сближений и параллелей, образно усваивая себе явления окружающего мира, вливая в них свое содержание и снова их воспринимая очеловеченными. Язык поэзии продолжает психологический процесс, начавшийся на доисторических путях: он уже пользуется образами языка и мифа, их метафорами и символами, но создает по их подобию и новые. Связь мифа, языка и поэзии не столько в единстве предания, сколько в единстве психологического приема, в arte renovata forma dicendi "искусстве обновленной формы высказывания"» [Веселовский].

В общем виде «единство психологического приема» состоит в метафоризации дискурса. В метафоре один предмет непосредственно используется вместо другого, что не оставляет места рассуждению. Это утверждение согласуется с современным широким пониманием метафоры, например, Максом Блэком, когда предмет речи видится сквозь определенную сетку понятий, положений, событий [Блэк 1990].

Каковы те частные приемы метафоризации, которые делают возможной подмену художественного дискурса пропагандистским?

В качестве источника информации о приемах пропаганды мы использовали книгу Виктора Сороченко «Энциклопедия методов пропаганды» [Сороченко 2002], поскольку в ней содержится наиболее полное их перечисление.

Общими для художественной литературы и пропаганды являются:

Сюжетосложение / сторителлинг. Основой сообщения в художественном и пропагандистском дискурсах является в большинстве случаев некая последовательность событий [об отличии события, факта и происшествия см. Салиева 2016]; сообщения имеют два уровня: поверхностный, представляющий собой историю, и глубинный, выражающий интенцию коммуниканта [Салиева 2012]. Структура сообщения в пропаганде часто имеет последовательность НИП: негативная ситуация, ее исправление и позитивные последствия, что соответствует строению литературного сюжета: завязка, перипетии, развязка.

Наличие протагониста и антагониста, положительного и отрицательного героя (врага). Что касается массовой литературы, то она ближе в этом отношении к пропаганде, здесь картина упрощена, существует только белое и черное.

Обращение к чувствам человека, имеющее в теории пропаганды название «эмоциональный резонанс». Пропаганда использует все возможные выразительные и изобразительные средства языка для усиления эмоционального воздействия, например излюбленным приемом является градация.

Эффект присутствия, рассчитанный на вовлечение реципиента в повествование и провоцирование чувства эмпатии. В художественном тексте такой эффект достигается преимущественно повествованием от первого лица, в пропаганде — репортажем с места событий. К этой же категории можно отнести и прием «очевидцы события», когда событие представляется глазами персонажа (в художественной литературе) или участника происшествия, как правило, подставного (в СМИ).

Информационная блокада / доминирование, состоящая в:

- а) контроле выбора слов (общий выбор слов создает тематическую, эмоциональную, конкретную, абстрактную и т. д. перспективу повествования, выбор ключевых слов формирует угол зрения на предмет речи);
- б) контроле выбора компонентов описаний и повествований (реципиенту доступно только то, что показано, описано);
- в) соблюдении единства интерпретации (в художественной поэтике носит название оценочной точки зрения).

Художественная литература конца XX в. знает много примеров обыгрывания эффекта точки зрения, например «Шум и ярость»

Фолкнера. К приему информационного доминирования примыкают также такие приемы пропаганды, как комментирование, подмена (использование эвфемизмов), навешивание ярлыков, классификаторы, перспектива, тематическое доминирование.

Комментирование, представляющее собой «создание такого контекста, в котором мысли человека идут в нужном направлении» и вывод сам собою напрашивается. Большую роль здесь играют интонация речи, подбор фактов усиления или ослабления высказываний, сравнения — приемы обычные в художественном тексте.

Перспектива. В литературоведении различают точки зрения в планах идеологии, фразеологии, пространственно-временной характеристики, психологии, а также рассматривается сложная точка зрения как взаимоотношение точек зрения на разных уровнях [Успенский 2000].

Повторение. В художественной литературе виды повторов многочисленны: они обнаруживаются на всех языковых и текстовых уровнях: от фонетического / графического до композиционного.

Констатация факта, создающая соответствующее настроение. Например, в пропаганде: «В оппозиционном лагере – разброд и шатания!»; в литературно-художественном тексте: «Все смешалось в доме Облонских».

Обход с фланга, или техника фактографического правдоподобия, когда идеи подаются между строк в рассказе, состоящем из фактов и событий. Примером использования этого приема в литературе может служить поэтика акмеизма, или стиль Эрнеста Хемингуэя.

Отвлечение внимания при помощи калейдоскопического расположения материала. Как известно, коллаж является обычным приемом в литературе модернизма и постмодернизма.

Переписывание истории. «Искусственно сформированная картина исторической действительности передается отдельным индивидам с помощью книг, лекций, радио и телевидения, прессы, театральных представлений, кинофильмов и т. д. Таким образом строится иллюзорный мир, который воспринимается как настоящий». Интересно отметить, что Владимир Войнович в романе «Москва 2042» [Войнович 1987] сатирически изображает литературную фальсификацию истории в СССР (сцена, где коммунистические писатели сочиняет эпопею о героических подвигах Гениалиссимуса в Бурят-Монгольской войне). Этот прием близок технике «полуправда».

Контраст, оттеняющий свойства. Роль социального фона, на котором воспринимается человек или группа, велика, белое ярче выделяется на фоне черного. Пропагандистским примером может служить создание образа своей партии, как сплоченной команды единомышленников на фоне скандалов в стане противника. В художественном творчестве оппозиция — типологическая черта. Прием контраста в литературно-художественном произведении встречается на всех его уровнях: языковом, сюжетно-композиционном, идейном. Самые яркие контрасты мы находим, конечно, в сказке.

Смещение акцентов. Техника смещения означает перенос эмоционально-оценочного акцента с одного представления на другое, при этом важное становится неважным и наоборот. Переход от одной литературной эпохи к другой всегда связан со смещением акцентов. Этот прием является имманентным свойством художественного творчества.

Создание ассоциаций, аналогии и метафоризация. Эти приемы, являющиеся основой художественного дискурса, широко используются в пропаганде, в частности в имиджмейкинге. «Поэтическая метафора создает в воображении красочный образ. Он оказывает чудодейственный эффект и надолго отшибает здравый смысл. Переубедить людей, в головы которых вбита простая и привлекательная ложная метафора, бывает очень трудно. Достигнуть чего-нибудь при помощи логики здесь невозможно, нужно запускать контрметафору» [Сороченко 2002].

Создание угрозы, образ врага. В художественном произведении антагонист легко трансформируется в образ врага.

Использование медиаторов и обратная связь. В случае пропаганды это лидеры общественного мнения и отдельные члены микросоциальных групп, дискуссии, звонки в студию во время прямого эфира, выбор по телефону варианта ответа на поставленный вопрос и др.; в случае художественной литературы — критика и школа.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Возможность сведения художественной литературы, по определению принадлежащей к высокой категории прекрасного, к пропаганде, имеющей исключительно утилитарные цели, кроется в существовании

гибридного типа речи – художественной прозы, которая использует образные средства искусства для решения практических проблем.

Поскольку, во-первых, необходимым условием существования общества знания как положительного вектора развития информационной эпохи является воспитание личности, обладающей критическим мышлением и способной противостоять пропаганде [Салиева 2017], и, во-вторых, литературно-художественный текст технически имеет общую природу с пропагандистским текстом, то, представляется, что применение в преподавании художественной литературы метода риторической критики, позволяющей восстановить в обратном порядке процесс порождения речи, т. е. пройти путь от слова к мысли, может через воспитание критического мышления способствовать построению общества знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулова В. Ф. Современная государственная пропаганда: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2007. 168 с.
- *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Питер, 2001. 256 с.
- *Елэк М.* Метафора // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М. : Прогресс, 1990. С. 153–173.
- Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. URL: az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0060.shtml (дата обращения 25.01.2018)
- Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–175.
- Войнович В. Москва 2042. 1987. URL: www.e-reading.club/book.php?book= 11816 (дата обращения 10.01.2018).
- Киселёв М. В. Психологические аспекты пропаганды. URL: psyfactor.org/propaganda7.htm (дата обращения 21.01.2018).
- *Луканина М. В., Салиева Л. К.* Нарративное манипулирование // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2014. № 46. С. 210–225.
- Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 116–128.
- Салиева Л. К. Событие в нарратологии и связях с общественностью // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2016. № 54. С. 146–160.

- Салиева Л. К. Риторическая компетентность как базовая цель образования в эпоху информационной диктатуры // Almamater. Вестник высшей школы. 2017. № 8. С. 93–96. DOI: doi.org/10.20339/AM.08-17.093
- Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. 2002. URL : polbu.ru/sorochenko_propagation/ (дата обращения 25.01 2018).
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 348 с.

УДК 81'42

С. В. Травкин

соискатель каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: valenzuela@list.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННО́ГО КОНТИНУУМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФЭНТЕЗИ

Статья посвящена изучению особенностей пространственно-временной организации литературных произведений жанра фэнтези. В этой связи в центре внимания находятся значимые особенности произведений данного жанра, а именно: наличие магии, фэнтезийных топосов и динамики развития сюжета. Магия представляет собой неотъемлемую составляющую мира фэнтези и присутствует во всех произведениях данного жанра. Фэнтезийный топос, наличие которого характеризует мир фэнтези, представляет собой участок континуума, отличный по своим пространственным либо временным характеристиками от нашей действительности. Динамика развития сюжета произведения возникает как следствие особенностей фэнтезийного хронотопа, который, в свою очередь, характеризуется динамичностью и нелинейностью. Отмечается, что наличие в произведении (хронотопе) магической силы освобождает от необходимости следовать законам реалистичного пространственно-временного континуума и дает возможность более свободно обращаться с параметрами описываемого пространства и времени, растягивая границы топосов либо изменяя скорость и направление течения времени (как из прошлого в будущее, так и из будущего в прошлое). В центр внимания исследования также попадают соответствующие вышеперечисленным особенностям лингвистические маркеры, т. е. вербальные средства, маркирующие наличие магической составляющей, локаций фэнтези и динамичности. Под вербальными средствами в контексте данного исследования понимаются формирующие основу для изучения тексталексические единицы, имеющие отношение к конкретному признаку, а, следовательно, способные на него указывать. Например, наличие в произведениях магической силы, неизбежно проявится в особой лексике (магия, колдун, заклинание, волшебство). Теоретической основой для исследования художественной реальности стали литературно-критические статьи М. М. Бахтина, посвященные понятию хронотопа, а также видам и особенностям пространственно-временной организации художественных произведений.

Ключевые слова: жанр; фэнтези; фантастика; жанрообразующие признаки; магия; лингвистические маркеры; хронотоп; художественное пространство; художественное время.

S. V. Travkin

Research Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: valenzuela@list.ru

VERBALIZATION OF SPACE-TIME CONTINUUMIN THE FANTASY FICTION GENRE

The article looks into the problem of spatial and temporal organization of fantasy literature with a special focus on distinctive features of the fantasy genre, namely the presence of magic, the dynamic plot, fantasy space and corresponding linguistic markers. It is stressed that combination of these elements elements determines the specificity of the fantasy chronotope. The mentioned features of the fantasy genre are expressed lexically by using a special (marker) vocabulary, which we call linguistic markers. M. Bahtin's theory (concept) of the literary chronotope and his works devoted to the organization of time and space are used as a theoretical basis for the research.

Key words: literary genre; fantasy; fantastic; genre characteristics; magic; fantasy; linguistic markers; chronotope; literary space; literary time.

Своевременность обращения к проблеме хронотопов литературных произведений, относящихся к фэнтези, продиктована необходимостью более глубокого исследования специфики пространственновременной организации произведений данного жанра, возникшего сравнительно недавно и на сегодняшний день недостаточно изученного. Для выявления и описания особенностей пространственновременных отношений в произведении фэнтези в статье используется понятие «хронотоп», которое, вслед за М. М. Бахтиным, понимается как «...взаимосвязь временных и пространственных отношений...» [Бахтин 1986, с. 121].

Хронотоп является универсальной категорией, отражающей связь пространственно-временных отношений. Как отмечает М. М. Бахтин, данный термин был «введен и обоснован» на основании теории относительности А. Эйнштейна и, в свою очередь, перенесен в литературоведение «почти как метафора» [Бахтин 1986, с. 121], т. е. в качестве модели, репрезентирующей основные свойства пространства и времени, а именно — их неразрывное единство. Таким образом, в формулировке М. М. Бахтина данный термин получил широкую известность и вошел в употребление в литературоведении и лингвистике. Введенный М. М. Бахтиным термин «хронотоп» соединил художественное пространство и художественное время, позволяя исследователям

говорить о едином и неразрывном пространственно-временном континууме произведения.

Пространственно-временной континуум литературного произведения представляет собой субъективную художественную модель действительности, спроецированную автором на страницы книги [Косиченко 2017, с. 200]. Поскольку художественный мир является по сути проекцией материального мира, он также имеет свою пространственно-временную организацию, которая связывает повествование воедино, соединяя хронос (время) и топос (пространство).

Несмотря на многочисленные параллели между вымышленными мирами и действительностью, исследователи отмечают несостоятельность попыток отождествления книжного времени-пространства с нашей реальностью (наивный реализм) [Бахтин 1986, с. 285–286]. Заключенная в произведении реальность функционирует по своим собственным законам, часто отличным от известных нам законов окружающего мира. Безусловно, художественное пространство романа может отражать некоторые особенности топонимики реального мира, вместе с тем и в этом случае нельзя говорить о тождестве реального и художественного пространств [Ноздрина 2015, с. 56]. В качестве примеров приведем романы: «Маг полуночи» Д. Емца, и «Ночной Дозор» С. Лукьяненко. Большинство обитателей «Москвы» Д. Емца, С. Лукьяненко выдуманы авторами и не имеют своих прототипов в Москве реальной, равно как и сами города, которые соотносятся с существующей Москвой также лишь условно и представляют собой фантазию на тему «какой могла бы быть Москва».

Важным свойством хронотопа является линейность, т. е. последовательность развития событий в единственно возможном направлении: от прошлого к будущему. Такой художественный прием, как ретроспектива отчасти нарушает линейность развития событий, что, в свою очередь, придает произведению динамику. Именно для фэнтезийных произведений характерны наибольшая динамичность и наименее выраженная линейность хронотопа, поскольку само фантастическое направление в силу особенностей жанра допускает более свободное обращение с пространством и временем со стороны автора. Данная свобода обеспечивается другой существенной характеристикой жанра, а именно, наличием магии, которая позволяет не только заглянуть в прошлое с помощью воспоминаний, но и дает возможность

нарушить ход времени и увидеть еще не случившиеся события посредством видений и предсказаний.

Пространство произведения фэнтези часто имеет больше измерений, чем пространство нашей действительности. Границы художественного фэнтезийного «топоса» могут изменяться, примером чего служит внутреннее пространство «Канцелярии Мрака», расположенной на большой Дмитровке, которое имеет значительно больший объем, чем это позволяют законы нашего мира:

— Это где? — с большим сомнением спросил Мефодий. — В центре города. И одновременно чудовищно далеко от Москвы. Видишь ли, когда в игру вступает пятое измерение, картина мира резко меняется. Далекое нередко приближается, а ближнее отодвигается. Например, Камчатка и Кремль оказываются почти в одной точке, а от твоей ноздри до глаза нужно неделю ехать на поезде [Емец 2017, с. 74].

Художественное время фэнтези (как и время нашей реальности) является одной из важнейших составляющих картины мира [Конькова 2016, с. 151]. Оно также характеризуется большей гибкостью и может протекать с иной скоростью, чем время нашей действительности, как это происходит, в частности, в романе «The Lion, the Witch and the Wardrobe» английского писателя К. С. Льюиса который четко обозначает разницу между нарнийским и обычным лондонским временем:

I should not be at all surprised to find that the other world had a separate time of its own; so that however long you stayed there it would never take up any of our time [Lewis 2001, c.132].

С художественным временем неразрывно связаны понятия темпоральности (течения событий во времени) и ритма (временной повторяемости событий) [Темирболат 2009, с. 6]. По мнению А. Б. Темирболата, любые изменения, происходящие в художественном континууме, влияют на скорость течения времени и смены событий в романе. Так, темпы жизни персонажа, который не спит, а работает ночью, возрастают:

Чем более насыщен событиями изображаемый писателем временной промежуток, тем стремительнее темп их течения [Темирболат 2009, с. 68].

Для разных персонажей время может протекать по-разному в рамках одного произведения, например: дети, вернувшиеся из волшебной страны Нарнии, прожили в ней достаточно долгий временной период, в то время как для персонажей, не покидавших английскую действительность, прошло лишь несколько секунд:

So these Kings and Queens entered the thicket, and before they had gone a score of paces they all remembered that the thing they had seen was called a lamp-post, and before they had gone twenty more the noticed that they were not making their way through branches but through coats. And the next moment they all came tumbling out of a wardrobe door in the the empty room, and they were no longer Kings and Queens in their hunting array but just Peter, Susan, Edmund and Lucy in their old clothes. It was the same day and the same hour of the day on which they had all gone into the wardrobe to hide [Lewis 2001, c. 196].

Жизнь некоторых персонажей произведений фэнтези связана с одним миром, другие могут свободно перемещаться между пространственно-временными континуумами различных миров. Например, создатель Нарнии Лев Аслан способен присутствовать в различных временных реальностях, не только в волшебной стране, но и за ее пределами:

Are-are you there too, Sir?" said Edmund. "I am," said Aslan. "But there I have another name. You must learn to know me by that name [Lewis 2001, c. 541].

Таким образом, можно сделать вывод, что на фоне общего, единого для всех героев, времени-пространства, в романах фэнтези сосуществуют отдельные личные хронотопы отдельных персонажей. Пространственно-временные континуумы одушевленных персонажей, в свою очередь, пересекаются с хронотопами существующих в произведениях реальностей и локаций. Например, в фэнтезийном романе М. Семеновой «Волкодав» главные персонажи (Волкодав, Тилорн, Ниилит, Эврих) имеют свои индивидуальные личностные хронотопы (индивидуальное восприятие героями романного временипространства в рамкахих жизненного пути в художественном миреромана), которые проходят через ряд локаций, которые, в свою очередь, обладают собственными пространственно-временными характеристиками. Это относится, в частности, к таким локациям, как Самоцветные Горы, замок людоеда, Галирад, Туманная скала, дорога и другие точки пространства романа.

Основной хронотоп произведения может иметь как линейное, так и нелинейное направление с присущими ему темпоральными сдвигами в прошлое или будущее. Для жанра фэнтези характерна

нелинейность хронотопа, поскольку неравномерное течение времени создает динамизм, необходимый для фэнтезийного романа.

На фоне уникальности пространственно-временной организации каждого произведения в структурном отношении хронотопы всех фантастических миров обладают схожими чертами: читатель сталкивается с пространственно-временными аномалиями («московская квартира» в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова [Булгаков 2003, с. 264–265], «Врата» в романе «Волкодав» М. Семеновой [Семенова 1996, с. 568]); встречается с вымышленными существами(гигантские муравьи в романе «Плутония» В. А. Обручева [Обручев 1995, с. 176], Голлум в романе «Хоббит» Дж. Р. Толкиена [Тоlkien 2008, с. 91]). Однако реальность фэнтези имеет важное отличие от художественных континуумов произведений других фантастических жанров. Анализ фэнтезийных романов на предмет выявления принципов организации их художественных миров позволяет говорить о специфике фэнтезийной реальности, которая, в свою очередь, определяет особенности хронотопа фэнтезийного романа.

Ключевую роль в создании художественного пространства жанра фэнтези играет наличие в мире произведения волшебства или магии. Это означает, что фэнтезийный хронотоп возможен только в совокупности с волшебной силой. Наиболее интересное и точное определение понятия «магия», дал, на наш взгляд, основоположник жанра фэнтези Дж. Р. Толкиен:

Магия – это набор определенных приемов; ее цель – власть в нашем мире, господство над неживыми предметами и волей живых существ [Толкин 1992, с. 23].

Для сравнения заметим, что в научно-фантастических произведениях магия не укладывается в рациональную картину мира, и любое «волшебство» имеет свое научное объяснение, следовательно, вера в магию получает статус суеверия и превращается в удел необразованных слоев населения. Например, в романе В. А. Обручева «Земля Санникова» люди из племени онкилонов называли членов экспедиции колдунами и обвиняли их в обрушившихся на племя стихийных бедствиях:

Нужно покончить с белыми колдунами. Мы приняли их как почетных гостей, дали им жилище, пищу и молодых женщин. Они заплатили нам неслыханными бедствиями <...>. Верно ли все это, онкилоны? [Обручев 1995, с. 262]

В контексте научно-фантастического произведения восприятие аборигенами белых людей как колдунов свидетельствует о суеверии мышления племенных народов. Иными словами, жанровые характеристики научной фантастики определяют характер создаваемых художественных образов: белые люди не могут быть магами, поскольку магия в научной фантастике исключена.

В свою очередь для обитателей мира фэнтези магия представляет собой не способ объяснения непонятных событий реальности, но истинную и неотъемлемую часть пространственно-временного континуума, не требующую никакого объяснения данность. Магия играет роль универсального инструмента, с помощью которого видоизменяется реальность, и ход событий направляется в нужное русло. Фэнтезийный жанр свободен от необходимости рационального объяснения устройства вымышленной реальности. Например, К. С. Льюис не считает нужным комментировать свойства волшебного рожка Сьюзан и не раскрывает механизм воздействия магического эликсира Люси. Предметы сами по себе наделены особой волшебной силой, которая не является следствием научно-технического прогресса, но существовала всегда на правах закона пространственно-временного континуума:

And when you put this horn to you lips and blow it, then, wherever you are, I think help of some kind will come to you [Lewis 2001, c. 160].

In this bottle," he said, "there is a *cordial* made of the juice of one of the fire- flowers that grow in the mountains of the sun. If you or any of your friends is hurt, a few drops of this will restore them [Lewis 2001, c. 160].

Рассмотренные характеристики пространственно-временной организации фэнтезийного романа, а именно — динамичность изложения (динамизм), наличие вымышленных локаций (вымышленный топос) и присутствие магии, определяют специфику фэнтезийного хронотопа и получают в тексте разнообразные способы вербализации. В рамках развиваемой нами концепции характерная для фэнтези лексика распадается на лексические маркеры разных типов. Лексика, соотносимая с фэнтезийным хронотопом, распадается на три группы: лексические единицы, маркирующие магию, динамизм и фэнтезийное пространство. Далее остановимся более подробно на вопросе о средствах вербализации трех существенных признаков хронотопа.

Справедливым представляется мнение о том, что насыщенность действиями сообщает художественной реальности динамичность [Темирболат 2009, с. 68]. В произведениях фэнтези динамичность является важной характеристикой организации пространственновременного континуума и выражается на лексическом уровне посредством использования лексических единиц, ассоциированных с данными особенностями. Роль данных единиц могут выполнять маркеры, т. е. лексика, репрезентирующая какие-либо действия (например, глаголы движения или описывающие движение прилагательные). Это хорошо видно на примере отрывка из фэнтезийного романа С. Лукьяненко «Ночной дозор». Приводимая цитата изобилует глаголами движения (согнулся, вонзился, подрубил, кинулся), что репрезентирует высокую динамику описываемых событий:

Завулон согнулся и издал хрипящий звук, когда мой — или Ольги — кулак вонзился ему в живот. Ударом ноги я подрубил ему колени и кинулся на улицу [Лукьяненко 2017, с. 198].

Вторая группа лингвистических маркеров охватывает средства вербализации присутствующей в произведениях фэнтези магии. Магизм художественного произведения находит свое отражение в богатом наборе ассоциированных с магией слов-маркеров:

– Белые маги? Чудесно! Темные маги? Замечательно!.. Но мы забыли о тех, чьи силы во много раз превосходят нашу ворожбу и наши заклинания! [Емец 2017, с. 10].

Как видно из цитаты, роль маркеров, обозначающих данный признак фэнтези, также могут выполнять лексические единицы, называющие не саму магическую силу, но человека или предмет, которые с ней связаны (белые маги, темные маги, заклинание).

Третья группа лингвистических маркеров включает в себя лексические единицы, называющие фэнтезийные пространства, например топонимы вымышленной местности, названия государств, городов, политических учреждений, ассоциирована с топосами фэнтези, а, следовательно, будет его репрезентировать:

Maybe we'll end the war, and the Imperial Order, right here and now [Goodkind 1997, c. 140].

Наличие в текстах произведений данного жанра характерных маркеров дает основания полагать, что границы жанра заданы лексически.

Поскольку маркеры топосов связаны с определенным пространством, их роль заключается в обозначении границ фэнтезийных хронотопов. Маркеры магии, в свою очередь, ассоциированы с силой, действующей в рамках данного пространства, следовательно, «магическая» лексика в наибольшей степени определяет характер хронотопов.

Таким образом, хронотоп фэнтези обладает спецификой, которая заключается в нелинейности течения времени, наличии фэнтезийных топосов и присутствии в мире произведения магии. Данная спецификавербализуется с помощью рассмотренных намитрех видов лексических маркеров, которые очерчивают границы фэнтезийного пространства и определяют уникальность фэнтезийного континуума (маркеры магии). Наиболее важной составляющей мира фэнтези является магия, само наличие которой необходимо для фэнтезийной реальности и служит опорой для создания фэнтезийных хронотопов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М. : Книга по Требованию, 1986. 541 с.
- *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита : Роман. Рассказы. М. : Эксмо. 2003. 672 с. *Емец Д.* Маг полуночи. М. : Эксмо, 2017. 416 с.
- Конькова А. С. Реализация текстовой категории темпоральности в ток-шоу как типе дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 5 (744): Современные языки в межкультурной коммуникации. С. 150—158. (Лингвистика.) URL: libranet. linguanet.ru/prk/Vest/5_744.pdf
- Косиченко Е. Ф. Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста [Текст] : монография / Е. Ф. Косиченко ; Минво образ. и науки РФ ; ФГБОУ ВО МГЛУ. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 292 с.
- Косиченко Е. Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 354 с. Лукьяненко С. В. Ночной дозор. М.: ACT, 2017. 352 с.
- Ноздрина Л. А. Актуализация—Актуализаторы: явления и структуры грамматики текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 20 (731): Германистика: перспективы развития. С. 53–59. (Языкознание и литературоведение.) URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest15-731z.pdf
- Обручев В. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Плутония: роман; Золотоискатели в пустыне: роман; Рассказы. М.: Терра, 1995. 576 с.

Обручев В. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Земля Санникова: роман; Рудник «Убогий»: роман; Тепловая шахта: повесть. М.: Терра, 1995. 576 с.

Семенова М. Волкодав. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 592 с.

Темирболат А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Монография. Алматы: Ценные бумаги, 2009. 504 с.

Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках. Стихи и повести. М., 1992. 314 с.

Goodkind T. Temple of the winds. NY, 1997. 826 p.

Lewis C. S. The Chronicles of Narnia. Harper Collins, 2001. 768 p.

Tolkien J. R. R. The Hobbit. Harper Collins, 2008. 390 p.

УДК 81'42

Е. Д. Чулкова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: chulkova.evdokia@amail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ЖАНРЕ ШПИОНСКОГО РОМАНА

В статье проводится анализ шпионских романов, направленный на установление роли топонимических средств языка в создании оппозиции «свой – чужой» – базовой оппозиции любого шпионского романа. Данная оппозиция рассматривается во всех областях социокультурной жизни как бинарная, поскольку она основана на двух противоположных понятиях и является универсальным средством рационального описания мира. На основе бинарной оппозиции «свой-чужой» человек способен воспринимать и обрабатывать информацию об окружающем мире. Данная оппозиция проявляется в языке, в поведении и речи людей, именно поэтому она широко исследуется в лингвистике. Будучи универсальной категорией, оппозиция «свой – чужой» часто актуализируется в произведениях художественной литературы. В шпионских романах средствами ее репрезентации в первую очередь являются имена собственные: антропонимы и топонимы. В центре внимания данной статьи оказываются топонимы. Для обозначения совокупности топонимов, используемых в одном произведении художественной литературы, используется термин «топонимикон». Обращение к топонимикону шпионских романов показывает, что оппозиция «свой - чужой» реализуется в художественном тексте благодаря «игре» с топонимами, которая заключается, главным образом, в частой смене локаций, названия которых обладают социокультурной значимостью, а также в использовании вымышленных топонимов. Примером служит, в частности, роман Л. Дейтона «Досье Ипкресс», в котором главный герой по мере развития сюжета оказывается сначала в Лондоне, затем участвует в спецоперации в Ливане, позже перемещается на побережье Тихого океана. Такая обширная география коррелирует с профессией главного героя – агента британской разведки – и способствует реализации базовой оппозиции «свой – чужой». Топонимиконы анализируемых романов также характеризуются способностью топонимов приобретать в тексте произведения художественной литературы новые коннотации, тем самым участвуя в образовании новых социокультурных реалий. Например, существует мнение, что словосочетание Cambridge Circus, придуманное Дж. Ле Карре (J. Le Carré) в романе «Шпион, пришедший с холода» для обозначения генштаба британской разведки, стало настолько популярным после публикации романа, что вскоре окончательно закрепилось в английском языке как название этой организации. В результате проведенного анализа в статье доказана необходимость разграничения топонимов двух типов, а также определены основные функции данных единиц языка в художественном тексте.

Ключевые слова: жанр; шпионский роман; структура текста; имя собственное; «свой – чужой».

E. D. Chulkova

Postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics of MSLU; e-mail: chulkova.evdokia@qmail.com

FUNCTIONAL ASPECTS OF TOPONYMS IN THE SPY FICTION GENRE

The article provides an analysis of two spy novels, which is aimed at establishing the role of toponymicnames in the creation of the binary opposition «Self – Other» regarded as the basic socio-cultural opposition. The opposition in question helps to perceive and process incoming information and manifests itself in language, behavior and speech. The opposition «Self - Other» is actualized in fiction, particularly, in spy novels with the help of a whole variety of linquistic means including toponyms that lay the basis for this study. In the article a new term «toponymicon», defined as a total of toponyms used in a novel, is coined. An analysis of toponymicons of two spy novels reveals that the opposition in question is actualized by frequent change of places that have a sociocultural significance and by the use of invented toponyms. Another significant feature of toponyms is their ability to acquire new connotations and to contribute to the creation of new socio-cultural realities. The present analysis relies on examples from the spy novels «The Spy Who Came in from the Cold» by J. le Carré and «The Ipcress File» by Len Deighton. The received data show that it is necessary to distinguish between two types of toponyms – those borrowed from languages and those invented by authors; moreover, the functions performed by toponyms in fiction are defined.

Key words: genre; spy novel; text structure; personal name; «self – other».

Изучение романа как особого литературного жанра имеет долгую историю и отмечено многочисленными работами ученых, среди которых следует выделить философа и лингвиста М. М. Бахтина, заложившего основы научных исследований в области отечественного и мирового жанроведения.

М. М. Бахтин сравнивает изучение жанра романа с изучением живых, молодых языков, в то время как изучение других жанров он приравнивает к мертвым языкам с уже устоявшимися правилами. Эта идея получила развитие в более поздних и современных работах по литературоведению и лингвистике текста. Однако, по мнению М. М. Бахтина, существуют определенные трудности в формулировании жанра романа, так как роман не имеет строго сформировавшегося канона, это «единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров» [Бахтин 1975, с. 447]. Роман гибок, изменчив, «он более глубоко, существенно, чутко отражает становление самой действительности, он лучше всего выражает тенденции

становления нового мира» [Бахтин 1975, с. 451]. В этом, по мнению ученого, заключается основная трудность изучения жанра романа.

Известно, что на сегодняшний день предложены многочисленные классификации романов и определены критерии выделения разных поджанров [Бахтин 2012; Томашевский 1999]. Вместе с тем отмечается, что роман как жанр характеризуется единством ряда признаков, которые сам М. М. Бахтин предлагал рассматривать как «оговорочные», справедливо полагая, что «исследователям не удается указать ни одного определенного и твердого признака романа без такой оговорки, которая признак этот, как жанровый, не аннулировал бы полностью» [Бахтин 1975, с. 452—453]. В частности, М. М. Бахтин выделил следующие «оговорочные» признаки:

- 1) роман многоплановый жанр;
- 2) роман остросюжетный и динамический жанр;
- 3) роман проблемный жанр;
- 4) роман любовная история;
- 5) роман прозаический жанр.

Н. Д. Тамарченко развивает мысль М. М. Бахтина и пишет о сосуществовании «противоположных структурных особенностей» в романе. Исследователь выделяет особый механизм, «который позволяет – при всей изменчивости [романа] – не утрачивать собственную идентичность». Такой механизм характеризуется как устойчивая ситуация авторского выбора [Тамарченко 2011, с. 62]. Н. Д. Тамарченко отмечает, что несмотря на гибкость, роман «способен оставаться собой, не смешиваясь с другими жанрами», какими бы близкими они ни были [Тамарченко 2011, с. 65].

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что роман — это постоянно меняющийся литературный жанр, который, однако, обладает некоторыми устойчивыми признаками, что дает возможность выделить определенные особенности организации пространства и времени, существенные для данного жанра.

Современные исследователи выделяют следующие разновидности романа: исторический, реалистический, авантюрный, философский, фантастический [Литературный энциклопедический словарь 1987, с. 330].

Согласно Литературному энциклопедическому словарю авантюрный, или приключенческий, роман — это роман, для которого

характерны «стремительность развития действия, переменчивость и острота сюжетных ситуаций, накал переживай, мотивы похищения и преследования, тайны и загадки» [Литературный энциклопедический словарь 1987, с. 305]. К авантюрным романам можно, на наш взгляд, отнести детективный и шпионский.

Шпионский роман зарождается в начале XIX в., однако со временем эволюционирует, приобретая новые черты и признаки. Известно, что своего пика данный жанр достигает после Второй мировой войны как литературная рефлексия на политическую конъюнктуру в условиях биполярного мира.

Существует мнение, что шпионский роман образовался внутри детективного романа, а затем «перерос» его рамки и сформировался в отдельный жанр, став «самостоятельным явлением, концентрирующим вокруг себя другие «оболочки», например, роман-экшн, документальный шпионский роман и другие жанровые разновидности» [Москаленко, Соина 2017, с. 153].

Однако мы придерживаемся противоположной точки зрения, высказанной А. Н. Саруханян в рамках статьи «Шпионский роман» в Энциклопедическом словаре английской литературы XX в. Согласно исследователю, в отличие от детектива основу шпионского романа составляет политическая интрига. Антагонист шпионского романа известен с самого начала читателю, а в детективе его сущность раскрывается в самом конце повествования [Энциклопедический словарь ... с. 504].

Мы, в свою очередь, считаем возможным выделить еще два существенных признака шпионского романа. Во-первых, это обязательная актуализация в тексте оппозиции «свой — чужой», которая активно участвует в реализации идеологического содержания романа данного жанра. Другим важным элементом шпионского романа является игра с именами собственными — как наименованиями людей (антропонимами), так и географическими названиями (топонимами). Игра с антропонимами реализуется в перемене имен собственных, которые способны кодировать важное социокультурное знание о шпионской деятельности, основанной на противопоставлении различных идеологий. Аналогичным образом игра с топонимами заключается в частой смене локаций, обладающих, как правило, устойчивыми социокультурными коннотациями.

При трактовке имен собственных, в частности, топонимов, мы разделяем точку зрения Е. Ф. Косиченко, полагающей, что имена собственные характеризуются высокой информативностью за счет таких факторов, как «особенности образного мышления автора, исторические условия, в которых создавалось произведение, сюжетная линия, текстовые реминисценции и др.» [Косиченко 2014, с. 118].

О. Н. Буцкая, в свою очередь, отмечает, что «географические названия не ограничиваются называнием объекта, но, имея сложную структуру значения, содержат компонент, являющийся главным вместилищем национально-культурной информации» [Буцкая 2017, с. 32], что позволяет предположить, что топонимы выступают способом фиксации освоения мира и опыта человека, а также служат для актуализации базовых бинарных оппозиций.

В данной статье мы рассматриваем два классических шпионских романа периода «холодной войны»: «Шпион, пришедший с холода» Дж. ле Карре и «Досье Ипкресс» Лена Дейтона с целью установить, каким образом топонимикон (совокупность топонимов, используемых в романе) актуализирует базовую оппозицию «свой — чужой» и реализует, таким образом, свой жанрообразующий потенциал.

Роман «Шпион, пришедший с холода» был написан в 1963 г., в разгар «холодной войны» между СССР и США, спустя два года после возведения Берлинской стены. В рассматриваемом романе важным приемом создания художественных образов и реализации его идейнохудожественного содержания является смена имен главного героя и перемена мест действия (Лондон, Гаага, Берлин).

По сюжету главному герою романа АлекуЛимасу, агенту британской разведки, дают последнее, но очень важное задание уничтожить главу контрразведки ГДР Ганса Дитера Мундта. На протяжении всего романа данный персонаж выступает под различными масками и использует имена для прикрытия, как, например, инженер Роберт Лэнгиз Дерби, военно-морской инженер Стефан Беннет из Плимута, тур-агент Александр Твейт. Его основная задача — войти в доверие врага, стать своим среди чужих. Для реализации данной задачи герой выбирает наименее примечательные названия местностей. Например, город Дерби (Derby), расположенный в регионе Восточный Мидленд (East Midlands) является типичным английским городом, одним из промышленных центров Великобритании, что определяет выбор

профессии Лимаса, который в определенный момент представляется как инженер.

Город *Плимут* (*Plymouth*) расположен на юге Великобритании, омывается проливом Ла-Манш. Рядом находится военно-морская база Королевского флота. Главный герой романа, выступая под вымышленным именем Стефан Беннет, позиционирует себя как военно-морской инженер, что коррелирует с местом его происхождения и не вызывает сомнений в его искренности. Благодаря этому образу Лимасу удается не привлекать к себе пристальное внимание контрразведки и на время стать своим среди чужих.

Отметим, что Лимас работал в странах, которые не поддерживали открыто ни одну из двух супердержав периода времен «холодной войны».

Peters ... asked: 'What names did you used in *Copenhagen and Helsinki*?'

Robert Lang, electrical engineer from Derby. That was in *Copenhagen* [Le Carré 2011, c. 99].

And for *Helsinki*, what name? Stephen Bennet, marine engineer from *Plymouth* [Le Carré 2011, c. 100].

Копенгаген и Хельсинки в период противостояния Востока и Запада являлись излюбленными местами для шпионажа по двум причинам: во-первых, потому что они расположены близко к Германии, Великобритании и СССР, что облегчало работу и внедрение агентов на вражеские территории; во-вторых, они обладали нейтральной позицией по отношению к противоборствующим государствам. Этим также объясняется желание главного героя остаться жить после окончания службы в Скандинавских странах, сменив паспорт и фамилию.

What do you suggest?

A new identity. Scandinavian passport perhaps. Money [Le Carré 2011, c. 106].

Другим городом, куда Лимас приезжает на допрос перед тем, как отправиться в логово врага (Восточный Берлин), является Гаага. Отметим, что в романе Гаага выступает неким «перевалочным пунктом», рубежом между территорией, где главный герой чувствует себя «сво-им», в безопасности (Лондон) и территорией своего основного врага Мундта, где он ощущает себя чужаком.

Обратимся также к названиям улиц и мест в романе, которые заимствованы автором из топонимиконов различных государств, что создает эффект реалистичности, характерный для шпионского романа.

Bywater street – улица в центре Лондона, на которой проживает начальник Лимаса Джордж Смайли (George Smiley), идейный вдохновитель и создатель плана по внедрению и перевербовке Лимаса восточногерманскими агентами. Обращение к карте Лондона показывает, что улица Bywater street является тупиком. Это дает возможность предположить, что адрес был выбран не случайно, поэтому сильно затрудняет слежку вражеских спецслужб за агентами британской разведки.

George Smiley knew the case well. <...> He lives in Chelsea, just behind Sloane Square. Bywaterstreet, doyouknowit? [Le Carré 2011, c.19].

Dolphin Square — площадь в центральном районе Лондона, на которой располагается большой многоквартирный дом. На карте города видно, что площадь находится рядом с Британским парламентом и штаб-квартирами британской разведки (МІб) и контрразведки (МІ5), что позволяет считать это излюбленным местом шпионов и вражеских агентов. Именно в этом доме остановился один из агентов восточногерманской разведки Эш (Ashe).

Ash had a flat in Dolphin Square. It was just what Leamas had expected – *small and anonymous* with a few hastly assembled curios from Germany: beer mugs, a peasant's pipe and a few pieces of second-rate Nymphenburg [Le Carré 2011, c. 61].

Помимо этого в романе также встречаются реально существующие топонимы, которые, однако, на самом деле относятся совсем к другим локациям или объектам.

Cambridge Circus – площадь в центральном районе Лондона, где по сюжету находится генштаб британской разведки. Отметим, что в романе генштаб называют по месту его расположения – the Circus. На самом деле местоположение главного здания британской разведки менялось несколько раз, а в настоящий момент его ассоциируют с районом Воксхолл (Vauxhall) в Лондоне. Существует мнение, что после выхода романа в свет генштаб МІ6 действительно стали называть the Circus, т. е. наблюдается обратный процесс заимствования, когда не художественная литература заимствует имена и названия из

ономастиконов и топонимиконов некоторого языка, а напротив, придуманные автором имена и названия приживаются и активно используются в языке.

Ten years ago he could have taken the other path – there were desk jobs in that anonymous government building in *Cambridge Circus*... [Le Carré 2011, c. 10].

Wasn't he in *the Circus* during the war? [Le Carré 2011, c. 55].

Роман «Досье Ипкресс» был написан Л. Дейтоном в 1962 г. и относится к романам, посвященным противостоянию Востока и Запада. По сюжету главному герою романа, агенту британской разведки, поручают обезвредить лидера подпольной организации, занимающейся зомбированием и переманиванием известных ученых на советскую сторону. География романа очень общирна: действие разворачивается в Лондоне, Ливане и на побережье Тихого океана, что коррелирует с профессией шпиона и способствует созданию эффекта реалистичности.

Отметим, что подпольная организация, занимающаяся «промыванием мозгов», расположена в доме по улице *Acacia Drive*. Карта Лондона свидетельствует о том, что таких улиц в городе несколько, велико их количество также и по всей стране. За названием *Acacia Drive* не закреплены социокультурные коннотации, что делает его по сути нейтральным, и можно предположить, что именно данный факт послужил причиной того, что подпольная организация выбрала это место, так как это позволяет легко скрываться от британской разведки.

Acacia Drive was a wide wet street in one of those districts where the suburbs creep stealthily in towards Central London [Deighton 2015, c. 86].

Как показывают проанализированные примеры, топонимикон шпионских романов представлен топонимами двух типов: заимствованными и вымышленными. В функциональном плане заимствованные топонимы выступают средствами создания реалистичности, достоверности описанных событий, эффекта присутствия, в то время как вымышленные в большей степени способствуют созданию интриги и напряжения. Отметим, что все топонимы, независимо от их принадлежности к одной из двух выделяемых групп, способствуют пространственной и отчасти временной организации произведения и, таким образом, участвуют в его жанровом построении.

Другим фактором, напрямую связанным с функционированием топонимов в тексте и обеспечивающим жанровую организацию шпионского романа, является участие топонимов в актуализации базовой оппозиции «свой – чужой». Данная оппозиция реализуется благодаря игре с именами собственными, в частности перемене названий местностей, за которыми закреплены социокультурные коннотации.

Особый интерес представляет способность топонимов приобретать в тексте произведения художественной литературы новые коннотации и в дальнейшем актуализировать данные коннотации при употреблении топонима в языке, тем самым способствуя образованию новых социокультурных реалий. Важно, что данный процесс образования новой реалии может привести к тому, что топоним будет восприниматься как средство актуализации оппозиции «свой — чужой» также за пределами конкретного романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
- *Буцкая О. Н.*Топонимы-логоэпистемы в современном русском речеупотреблении [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 8 (780). С. 31–40. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/8 780 GM.pdf
- Косиченко Е. Ф. Знаковость личного имени в художественном тексте: вопросы референции и смыслоформирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 9 (695): Актуальные проблемы литературного перевода. С. 116—126. (Языкознание.)
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
- Москаленко О. А., Соина А. С. Шпионский роман как типичный жанр массовой литературы XXI века [Электронный ресурс] / Москаленко О. А., Соина А. С. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2017 (август). № 8. С. 152–156. URL: www.nauteh-journal.ru/index. php/ru/--gn17-08/3618-а (Гуманитарные науки).
- Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. Д. Тамарченко [и др.]. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.

- *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1999. 334 с.
- Энциклопедический словарь английской литературы / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН; под ред. А. П. Саруханян. М.: Наука, 2005. 541 с.
- Deighton Len. The Ipcress File. e Pub Harper Collins Publishers Ltd, 1 London Bridge Street, London SE1 9GF, 2015. 252 pp.
- *LeCarré John*. The Spy Who Came in from the Cold. Penguin Books Ltd, Registered Offices: 80 Strand, London, 2011. 271 pp.

УДК 81'23

Д. А. Афанасик

аспирант каф. английского языка ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; тел.: +7 (929) 574-40-18

КОНЦЕПТ «БРАК» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор статьи исследует структурно-содержательный компонент динамики концепта «брак», сравнивая содержание ассоциативных полей слова-стимула брак у носителей русской лингвокультуры 1980-1990-х гг. с данными современного ассоциативного эксперимента. Экспериментальные данные верифицировались дефиниционным анализом лексемы брак. Ядерные и периферийные реакции сравнивались по следующим параметрам: количество ассоциатов, их разнообразие, коэффициент вариативности. Сравнение показало, что ядро ассоциативного поля концепта «брак», по данным 2017 г., очевидно отличается от своего состава по данным 1990-х гг.: в нем актуализируется содержательный компонент «ритуальные действия, связанные с заключением брака» и «эмоционально-оценочные реакции». Количество смысловых компонентов и вариативность реакций в ближней и дальней периферии ассоциативного поля увеличиваются, что указывает на расширение структурно-содержательной специфики данного концепта. Усиление количества оценочных реакций, в том числе негативных, может свидетельствовать о начале изменения коннотации лексемы. Актуализируется и антонимическая лексема развод, что говорит о некотором снижении социальной ценности института брака.

Ключевые слова: лингвокультура; ассоциат; респондент; ассоциативное поле; эксперимент; концепт; сема.

D A Afanasik

Postgraduate Student of the English language Department of the Federal State-funded Military Educative Institution of Higher Education "Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

THE CONCEPT "MARRIAGE" IN THE CONSCIOUSNESS OF BEARERS OF THE MODERN RUSSIAN LINGUOCULTURE: THE DYNAMIC ASPECT

The author of the article explores a structural and substantive component of dynamic of the concept "marriage", comparing the content of associative fields of the word-incentive *marriage* in Russian linguoculture of the 90's with the information

of the modern associative experiment. Experimental data was verified by definition analysis of the lexeme *marriage*. Kernel and peripheral reactions were compared on the following parameters: the quantity of associates, their diversity and the coefficient of variety. The comparison showed the evident difference of the kernel of the concept's associative field in 2017 from its content of the 90's: the substantive components of ritual marriage actions and emotional evaluative reactions are actualized there. The quantity of the semantic components and the variety of reactions in the nearby and distant periphery of the associative field grow, which points to the extension of the concept's structural and substantive specific character. The rise of the evaluative reactions' number, including negative ones, can attest to the beginning of changes in the connotation of the lexeme. Also the antonym lexeme "divorce" is actualized, which points to some decrease of the social value of the marriage institute.

Key words: linguoculture; associate; respondent; associative field; experiment; concept; seme.

Объектом исследования в настоящей статье является концепт как ментальная единица, обозначающая определенный фрагмент знания, репрезентированный словом, предметом – специфика структуры и содержания концепта – базовой ценности, обозначенной лексемой *брак*, в русской лингвокультуре.

Цель работы — установить содержание и структурное соотношение компонентов структуры концепта, обозначенного лексемой *брак*, на основе экспериментального изучения состава ее ассоциативного поля (далее — АП). Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих задач: изучение содержания и динамики лексического значения слова *брак* по данным толковых словарей русского языка; исследование и анализ психологически актуальных значений, связанных с ассоциированием лексемы *брак* по данным ассоциативных словарей русского языка; проведение свободного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка для выявления психологически актуальных связей изучаемой лексемы; сравнение ассоциативных полей лексемы по данным словарей и ассоциативного эксперимента.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, значимостью брака как важного социального института в большинстве современных культур и необходимостью установления его специфики в этих культурах, с другой — важностью установления специфики концепта как междисциплинарной единицы научного анализа, не получившей пока единообразного толкования в современной лингвистике,

наконец, необходимостью установления причин различий в образах мира носителей разных культур: моделируя содержание концепта, можно понять мотив деятельности индивида и представить систему ценностей общества в целом.

Дефиниционный анализ лексемы *брак* проводится на основе Малого академического словаря [Малый академический словарь 1999] и Толкового словаря Т. Ф. Ефремовой [Новый толковый словарь 2000]. Были избраны именно эти словари, так как они являются одними из наиболее полных толковых словарей русского языка, в большей степени отражающих его современное состояние.

- **БРАК**¹, -а, м. Семейный союз мужчины и женщины; супружество. Состоять в браке. Вступить в брак. Расторгнуть брак. □ Первым браком он был женат на богатой женщине. М. Горький, О Гарине-Михайловском.
- **БРАК**², -а, *м*. Недоброкачественные, с изъяном предметы производства \parallel Изъян, повреждение. *Чулок с браком*» [Малый академический ... 1999, с. 111].
- **БРАК**¹, *м*. Семейный союз мужчины и женщины; супружество.
- **БРАК**², м. 1.1. Испорченные или не соответствующие установленным требованиям промышленные изделия; недоброкачественный товар. 1.2. Что-л., признанное негодным для какой-л. цели из-за имеющихся недостатков. 2. Изъян, повреждение (на промышленном изделии, товаре) [Новый толковый ... 2000].

В толковых словарях отражена омонимия лексем 6рак 1 и 6рак 2. На основании представленных дефиниций делаем вывод, что в Малом академическом словаре и в словаре Т. Ф. Ефремовой выделяется одинаковое основное значение лексемы 6рак 1: «семейный союз мужчины и женщины»; качестве синонима оба словаря приводят одно и то же значение слова 6рак «супружество».

Выделив семантические компоненты лексем, представленных в словарных дефинициях, получаем совокупность концептуальных сем, составляющих значение слова «брак 1»: «семья», «союз», «мужчина», «женщина», «супружество». При этом коннотативные семы в значении слова отсутствуют, что указывает на его нейтральность в системе языка, но не отрицает возможности появления коннотаций

в речевой деятельности. **Дифференциальными семами** являются «семья», «супружество», все другие семы в составе выделенных — **интегральные**. Представим соотношение сем в значении слова схематически.

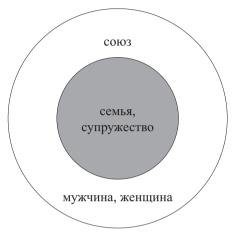


Рис. 1. Семный состав лексемы брак 1

Второе значение, указывающее на омонимичность лексем брак 1 и брак 2, — «недоброкачественный товар, изъян [Малый академический ... 1999, с. 111; Новый толковый ... 2000]. *Брак 1* образовано от древнерусского глагола бърати 'брать в жены', а *брак 2* заимствовано в XVII в. из немецкого языка, где *brack* 'недостаток, негодный товар', образовано от глагола *brechen* 'ломать'.

Сравним лексическое значение исследуемых лексем с данными Русского ассоциативного словаря (далее – PAC), отражающего актуальное содержание лексем для носителей русского языка 80-х гг. прошлого столетия. В нем представлены следующие реакции на слово «брак»: по расчету 15; по любви 8; свадьба 7; счастливый 4; в работе 3; по-итальянски 3; заводской 2; законный 2; любовь 2; навеки 2; постоянный 2; развод 2; семейный 2; семья 2; без брака; белый; благословить; бракосочетание; брейк; волнение; вступать; даль; действителен; деталь; дружный; заключается; и семья; изъян; кольцо; крепкий; между мужчиной и женщиной; между юношей и девушкой; муж; на небе; неизбежен = свадьба; некондиция; производительный; неудачный; пара; по; по-советски; премия; производительный;

производство; расторгнут; свадьбы; сделать; состоялся; сочетание; супруга; счастье; товарищ; фиктивный; формальный; халтурить; ценность; цепь; шара и железки (www.tesaurus.ru/dict/dict.php).

Проанализируем состав АП стимула брак. Общее количество реакций на стимул брак — 103, из них различных — 61, одиночных — 46 и один отказ.

Отграничим ассоциаты, данные на брак 2: в работе, заводской, бракодел, деталь, изъян, некондиция, премия, производительный, производство, сделать и условно ограничим ядро АП брак 1 частотностью 7. В этом случае АП слова-стимула брак по данным РАС схематически выглядит следующим образом:

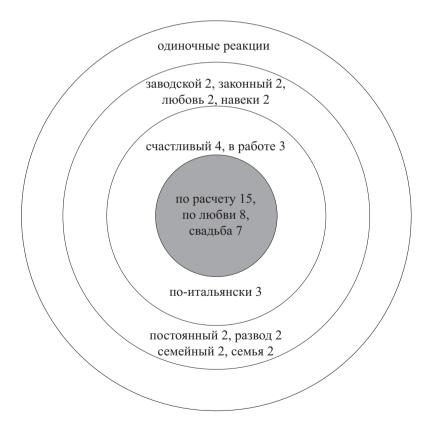


Рис. 2. Ассоциативное поле стимула брак (по данным РАС)

Полученные реакции можно классифицировать по характеру преликации:

- 1. Мотив вступления в брак: по расчету 15, по любви 8.
- 2. Понятийные реакции, актуализирующие определенные компоненты значения слова-стимула:
 - Участники бракосочетания: между мужчиной и женщиной, между юношей и девушкой, пара.
 - Статус по отношению к данному социальному институту: *семейный* **2**, *муж*, *супруга*.
 - Антонимическое противопоставление: развод 2.
- 3. Ритуальные действия, связанные с заключением брака: *свадь- ба* 7, *бракосочетание*, *свадьбы*, *сочетание*, *благословить*, *вступать*, *заключается*, *состоялся*, в том числе атрибутика бракосочетания: *кольцо*, *белый*.
- 4. Эмоционально-оценочные реакции: счастливый **4**, навеки **2**, любовь **2**, дружный, крепкий, несчастный, неудачный, волнение, счастье, неизбежен = формальный.
- 5. Культурно обусловленные реакции: *по-итальянски* 3, *посто-янный* 2, *по-советски*, *на небе*, *неравный*.
- 6. Операциональные: *законный* **3**, фиктивный, расторгнут, действителен.

Кроме того, среди ассоциатов отмечены реакции, данные на слово брак 2: без брака, некондиция.

В ядро слова-стимула брак входят реакции по расчету 15, по любеи 8, свадьба 7, в ближнюю периферию – по-итальянски 3, в работе 3, законный 3. Два самых частотных ассоциата относятся к мотиву вступления в брак, что может говорить о важности института брака в 90-х гг. прошлого века. Для носителей русской лингвокультуры 1980-х гг. оставался важным сам обряд проведения бракосочетания (свадьба).

Большое разнообразие реакций и большое количество единичных ассоциатов могут свидетельствовать об отсутствии общего представления о браке у большинства представителей русского этноса в XX в.

Для определения актуального психологического смысла, стоящего за словом «брак» в современной русской лингвокультуре, нами был проведен пилотный (ориентирующий) свободный ассоциативный эксперимент. В исследовании принимали участие 127 респондентов

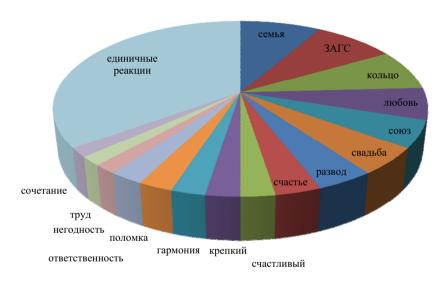
мужского и женского пола от 18 до 23 лет, получивших среднее и высшее образование. Подавляющим большинством опрашиваемых являлись студенты, что объясняется рядом существенных факторов, повлиявших на отбор группы респондентов: в эксперименте участвовали молодые люди из семей, принадлежащих к разным социальным группам общества разного материального достатка, находящихся в возрасте, продуктивном как в социальном, так и в речедеятельностном отношении. Ю. Н. Караулов пишет: «Возрастной состав испытуемых тоже имеет определенный смысл. Дело в том, что к указанному возрасту становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента. Содержательное наполнение (т. е. словарный запас, иерархия ценностных категорий, прагматические установки) языковой способности и ее формально-комбинаторные возможности у большинства людей остаются относительно стабильными на протяжении жизни [Русский ассоциативный словарь 2002, с. 8], имеющих приблизительно одинаковые социальные ценности. В эксперименте получено всего 127 реакций, из них различных реакций -57, одиночных -49, отказов -4:

Семья 10, ЗАГС 10, кольцо 9, любовь 7, союз 6, свадьба 6, развод 5, счастье 4, счастливый 3, крепкий 3, гармония 3, поломка 3, ответственность 3, негодность 2, труд 2, сочетание 2, замужество, изъян, сложно, венец, доверие, б/у, ипотека, событие, долгий, муки, свидетельство о браке, вечный, бремя, производство, семейная жизнь, документы, изделие, тоска, польза, дом, Индия, нога, заводской, ячейка общества, жизнь, поддержка, взаимопонимание, сердце, обязательство, служба, венчание, сосуд, сила, анкета, удача, сожительство, супружество, семейные узы, дети, Юля, возможность, женитьба, плохая вешь.

На первое по частотности место выходят реакции, связанные с ритуальными действиями по заключению брака, в частности $3A\Gamma C$ 10, свадьба 6, кольцо 9, свидетельство о браке, документы, сочетание 2, замужество, служба, венчание, женитьба. Значительно отличается по частотности параметр «понятийные реакции, актуализирующие определенные компоненты значения слова-стимула»: семья 10, союз 6, труд 2, семейная жизнь, жизнь, сожительство, ячейка общества, дети. При этом актуализируется та же антонимическая реакция

развод **5**, но ее частотность повышена в 2,5 раза, что может свидетельствовать о некотором упадке ценности института брака.

Повышается актуальность параметра «эмоционально-оценочные реакции»: любовь 7, счастье 4, ответственность 3, счастливый 3, крепкий 3, гармония 3, сложно, долгий, вечный, доверие, му́ки, бремя, тоска, польза, поддержка, взаимопонимание, обязательство. Можно полагать, что среди респондентов данной группы усиливается эмоциональное восприятие церемонии бракосочетания, связанное с внешней формой обряда. В реакциях, данных РАС, выявлено 7 положительных и 5 негативных оценок и эмоций, а по данным свободного ассоциативного эксперимента — 13 положительных и 7 негативных.



Puc. 3. Ассоциативное поле слова-стимула «брак» по данным эксперимента

Сопоставим ассоциативное поле слова-стимула *брак*, представленное в РАС, с результатами нашего свободного ассоциативного эксперимента. Параметры сопоставления – количественный и качественный состав концепта, вариативность ассоциатов.

Состав ядра концепта «брак» ограничим ассоциатами с индексом частотности не меньше 5. Следовательно, дифференциальными семами будут являться: семья 10, $3A\Gamma C 10$, кольцо 9, любовь 7, coюз 6, ceaдьба 6, paseod 5.

Количественный состав ядра, по данным свободного ассоциативного эксперимента, увеличился более чем в 2 раза: в РАС различных реакций было 3, а в нашем эксперименте — 7. Но по результатам анкетирования, частотность лексем, входящих в ядро, сократилась: самой большой частотностью обладают ассоциаты семья 10 и $3A\Gamma C$ 10, в то время как в эксперименте 1996 г. наибольшая частотность была 15 (по расчету 15). Разнообразие параметров реакций в ядре на 2017 год увеличилось: в него входят «понятийные реакции, актуализирующие определенные компоненты значения слова-стимула» (семья, союз и антонимическая реакция развод), «ритуальные действия, связанные с заключением брака» ($3A\Gamma C$, кольцо, свадьба), «эмоциональнооценочные реакции» (любовь).

При сравнении ядерных реакций, по данным ассоциативного словаря и свободного ассоциативного эксперимента, обнаружена одна совпадающая реакция — cвадьба, которая в 1996 г. встречалась 7 раз, а в 2017 г. наблюдается незначительное снижение — 6. Значит, в течение 20 лет отношение к ритуальному компоненту бракосочетания практически не изменилось.

Основой ассоциативного поля ядра у носителей русской лингвокультуры в 1996 г. был мотив вступления в брак (по любви, по расчету) и церемония бракосочетания (свадьба). В 2017 г. структура ядра в целом значительно изменилась, на первое место выходит уже не мотив вступления в брак, а его ритуальный компонент, что говорит о переоценке института брака.

По сравнению с концом прошлого века свадебный наряд претерпел множество коренных изменений. К середине 1990-х гг. в моду вошли платья типа «принцесса», предпочтения отдавались нарядам с длинными рукавами или рукавами-фонариками, обилием кружев и открытым лифом. На данный момент модные тенденции предлагают невестам выбирать элегантные платья, открывающие плечи, возможна вариация наряда с длинным рукавом или укороченной спереди юбкой. Платье уже не обязательно должно быть белого цвета – в моду вошли пастельные цвета. Современные невесты уделяют большое внимание деталям, дополняющим свадебный образ: букет, украшения, прическа, белье, туфли и макияж. Несмотря на тенденцию

минимализма в выборе аксессуаров, все нюансы продумываются до мелочей. В 2017 г. «бюджетная свадьба» в столице обходится в 500 тыс. руб. и ниже, свадьба от 700 тыс. до 2 млн руб. считается среднезатратной, а от 4 млн руб. и выше — дорогой. Значительно увеличилось количество разводов: по данным Росстата, в 2017 г. в России на 1000 заключенных браков приходится 829 разводов, но наблюдается некоторое снижение по сравнению с 2016 г. — 895.

Количественный состав ближней периферии в ассоциативном эксперименте увеличился, в нее входит 6 реакций с частотностью до 3: счастье 4, счастливый 3, крепкий 3, гармония 3, поломка 3, ответственность 3. Актуализируется параметр «эмоционально-оценочные реакции».

В дальнюю периферию включены реакции с индексом 2 и единичные реакции, которые отличаются высокой вариативностью и которые различаются по гораздо большему количеству параметров: понятийные реакции, актуализирующие определенные компоненты значения слова-стимула, ритуальные действия, связанные с заключением брака, эмоционально-оценочные реакции и др. Большое количество параметров может свидетельствовать о расширении структурносодержательной специфики данного концепта.

Резкое усиление количества оценочных реакций на слово *брак* можно объяснить желанием носителей русской лингвокультуры объяснить для себя феномен бракосочетания, отнести его к одной из категорий *хорошо/плохо*, *надо/не надо*. Но есть еще один важный момент: когда усиливается количество оценочных реакций на слово вообще и количество негативных реакций, в частности это означает, что началось изменение коннотации слова: «Динамика базовой ценности проявляется (1) в очевидном изменении коннотации слова, обозначающего данную реалию, (2) в прибавлении некоторых компонентов значения, (3) в утрате определенных компонентов значения, (4) в изменении тех же параметров их частотных ассоциатов и (5) в большом разбросе индивидуальных реакций (увеличении количества единичных ассоциаций)» [Хлопова 2017, с. 178].

Произошло изменение значимости структурных компонентов слова. Для представителей русской лингвокультуры остаются важными такие понятия, как *семья, союз* и *любовь*, но при этом, по сравнению с 1996 г., носители языка чаще связывают слово *брак* с внешними

атрибутами бракосочетания: ЗАГС, свадьба, кольцо. Социальная ценность института брака снижается. Это подтверждается, например, анализом частотности ассоциатов на лексему свадьба: платье 17, счастье 12. Несмотря на большую частотность ритуальных действий и эмоционально-оценочных реакций, внутреннее содержание лексемы по-прежнему остается важным, но, тем не менее, отодвинулось на второй план. Ослабевает ассоциация брака с явлением стабильным и продолжительным. Это может свидетельствовать о том, что при вступлении в брак молодожены все меньше задумываются о создании крепкой, прочной связи, рассматривая трудности в семейной жизни как проблемы, от которых можно избавиться при разводе. При возможности расторжения брака носители русской лингвокультуры уже не так сильно боятся найти «не того» человека, что приводит к ослаблению института брака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Малый академический словарь: в 4 т. / РАН; Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.
- Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с.
- Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. 1. От стимула к реакции. М. : АСТ-Астрель, 2002. 784 с. ; Т. 2. От реакции к стимулу. М. : АСТ-Астрель, 2002. 992 с.
- *Хлопова А. И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей : дис. . . . канд. филол. наук. М., 2017. 209 с.

УДК 81'23

О.В.Попова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: domoloi@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА «ИНТРОВЕРТ / ИНТРОВЕРСИЯ» В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ БРИТАНЦЕВ

(на основе британского национального корпуса)

Статья представляет собой попытку лингвокультурологического исследования процесса концептуализации научного термина «интроверт / интроверсия» обыденным сознанием носителей британской культуры. Под концептуализацией понимается приобретение научным понятием дополнительных смыслов, оценочных и ассоциативных компонентов, которые формируются под воздействием культурноэтнических доминант в ходе использования широкими массами носителей языка и соответствующей культуры. Задача данной работы – сопоставить языковую репрезентацию научного и обыденного сознания на основе анализа лексемы *ин*троверт, репрезентирующей одноименный ментальный образ и представленной в лексикографических источниках (толковых, энциклопедических и специализированных словарях) и в британском национальном корпусе. Цель исследования – определить, какие из элементарных единиц знания в структуре данного концепта были восприняты носителями британской лингвокультуры как значимые для повседневной жизни. На первом этапе исследования были проанализированы дефиниции терминов «introvert», «introversion», «introverted» в англоязычных лексикографических источниках разного типа и выявлен инвариантный компонент их семантической структуры: направленность на собственные мысли и чувства, а также отсутствие желания взаимодействовать с внешним миром. Анализ дефиниций выявил, что в научной картине мира отрицательные эмоции интроверта связаны с взаимодействием с любыми внешними факторами, в то время как в толковых словарях, более близких обыденному сознанию, интроверт предстает как человек, избегающий общения с другими людьми. Компонентный анализ словарных и энциклопедических дефиниций указывает на то, что, в представлении британцев, отношения интроверта с окружающими сопряжены с такими отрицательными эмоциями, как волнение, страх, смущение и стыд, что позволяет предположить, что в обыденном сознании носителей данной лингвокультуры образ интроверта имеет негативно окрашенные ассоциации. Предположение подтвердилось в ходе второго этапа исследования, который заключался в анализе данных британского национального корпуса (BNC), где были представлены практически все элементы, выделенные в ходе компонентного анализа словарных дефиниций. По корпусным данным, в обыденном сознании концепт introverted охватывает значительно более широкий диапазон эмоционально окрашенных черт, приписываемых интровертам, чем представлено в лексикографических источниках. К положительно оцениваемым свойствам интроверта можно отнести независимость. самодостаточность. мечтательность, склонность к умственной деятельности, отсутствие конфликтности, к отрицательным – эгоцентризм, равнодушие, неумение выстраивать отношения с окружающими, подверженность подавленному настроению и навязчивым идеям. В целом в эмоционально окрашенном компоненте семантической структуры лексемы *introverted* преобладает отрицательная оценка. Она проявляется не только в негативных коннотациях перечисленных компонентов, но и в ассоциативных связях, представляющих интроверсию как нездоровое качество. Результаты лингвокультурологического исследования указывают на высокую ценность человеческого общения для представителей британской культуры. На вербальном уровне это отражается в появлении отрицательных коннотаций в семантической структуре изначально нейтрального термина «интроверт».

Ключевые слова: лингвокультурология; обыденное сознание; научное сознание; интроверсия.

O. V. Popova

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: domolgi@rambler.ru

THE CONTENT OF THE TERM INTROVERT / INTROVERSION IN BRITISH EVERYDAY THINKING

(based on data from British National Corpus)

The article is a cultural linguistics study of the way introverts and introversion are conceptualized in British everyday thinking as opposed to the functioning of the term 'introversion' in scientific thinking. Research of lexicographic data combined with the study of data from the British National Corpus (BNC) confirms that the semantic structure of scientific terms acquires additional evaluative and associative components in the process of wider usage by the bearers of a specific culture. The article is aimed at revealing which elementary units in the semantic structure of the word 'introverted' are perceived as central by ordinary speakers of British English. The first stage of research focused on analyzing definitions of words 'introversion', 'introvert', introverted' in English language dictionaries so as to reveal common elements in their semantic structure and determine the difference in the understanding of the notion by specialists and non-specialists in psychology. It follows from the study that ordinary native speakers of British English tend to define introverts through their relations with other people, whereas the science of psychology defines introversion through an individual's attitude to the external world of things. According to BNC data in everyday British English the adjective 'introverted' is used to denote a wider range of referents than it is recorded in dictionaries. In psychology the term is neutral, while in everyday usage it acquires negative connotations: in the view of an ordinary British English speaker introverts' interactions with other people are associated with the negative feelings of fear, embarrassment and shame, and introverts themselves are perceived as selfish and lacking in communicative skills. Results of the study emphasize the importance of human interactions and ability to communicate with other people as one of the key values of British culture.

Key words: cultural linguistics; everyday thinking; scientific thinking; introversion; componential analysis; British culture.

Ввеление

В рамках современной антропоцентрической парадигмы языкознания важнейшей задачей становится изучение образов обыденного сознания, репрезентированных в вербальных единицах национальных языков. Такого рода исследования особенно значимы в области лингвокультурологии, поскольку именно логико-понятийный компонент обыденного сознания представителей той или иной лингвокультуры определяет способы категоризации мира в данном социуме [Корнилов 2000].

Обыденные и научные представления о мире часто разнятся. Научная и языковая картина мира, будучи принципиально не тождественными и являясь конструктами двух разных видов сознания (научного и обыденного), тем не менее, содержательно пересекаются, поскольку моделируются на основе единой системы национального языка [Караулов 1976]. При переходе отдельных понятий из научной сферы в область обыденного знания как содержание, так и особенности функционирования научных терминов могут претерпевать значительные изменения. Если согласиться с предлагаемым некоторыми лингвистами разграничением понятия и концепта, которое заключается в том, что понятие фиксирует общие и необходимые признаки денотата, позволяющие отграничить его от других денотатов, а концепт включает еще и эмотивно-оценочную, предметную и ассоциативную составляющие [Пищальникова 2005], можно сказать, что научное понятие в ходе использования широкими массами носителей языка и соответствующей культуры преобразуется в концепт, «обрастая» новыми смыслами, оценочными и ассоциативными компонентами, а поскольку смыслы формируются под влиянием культурно-этнических доминант, можно говорить о лингвокультурологическом концепте. Совокупность смыслов, номинируемых концептом, выявляется в ходе лингвокультурологических исследований.

Задача данной работы — сопоставить языковую репрезентацию научного и обыденного сознания на основе анализа лексемы *интроверт*, репрезентирующей одноименный ментальный образ и представленной в лексикографических источниках (толковых, энциклопедических и специализированных словарях) и в британском национальном корпусе. Цель исследования - определить, какие из элементарных единиц знания в структуре данного концепта были восприняты носителями британской лингвокультуры как значимые для повседневной жизни (т. е. могут быть определены как знание-рецепт в терминологии Ю. Н. Караулова) [Караулов Филлипович 2008]. Материал исследования – словари различного типа [Encyclopedia Britannica, Longman Dictionary of English Language and Culture, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford English Living Dictionaries, The Cambridge Dictionary of Psychology], а также данные британского национального корпуса. Методы исследования – компонентный анализ значения термина «интроверт», представленного в толковых, энциклопедических и специальных англоязычных словарях по методике, предложенной К. С. Кардановой [Карданова 2006] с последующим изучением контекста употребления лексемы интроверт в корпусе текстов британского варианта английского языка.

Исследование

Анализ лексикографических источников

Понятие интроверсии было введено в научный оборот К. Г. Юнгом в работе «Psychologische Typen», впервые опубликованной на немецком языке в 1921 г. и вскоре переведенной на английский язык [Jung 1921]. Таким образом, начало употребления английского слова introvert как психологического термина относится к началу1920-х гг., хотя глагол introvert в значении 'turn upon itself' фиксируется в английских источниках с XVII в. Термин, составленный из латинских элементов intro- 'внутри' и verto 'поворачивать, направлять', использовался Юнгом в качестве названия одного из двух описанных им типов личности, различающихся между собой отношением к объектам внешнего мира. В английском языке для описания человека данного типа может использоваться как существительное introvert, так и прилагательное introverted.

Специализированный словарь – the Cambridge Dictionary of Psychology (CDP) – предлагает дефиницию только для существительного *introversion*, которое фигурирует в двух словарных статьях данного издания. В первой статье интроверсия представлена отдельно, в

двух значениях, как характерное отношение к жизни со стороны индивида и как свойство нервной системы с точки зрения реакции на стимул:

1. A basic attitude toward life in which the individual finds meaning and a sense of direction *in the inner world of thoughts and feelings*. 2. A pattern of reaction to external simulation in which the nervous system is highly reactive to stimuli, and so the individual tends to reduce the amount of stimulation so as to maintain a mental equilibrium [CDP, c. 265–266].

Вторая статья того же издания касается интроверсии как одной из двух сторон спектра (противоположной стороной которого является экстраверсия) черт личности, способа отношения к жизни или уровня возбудимости нервной системы:

introversion-extroversion – n. 1.A dimension of personality in which people who are *shy*, *withdrawing*, and tending to experience *negative emotions* are on one end, and active, socially engaging people who tend to experience more positive emotions are on the other end of the spectrum. 2.A dimension of a basic attitude toward life in which the individual finds meaning and a sense of direction *in the inner world of thoughts and feelings*, on one end of the spectrum, or an attitude in which the meaning and direction in life are discovered in the *external world of things and actions*. 3.A dimension of the excitability of the nervous system in which persons who react strongly to stimuli are at one end and those who are relatively unreactive are on the other end [CDP, c. 266].

Электронное издание Британской энциклопедии дает одну общую статью для существительных *introvert* и *extravert* как обозначений типа личности (*personality type*). Дефиниция интроверта:

a person whose interest is generally directed inward toward his *own feelings* and thoughts... The typical introvert is *shy*, contemplative, and reserved and tends to have difficulty adjusting to social situations. Excessive daydreaming and introspection, careful balancing of considerations before reaching decisions, and withdrawal under stress are also typical of the introverted personality (www.britannica.com/topic/introvert).

В лингвострановедческом словаре Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELC), а также в толковых словарях, предназначенных тем, для кого английский язык не является родным (Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD), Macmillan's English Dictionary for Advanced Learners), нет самостоятельной словарной статьи для

существительного *introversion;* Macmillan дает независимые друг от друга дефиниции для *introvert* и *introverted*, OALD определяет производное прилагательное через существительное (*introverted – having characteristics of an introvert*); LDELC, наоборот, определяет существительное через прилагательное (*introvert – a person of an introverted type*). Представленные дефиниции выглядят следующим образом:

- Macmillan: introvert (n) someone who tends to concentrate on their <u>own</u> thoughts and feelings rather than communicating with <u>other people</u>; introverted (adj) a little <u>shy</u> and tending to concentrate on your <u>own</u> thoughts and feelings, = <u>withdrawn</u> [Macmillan, c. 796].
- OALD: introvert (n) a person who is more interested in her or his <u>own</u> thoughts and feelings than in things outside herself or himself, and is often *shy* and unwilling to take part in activities with <u>others</u> [OALD, c. 627].
- *LDELC*: introverted (adj) concerning oneself with one's <u>own thoughts</u>, acts, personal life etc., rather than spending much time sharing activities with <u>others</u> [LDELC, c. 729].

Содержание лексем *introversion*, *introvert*, *introverted* наиболее полно представлено в онлайн-версии Оксфордского словаря Oxford English Living Dictionaries (OELD):

introversion (n) – 1. The quality of being shy and reticent; 1.1. psychology The tendency to be concerned with one's own thoughts and feelings rather than with external things; introvert (n) – a shy, reticent person; 1.1. psychology A person predominantly concerned with their own thoughts and feelings rather than external things; introverted (adj) – of, denoting or typical of an introvert; 1.1 (of a community, company or other groups) – concerned principally with its own affairs; inward-looking or parochial (en.oxforddictionaries.com/definition/introverted; en.oxforddictionaries.com/definition/introversion).

В этом словаре зафиксировано более широкое применение прилагательного *introverted* по сравнению с однокоренными терминами: здесь отмечается, что носителем качества *introverted* может быть не только человек, но и группа лиц, организация или сообщество. Кроме того, показательна зафиксированная в словарях отрицательная коннотация лексемы *parochial* 'узкий, ограниченный, местнический'.

Согласно данным всех рассмотренных словарей, инвариантным компонентом семантической структуры терминов «интроверт / интроверсия» применительно к личности выступает направленность на собственные мысли и чувства (direction in the inner world, directed inward toward / interested in / concentrate on his or her / their own feelings and thoughts), а также отсутствие желания взаимодействовать с внешним миром: rather than communicating with other people, unwilling to take part in activities with others, rather than spending much time sharing activities with others, rather than with external things.

Примечательно, что в специализированном словаре и в дефинициях толкового словаря, маркированных как психологический термин, внешний мир, не вызывающий интереса у интроверта, представлен как мир объектов (external things, external world of things and actions), в то время как в дефинициях словарей, более близких к обыденному сознанию, интроверт предстает незаинтересованным во взаимодействии с другими людьми (other people, others). И в том, и в другом случае эмоции интроверта в отношении внешних факторов представляются скорее отрицательными: negative emotions, difficulty adjusting to social situations.

Исследование словарных и энциклопедических дефиниций выявляет следующие характеристики интроверта: shy, withdrawing / withdrawn, contemplative, reserved, careful, reticent. Компонентный анализ на базе тех же лексикографических источников дополняет этот список такими содержательными элементами как: nervous, afraid, embarrassed, lacking self-confidence, timid; quiet; excited, worried, anxious; frightened; awkward, ashamed. На основании анализа данных семантических компонентов можно заключить, что отношения между интровертом и внешним миром определяются такими эмоциями, как волнение (nervous, worried, excited, anxious), страх (afraid, frightened), смущение (embarrassed, awkward) и стыд (ashamed). Таким образом, даже первичный анализ семантической структуры слова introverted по лексикографическим источникам позволяет предположить, что в обыденном сознании носителей языка, скорее всего, данный образ имеет негативно окрашенные ассоциации.

Анализ корпусных данных

С целью изучения характера вербальных репрезентаций образа «интроверт» в обыденном сознании обратимся к Британскому

национальному корпусу (BNC). Данный корпус образцов разнообразных жанров письменного и разговорного английского языка в его британском варианте был создан в начале 1980 — начале 1990-х гг. при участии издательства Оксфордского университета и отражает представления об интроверсии и интровертах у того поколения носителей языка, которое создавало соответствующие тексты. В количественном отношении наиболее заметно в корпусе представлена лексема *introverted* (82 примера использования на 67 единиц текста), что подтверждает наш вывод, сделанный на основе анализа лексикографических источников: обыденным сознанием прилагательное *introverted* было усвоено лучше, чем существительные *introvert* и *introversion* (33 и 17 примеров на 15 и 15 единиц текста соответственно). Поскольку нас интересует именно обыденное сознание, ограничимся исследованием концепта с названием *introverted*.

Среди примеров предикативного использования прилагательного *introverted* особый интерес представляет сочетаемость лексемы с глаголами *become / grow*. В психологической науке интроверсия связывается, во-первых, с врожденными свойствами нервной системы, с точки зрения возбудимости и интенсивности реакции на стимул; во-вторых, с направленностью интересов личности на субъективный внутренний мир. Другими словами, интроверсия предстает как относительно стабильный признак. Примеры из корпуса показывают, что, с точки зрения наивного носителя языка, интровертом можно стать под воздействием внешних, обычно трагических обстоятельств, таких как личное горе или расставание с близким человеком:

Grief hit me... then I became introverted; Matthew... became more introverted after the split; Raskolnikov has been growing increasingly moody and suspicious and introverted (*corpus.byu.edu/bnc/*).

По данным OELD, носителем признака «introverted» могут быть люди или группы людей, что подтверждается данными корпуса. Среди антропных носителей представлены: people, men, inhabitants, trumpet player, mountain people, boy, man, children, schoolboy. Группы людей, организации и страны: town, nation, community, home, company, a country, hellenistic Boiotia (эллинистическая Беотия), Comecon (межправительственная организация СЭВ). Данные корпуса также включают незафиксированные в лексикографических источниках сочетания прилагательного introverted с названиями свойств личности

и эмоциональных состояний и реакций (introverted quality/qualities, idealism, individualism, obsession, response), поведения (stance, behaviour), абстрактными существительными (soul, music, tradition, darkness).

Содержание термина «introverted» применительно к личности, представленное в лексикографических источниках, есть и в данных корпуса, где обнаруживаются практически все элементы, выделенные в ходе компонентного анализа словарных дефиниций: shy, quiet, awkward, withdrawn, reserved, retiring. Однако, как и следовало ожидать, в обыденном сознании концепт «introverted» охватывает значительно более широкий диапазон эмоционально окрашенных черт, приписываемых интровертам.

Согласно данным корпуса, лица, обладающие признаком «introverted», одновременно характеризуются со следующих позиций: независимость / самодостаточность: self-sufficient, self-catering, independent, bohemian; склонность к умственной деятельности и мечтам: thoughtful, scholarly, dreamy, highly creative, skeptical, melancholic, dreamscape excursions; scholars, mystics and sorcerers; миролюбие: peaceful, quiet, put-upon, mellow; трудности в налаживании дружеских и любовных отношений: single, lonely, socially inept; эгоцентризм / недружелюбие: self-centred, insular, aloof, sour, frigid, dour, taken up with his own good times, the world centers around me; негативные чувства в отношении окружающих: sulky, moody, suspicious, skeptical, radical, impatient; непонимание со стороны окружающих: strange, his mind's not right; подверженность меланхолии, депрессии и навязчивым идеям: melancholic, depressed, depressive, obsessed with his own game, obsessive.

В отношении обществ, стран и организаций, концепт *introverted* ассоциируется с такими признаками, как клановость (*clannish*), консерватизм и отсталость (*conservative*, *backward*), протекционизм (*protectionist*), плановость экономики (*economically planned*), монополизм (*a monopoly situation*).

Итак, можно сделать вывод, что в эмоционально окрашенном компоненте семантической структуры лексемы *introverted* преобладает отрицательная оценка. Она проявляется не только в негативных коннотациях перечисленных компонентов, но и в ассоциативных связях, представляющих интроверсию как нездоровое свойство, например: *incurably introverted, introverted individualism* как противоположность *healthy individualism*.

Выволы

Исследование показало, что содержание терминов «интроверт / интроверсия» в научной картине мира и в обыденном сознании британцев не совпадает. Англоязычная психологическая наука рассматривает интроверсию как отношение к жизни со стороны индивида, проявляемое в сосредоточенности на собственных мыслях и чувствах, что обусловлено повышенной возбудимостью нервной системы, вследствие которой индивид стремится к сокращению количества стимулов со стороны внешних объектов с тем, чтобы сохранить душевное равновесие. Интроверсией также называется одна из сторон спектра измерения личности, противопоставленная экстраверсии. В качестве научных терминов понятия «интроверсия» / «интроверт» нейтральны и описывают вариант нормы. Анализ толковых словарей выявил, что в обыденном сознании британцев в рамках отношений «человек – внешний мир» на первый план выходит отношение не к предметам, а к людям. Интроверт – это человек, отгораживающийся от окружающих по причине испытываемых им в ходе общения отрицательных эмоций: страха, смущения, стыда. Особенности функционирования понятий «интроверт» / «интроверсия» в британском национальном корпусе указывают на то, что общение с окружающими воспринимается носителями данной культуры как нечто положительное; люди, избегающие общения, представляются британцам эгоцентричными, странными, равнодушными, не умеющими ладить с людьми, сосредоточенными на собственных проблемах. Закрытость и страх перед связями с внешним миром воспринимаются как отрицательное качество, как для отдельных лиц, так и для сообществ людей, стран и организаций. Интроверсия в обыденном сознании британцев ассоциируется с чем-то нездоровым, ненормальным, что противоречит научному пониманию данных терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 368 с.

Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2008. 288 с.

Карданова К. С. Лингвопсихологическое исследование реструктуризации образа сознания ИМПЕРИЯ / EMPIRE : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 206 с.

- *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов : дис. . . . д-ра культурол. наук. М., 2000. 460 с.
- *Пищальникова В. А.* Теория и история психолингвистики. Ч. 1. М. : Ин-т яз-ния РАН МГЛУ, 2005. 296 с.
- *Степыкин Н. И.* Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 187 с.
- *Юнг К. Г.* Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. В. Зеленским; под общ. ред. В. В. Зеленского. СПб. : Азбука, 2001. 736 с.
- British National Corpus [Электронный ресурс]. URL : corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения 02.01.2018).
- Encyclopedia Britannica [электронный ресурс]. URL: www.britannica.com/ (дата обращения 02.01.2018).
- Jung C. G. Psychologische Typen. Zurich: Rascher Verlag, 1921.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. 2005. 1620 c. (LDELC)
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers, 2009. 1748 c.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / by A. S. Hornby. Oxford University Press, 1998. 1428 c. (OALD)
- Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: en.oxford dictionaries.com/ (дата обращения 02.01.2018) (OELD)
- The Cambridge Dictionary of Psychology. Cambridge University Press, 2009. 609 p. (CDP)

УДК 16'21'33

С. И. Пучков

аспирант каф. английского языка ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; тел.: +7 (915) 142-30-53

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ

Автор статьи исследует национальную специфику речевого события в испанской, французской и американской лингвокультурах. В основе исследования – сравнительный анализ национальной специфики вербального представления образа М. Каддафи на материале периодических изданий «El País», «Le Figaro», «Le Monde», «The Washington Post» и «USA Today». Речевое событие рассматривается, согласно Ю. А. Сорокину, как акт вербального воздействия, направленного на регуляцию деятельности партнера. В основе проводимого в данной работе компаративного анализа лежит теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла – «открытая» теория, способная при необходимости включать новые. Способы создания вербального образа ливийского политика, продемонстрированные испанскими СМИ, позволяют сделать вывод: сегодня испанская медиакультура, естественно испытывающая сильнейшее воздействие глобализационных процессов, вынуждена при представлении в СМИ ряда политически и социально значимых для всего мирового сообщества событий, реализовывать стратегии низкоконтекстуальных культур для сохранения и своего имиджа, одобряемого союзниками. Этот вывод противоречит однозначному выводу, к которому пришел Э. Холл, относя испанцев к представителям высококонтекстных культур. Анализ материалов периодических изданий французской лингвокультуры позволяет сделать вывод об актуальности заключений, сделанных Э. Холлом, согласно которым французская лингвокультура является высококонтекстуальной. При этом отмечается, что уровень контекста во французской лингвокультуре существенно выше по сравнению с уровнем контекста лингвокультуры Испании. Анализ представленного периодическими изданиями США материала свидетельствует о сохранении низкого уровня контекста американской лингвокультуры, в котором, однако, очевидны и признаки высококонтекстуальности. Национальная специфика речевого события в современных медиа может корректироваться актуальными политическими и социальными задачами, что проявляется в характере речевых действий, которые являются структурными и целенаправленными, а следовательно, способными становиться средством достижения специфических целей.

Ключевые слова: речевое событие; речевая ситуация; вербальный образ; национальная специфика; испанский язык, французский язык, английский язык.

S. I. Puchkov

Postgraduate Student of the English language Department of the Federal State-funded Military Educative Institution of Higher Education "Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation; tel.: +7 (915) 142-30-53

THE NATIONAL SPEECH EVENT'S SPECIFICITY

The author studies the national specificity of a speech event in Spanish, French and American linguocultures. The research is based on the comparison of the peculiarities of Kaddafi's verbal image as presented in such periodicals as "El País", "Le Figaro", "Le Monde", "The Washington Post" and "USA Today". A speech event is treated, in accordance to Yu. A. Sorokin's theory, as an act of verbal pressure aimed at regulating the partner's activity. The comparative analysis undertaken in the present paper is based on E. Hall's theory of high-context and low-context cultures, which has been positioned as an 'open' theory able to incorporate new facts. The means of creating the verbal image of the Libyan politician in Spanish mass media allow for the following conclusion: nowadays Spanish media culture, which, naturally, experiences a powerful influence of alobalizing processes, is obliged, when presenting events which are of significant political and social importance to the world community, to use low-context strategies to support the image approved by the allies. This contradicts the conclusion made by Hall, who placed the Spanish among high-context cultures. Thus, one can assume that the change in certain cultural parameters can be achieved under the impact of external environmental factors. The analysis of French periodicals supports Hall's conclusion about the high-context nature of French linguoculture. It was also demonstrated that the importance of context in French linguoculture is significantly higher than in Spanish linguoculture. The study of American periodicals shows the retention of the low level context of American linquoculture, which, however, reveals some features of high-conextuality. The national specificity of a speech event in modern media may be affected by topical political and social aims, which manifests itself if in the character of speech acts, which are structured and purposeful and, consequently, are able to become means of achieving special aims.

Key words: speech event; speech situation; verbal character; national specificity; Spanish; French; English.

Введение

В рамках коммуникативной парадигмы особое внимание уделяется понятию *речевая ситуация* и факторам, влияющим на ее становление (см.: [Леонтьев 1969; Сорокин 1979] и др.). Национальная специфика речевого события определяется, с одной стороны, особенностями познавательных моделей того или иного этноса, с другой — требованиями формата национальных СМИ, испытывающих серьезное влияние

глобализационных процессов. Познавательные модели могут быть национально специфичными и потому непонятными представителям других этносов, что часто приводит к неэффективной межкультурной коммуникации [Пищальникова 2007]. Овладение этими моделями может быстро и результативно осуществляться под влиянием СМИ: жанровое своеобразие представляемой СМИ информации максимально приближено к речевому акту; в СМИ ставятся те же коммуникативные задачи, что и в реальном речевом акте представителей разных лингвокультур, — эффективное воздействие на коммуниканта для достижения поставленной цели. При этом цели могут быть максимально разнообразными.

Одной из основных задач СМИ является формирование актуально необходимого отношения реципиентов к репрезентируемым событиям. Средства массовой информации сейчас являются монополистом в сборе, обработке и предоставлении информации широким массам реципиентов. Благодаря глобализации скорость передачи и распространения информации все время возрастает, но достоверность передаваемой информации проверить крайне трудно [Анисимова 2003; Сонин 2005; Мичурин 2013].

СМИ взяли на себя роль формировать образы политиков, и в силу высокой их ангажированности образы, создаваемые в массмедиа, могут радикально отличаться от своего прототипа.

Примером модификации образа политика может служить представление в СМИ ливийского лидера Муаммара Каддафи. Многие страны мира с интересом следили за ситуацией в Ливии во время Гражданской войны, и СМИ разных государств целенаправленно формировали образ ливийского лидера.

Исследование

Анализ национальной специфики представления медийного образа Каддафи в трех лингвокультурах – Испании, Франции и США – осуществляется на материале наиболее влиятельных периодических изданий: El País, Le Figaro, Le Monde, The Washington Post и USA Today. Цель статьи – выявить национальную специфику речевого события в контексте указанных лингвокультур.

Согласно Ю. А. Сорокину, речевое событие является актом вербального воздействия, направленного на регуляцию деятельности

партнера [Сорокин 1979, с. 73–74]. Несколько модифицируя схему Ю. А. Сорокина, отметим, что схема простейшего межкультурного речевого события предполагает обязательное включение двух коммуникантов K_1 и K_2 , имеющих модели ситуации общения, отвечающие целям каждого из них, включающих задачу общения, представление о ситуации общения, о задаче общения партнера. Эффективное общение предполагает взаимодействие коммуникантов [Grice 1975; Leech 1983]. Результатом этого взаимодействия в случае коммуникативного успеха является сближение моделей ситуации общения у K_1 и K_2 . С позиции каждого коммуниканта общение протекает как процесс решения поставленной коммуникативной задачи, и их реакции констатируют всего обратные связи в системе $K_1 - K_2$, которая служит для коррекции воздействия партнера по коммуникации.

Однако в восприятии СМИ, осуществляющих доминирующую функцию воздействия, актуальна модель Ю. А. Сорокина, согласно которой K_1 — СМИ, K_2 — конкретный реципиент, читатель. При этом K_1 имеет четкую проработанную модель ситуации общения, то есть некий план, согласно которому СМИ будет поступательно достигать поставленных целей. В этом плане модели ситуации общения зафиксирована задача общения СМИ, представление о ситуации общения (как будет протекать это общение), представление о задаче общения читателя СМИ, представление реципиента о задаче общения СМИ. В этом случае СМИ учитывает предполагаемую реакцию реципиента, но последний никак не влияет на характер представления информации в СМИ, а реципиент волен или полностью принять интерпретацию СМИ, или не принимать ее вообще.

Необходимо заметить, что основной задачей СМИ de jure является своевременное и беспристрастное описание событий и предоставление реципиентам информации о происходящем в мире. Однако de facto средства массовой информации являются мощным идеологическим и политическим оружием в руках правящих кругов, которые обеспечивают финансовую поддержку медиа-холдингов. Следовательно, реципиенты, уверенные в том, что СМИ выполняют возложенные на них задачи, оказываются в полной зависимости от поставляемой информации, которая может не быть правдивой, но позволяет средствам массовой информации эффективно влиять на формирование картины мира как непрерывно конструируемой системы информации (мнений

и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павилёнис 1983].

В результате успешного общения между K_1 (СМИ) и K_2 (реципиент) происходит сближение моделей ситуации общения у СМИ и конкретного читателя. Другими словами, вербальное воздействие на концептуальную картину мира конкретного индивида успешно завершается, в ассоциативно-вербальную сеть реципиента встраиваются новые модели, которыми он руководствуется в принятии дальнейших решений. В такой ситуации ответная реакция K_2 может учитываться СМИ и даже привести к изменению тактики представления информации. Но как правило СМИ продолжают свою медийную политику, пока количество читателей, недовольных ею, не проходит «критическую точку» и читатели перестают пользоваться его информацией. Стратегически СМИ, безусловно, учитывают реакцию читателей, иначе они теряют аудиторию.

Чтобы выявить национальную специфику речевого события, воспользуемся сравнительным методом, позволяющим эффективно сопоставить определенные параметры речевого события разных лингвокультур.

Все выбранные нами языки относятся к индоевропейской языковой семье и являются флективными, что определяет сходство ряда познавательных моделей и способов выражения грамматических значений. Это не снижает уровня актуальности заявленной проблемы, напротив, подчеркивает национальную специфику представления речевого события при всем сходстве языков.

В основе проводимого в данной работе компаративного анализа лежит теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, так как, по нашему мнению, она предлагает сопоставимые параметры анализа и является «открытой» теорией, способной в случае необходимости включать новые.

Согласно теории Э. Холла, качество контекста, под которым подразумевается «информация, окружающая некое событие» [Hall 1990, с. 6], является основанием для отнесения той или иной культуры к высоко- или низкоконтекстуальной. При этом контекст неразрывно связан со значением конкретного события. Говоря о неразрывном единстве культуры и коммуникации, американский антрополог утверждает, что именно в речевом событии выкристаллизовывается

культура этноса, следовательно, при исследовании культуры особое внимание должно уделяться конкретному речевому акту. Речевое событие, протекающее в рамках высоконтекстуальной культуры (далее ВК. - C. Π .), отличается низким уровнем вербально, эксплицитно передаваемой информации, а бо́льшая часть информации передается невербально, имплицитно. Коммуниканты речевого события низкоконтекстуальной культуры (НК), наоборот, передают бо́льшую часть информации вербально, эксплицитно при низкой информативности жестов, мимики, метафор, аллюзий и т. д. [там же].

Э. Холл пришел к выводу, что испанская лингвокультура является высококонтекстуальной за счет высокой степени развития обширных и детализированных межличностных отношений в семье, в кругу друзей, в рабочем коллективе; в результате в повседневной коммуникации испанцам не требуется вербализовать информацию детально. Таким образом, высокий контекст данной лингвокультуры обусловлен высокой степенью интеграции разных сфер жизнедеятельности индивидов [Hall 1990, с. 6-7]. Лингвокультура США, напротив, согласно Э. Холлу, относится к ряду низкоконтекстуальных культур, так как для нее характерно четкое разделение сфер жизнедеятельности. Связи между представителями американской лингвокультуры ограничены определенными рамками, из чего следует, что американцы нуждаются в детальной фоновой информации при принятии того или иного решения. Американский взгляд на жизнь состоит в разделении события на информационные сегменты и концентрации внимания на каждом сегменте [там же]. Французская лингвокультура отнесена исследователем к числу низкоконтекстуальных культур, но с оговоркой, что контекст ее выше, чем у американцев [там же]. Таким образом, согласно выводам Э. Холла, названные в нашем исследовании лингвокультуры можно представить на шкале культур от низкого контекста к высокому следующим образом: американская, французская, испанская. При этом американский антрополог, в соответствии со своей концепцией, основывался на результатах исследования не столько собственно лингвистических факторов, сколько факторов, внешних по отношению к языку.

В данной работе ставится задача исследования языкового представления события как возможного параметра сопоставления культур, поскольку именно в языке закреплены модели поведения, отражающие

национальную специфику той или иной лингвокультуры. Рассмотрим специфику представления образа Муаммара Каддафи в западных СМИ, которая, на наш взгляд, задается характером лингвокультуры.

Результаты анализа материалов периодических изданий испанской лингвокультуры, отнесенной Э. Холлом к классу высококонтекстуальных культур, говорят о резком изменении качества контекста этой лингвокультуры в настоящее время. Образ ливийского лидера создается посредством использования лексем в их прямом значении, а в случае, если лексема является полисемичной, вариативность значения такой лексемы нейтрализуется четко выраженным контекстом предложения, абзаца, текста: tirano / mupan; dictador livio / ливийский диктатор; recurrió sistemáticamente a la cárcel / систематически отправлял в заключение; по podíamos intuir su nivel de barbarie, de sadismo y de violencia / мы не могли себе даже представить уровень его варварства, садизма и агрессии.

Широкое использование глагольных форм активного залога акцентирует непосредственную причастность М. Каддафи к выполнению того или иного порицаемого действия: recurrió sistemáticamente a la cárcel / систематически отправлял в заключение; recurrió al asesinato у la tortura / обрекал на пытки и убийство; extirpó cualquier libertad / искоренил свободу; desarrolló un enfermizo culto a la personalidad / культ личности, созданный и взращенный Каддафи, оказался болезнью ливийского общества.

Частотное использование портретных характеристик при создании вербального образа ливийского лидера позволяет испанским СМИ максимально четко обозначить границы его, не оставляя места размышлениям реципиентов: (dirigente) astuto y progmático / (руководитель) хитрый и прагматичный; (al líder livio ha unido) excentridad y progmatismo / (характер ливийского лидера отличается как) эксцентричностью, так и прагматизмом; cínico / циничный; tipo carismático / харизматичный человек.

При этом отмечается редкое использование описательных конструкций, в которых М. Каддафи не является субъектом действия. В этом случае образ ливийского лидера создается путем описания актуальных на момент предоставления информации событий, к которым М. Каддафи имеет косвенное отношение: el fin de un largo y penoso capítulo para el pueblo de Libia / конец главы истории Ливии,

долгой и болезненной для ее народа; смерть Каддафи рассматривается как начало нового, демократического этапа в жизни страны, а предыдущий этап оценивается как болезненный; акцентируется несовместимость правления Каддафи с демократией: el fin de Gadafi es una oportunidad para la democracia en Livia / смерть Каддафи — шанс построить демократию в Ливии. В этих и подобных конструкциях намеренно задается доминантное противопоставление смерть Каддафи — шанс демократии. Оно реализуется не только в лексических значениях конкретных слов, но и в системе связей между компонентами предложения / абзаца; cinco años después de la muerte del dictador el país se descompone en una carrera por el poder y el dinero / через 5 лет после смерти диктатора страну разлагает борьба за власть и жажда наживы.

Кроме того, специфическим приемом создания образа М. Каддафи в испанских СМИ является частая замена в предложениях имени ливийского лидера на приписываемую ему качественную характеристику: era un depredador con las mujeres / с жестокостью, походившей на жестокость маньяков, он обращался с женщинами; tirano / mupah, dictador / диктатор. Частое использование ограниченного круга лексем позволяет испанским СМИ сузить вариативность возникающих в сознании реципиентов ассоциаций, связанных с именем М. Каддафи, что позволяет быстро и однозначно создать желаемый образ политика.

Способы создания вербального образа ливийского политика, продемонстрированные испанскими СМИ, позволяют сделать вывод: сегодня испанская медиакультура, естественно испытывающая сильнейшее воздействие глобализационных процессов, вынуждена при представлении в СМИ ряда политически и социально значимых для всего мирового сообщества событий реализовывать стратегии низкоконтекстуальных культур для сохранения своего имиджа, одобряемого союзниками. Этот вывод противоречит однозначному заключению, к которому пришел Э. Холл, относя испанцев к представителям высококонтекстных культур.

Анализ материалов периодических изданий французской лингвокультуры позволяет сделать вывод об актуальности заключений, сделанных Э. Холлом, согласно которым французская лингвокультура является высококонтекстуальной.

Высокий контекст этой лингвокультуры выражается в использовании при создании вербального образа М. Каддафи лексических средств, употребляющихся в переносном значении, а также в широком использовании описательных конструкций, имеющих отношение к актуальной ситуации в Ливии и за ее рубежами: la venue humiliante (de Kadhafi) / унизительное появление (Каддафи); la présidence (du colonel Kadhafi) a été très controversée et «très nuisible à l'image de l'UA» / председательство (полковника Каддафи) носило очень противоречивый характер и «принесло много вреда имиджу Африканского союза»; Kadhafi : pas de société civile en Libye / Каддафи: никакого гражданского общества в Ливии. Очевидно использование имплицитных средств создания образа М. Каддафи. Частое использование метафор и других средств художественной выразительности позволяет реципиентам самим сделать выводы о качествах, присущих ливийскому лидеру. При этом ассоциативное поле не сужается, как это было продемонстрированно в анализе речевого события испанских СМИ, а наоборот, намеренно расширяется, что позволяет повысить уровень вариативности восприятия лексем, представляющих образ ливийского лидера: l'Afrique est le nouveau terrain de jeu (de Kadhafi) / Африка – новая площадка для игр (Каддафи); Kadhafi est issu du désert / Кадда фи – выходец из пустыни; Kadhafi, dirigeant shakespearien / Каддафи, правитель по Шекспиру.

Вместе с этим отмечается употребление конкретизирующих лексем и конструкций, позволяющих придать конкретную форму создаваемому образу ливийского лидера. Но их низкая частотность не может коренным образом повлиять на доминантную тенденцию высокого контекста в представлении информации: Kadhafi, tyran craint jusqu'à son dernier souffle / Каддафи — тиран, внушающий страх до последнего вдоха; le dictateur libyen / ливийский диктатор, le tyran libyen / ливийский тиран, le colonel Kadhafi / полковник Каддафи.

Отличительной чертой национальной специфики создания образа ливийского лидера является частое использование конструкций, в которых Каддафи не является актантом: la Libye et ses quelque 5 millions d'habitants est trop exigué pour Kadhafi / для Каддафи недостаточно Ливии с 5 миллионным населением; la répression menée par le régime de М. Kadhafi contre une révolte / мятеж спровоцировал введение репрессий со стороны режима Каддафи, la violente répression engagée par le

régime de Mouammar Kadhafi / жестокие penpeccuu, инициированные режимом Муаммара Каддафи; les forces loyales au colonel Mouammar Kadhafi ont tué au moins 142 personnes / силы, преданные полковнику Муаммару Каддафи, убили 142 человека за месяц — употребление имени ливийского лидера в качестве пассивного деятеля позволяет отстранить Каддафи от прямых обвинений в убийстве собственных граждан, вместе с тем создает иллюзию отсутствия контроля над подчиненными военными силами. В данном случае образ ливийского лидера опять создается имплицитно.

Проанализировав способы представления информации в конкретных речевых ситуациях французской лингвокультуры, можно сделать вывод о том, что уровень контекста во французской лингвокультуре существенно выше по сравнению с уровнем контекста лингвокультуры Испании.

В периодических изданиях США образ ливийского лидера создается как путем использования портретных характеристик (Gaddafi has been daffy for a long time / Каддафи был безумен в течение долгого времени; Gaddafi was totally insane / Каддафи был душевнобольным), так и путем употребления описательных конструкций, в которых М. Каддафи не является субъектом действия. Для выражения заданного СМИ образа ливийского лидера используется прямая номинация Каддафи, сужающая вариативность возникновения ассоциативных связей в сознании индивидов: Libyan dictator Moammar Gaddafi / ливийский диктатор Муаммар Каддафи; dictator / диктатор; ...with Moammar Gaddafi, sponsor of two of the most spectacular acts of terrorism against Americans and a cruel dictator in his own country since 1969 / ...с Муаммаром Каддафи, спонсором двух наиболее выдающихся террористических актов против американского народа и жестоким диктатором Ливии с 1969 года. При этом частотны случаи, когда образ М. Каддафи создается через описание конкретного события или действия, в которых Каддафи не является актантом: the regime was a death-defying act / этот режим был практикой, сопряженной с риском для жизни; Libyan dictator Moammar Gaddafi's many and varied eccentricities / многие разнообразные странности ливийского диктатора Муаммара Каддафи; the Gaddafi regime has not altered its domestic repression / режим Каддафи не отказался от внутренних репрессий. В то же время высоко частотны конструкции, в которых ливийский лидер является субъектом действия: leader Moammar Gaddafi ordered warplanes and helicopters to halt protesters in the capital Tripoli / лидер Муаммар Каддафи отдал приказ силам военной авиации остановить протестующих в Триполи; Gaddafi vows to «die as a martyr» / Каддафи клянется умереть мучеником; Gaddafi... «is the architect of his own gilded cage» / Каддафи — создатель своей собственной позолоченной клетки.

Кроме того, при вербализации образа М. Каддафи прослеживается широкое использование средств риторического воздействия, что позволяет передавать часть информации имплицитно: Gaddafi was the quintessential 20th-century dictator / Каддафи был квинтэссенцией диктаторов XX столетия; president Ronald Reagan once called Gaddafi the «mad dog of the Middle East» / президент Рональд Рейган как-то назвал Каддафи «бешеным псом Ближнего Востока»; Gaddafi's paranoid police state was increasingly incompatible with this modern world / параноидальное полицейского государство Каддафи становится все более несовместимым с реалиями современного мира.

Анализ представленного периодическими изданиями США материала позволяет сделать вывод о сохранении низкого уровня контекста американской лингвокультуры, в котором, однако, очевидны и признаки высококонтекстуальности.

Таким образом, национальная специфика речевого события в современных медиа может корректироваться актуальными политическими и социальными задачами, что отражается в характере речевых действий. Они, согласно А. А. Леонтьеву, структурны и целенаправленны, а следовательно, могут становиться средством достижения специфических целей [Леонтьев 1969].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 216 с.

Мичурин Д. С. Влияние поликодовых текстов на динамику виртуальной коммуникации в интернете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 290–295.

- *Павилёнис Р. И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Пищальникова В. А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 5 (584). Языковое существование человека и этноса. С. 73–83. (Сер. Языкознание.)
- Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : ИНИОН РАН, 2005. 220 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. 327 с.
- *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3 / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Leech G. Principles of Pragmatics. L., N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
- *Hall E. T.* Beyond culture. Garden City (N. Y.): Anchor press: Doubleday, 1989. 314 p.
- *Hall E. T.* Understanding cultural differences. London: Intercultural press, 1990. 196 p.

УДК 138.2

А. Б. Курлов, А. Т. Каюмов

Курлов А. Б., доктор социологических наук, профессор философии, профессор каф. экономической безопасности Уфимского государственного авиационного технического университета; e-mail: kurlov_@mail.ru

Каюмов А. Т., доктор философских наук, профессор философии, заведующий кафедрой философских наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: atkayum@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА КАК СУБСТРАТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Задачей статьи является анализ информационной среды и ее структурных компонентов с позиций рефлексии опытного знания с последующей его концептуализацией, т. е. средствами социальной онтологии. Информационная среда представляется как некий объективный феномен – носитель социальной информации, которая актуализируется и объективируется субъектом, благодаря чему это пространство и обретает свою структуру. Каждый ее элемент, посредством целеосознанного действия человека, выполняет определенную коммуникативную функцию, координация и субординация которых и определяет социальное место, роль и статус участника данного процесса. Так, в рамках этой среды и формируются социальные связи и взаимодействия индивидных и ассоциированных акторов, а сама она выступает их имманентным информационным субстратом. Доказывается, что информационная среда является важнейшим фактором формирования определенного типа организационного порядка, регламентирующего характер многих форм социальных актов.

Раскрываются базовые свойства современной информационной среды: вариативность, свидетельствующая о выраженном антропном характере информационной среды, определяя ее экзистенциальную и социальную наполненность; проективность, благодаря которой созданные в информационной среде образы и представления передают признаки и свойства объективной реальности отнюдь не в формате ее копии, а в виде модели, которая никогда не может быть тождественна прототипу; коммуникативная направленность проявляется, во-первых, в том, что среда не может существовать вне взаимодействия рефлексирующих субъектов, равно как и их взаимодействие не может осуществляться вне информационной среды; элиминарность свидетельствует об относительности наших представлений, то есть фиксируется факт взаимного несоответствия окружающего мира и представлений о нем – происходит переосмысление соответствия между

насущным и его восприятием, в результате которого либо реальность «подгоняется» под представления, либо изменяется вектор развития наших представлений, корректируются способы рефлексии на основе объективистских принципов, исключающих спекулятивную, конъюнктурную аксиоматику.

Рассматриваются также тенденции развития современной информационной среды, которые непосредственным образом связаны с внедрением современных информационных технологий, которые, в свою очередь, способствуют сопоставимо быстрому приращению информационного ресурса социума, составляющего все более заметную и важную компоненту его совокупного (геополитического, экономического, предметно-деятельностного и др.) потенциала. Отсюда и стремление всё более активно использовать этот ресурс в конъюнктурных и конкурентных целях в соперничестве за предпочтительные позиции в мировом сообществе, дающие лучшие шансы на выживание в будущем мире с жесткими ресурсными ограничениями.

Ключевые слова: информационная среда; современное общество; социальная информация; коммуникативное действие; информационный ресурс; информационный прессинг.

A. B. Kurlov, A. T. Kayumov

Kurlov A. B., PhD of Sociological Sciences, Professor of Philosophy, Professor of Chair of Economic Safety of the Ufa State Aviation Technical University; e-mail: kurlov_@mail.ru

Kayumov A. T., PhD of Philosophy, Professor of Philosophy, Head of the Chair of Philosophical Sciences of the Moscow State Linguistic University; e-mail: atkayum@gmail.com

THE INFORMATION ENVIRONMENT AS SUBSTRATUM OF MODERN SOCIETY

The aim of the article is the analysis of the information environment and its structural components from positions of reflection of experimental knowledge with its subsequent conceptualization, i.e. means of social ontology. The information environment is represented as a certain objective phenomenon - the carrier of social information which is actualized and objectified by the subject so that this space takes shape. Each of its elements, via conscious actions of the subject, carries out a certain communicative function, the coordination and subordination of which defines the social place, role and status of the participant of the process. Thus, the social connections and interactions of individual and associated subjects are formed within this environment, and the environment itself serves as their intrinsic information substratum. It is proved that the information environment is the major factor of formation of the certain type of organizational order, which regulates the character of many forms of social actions.

Basic features of the modern information environment are explored: *variability*, which demonstrates the distinct anthropic character of the information environment, defining its existential and social content; *projectivity*, through which the images and

concepts created in the information environment transfer attributes and properties of the objective reality not in the form of a copy, but of a model which is never identical with its prototype; the communicative focus is reflected, first of all, in the fact that the environment can not exist outside of the interaction of the reflexive subjects, furthermore, this interaction can not be carried out outside of the information environment; *elimination* demonstrates the relativity of our perceptions, i.e. the discrepancy of the objective world and its perceptions is shown: the correspondence between the objective reality and its perceptions is reframed, and as a result the reality is "adjusted" according to its perceptions, or the vector of development of our perceptions changes, the methods of reflection on a basis of objectivist principles are corrected (which excludes speculative, tactical axiomatics).

The article also deals with the patterns of development of the modern information environment which are directly connected to the implementation of modern information technologies which, in its turn, contribute to a relatively fast increment of the information resource of the society, which becomes an increasingly prominent and important component of its cumulative (geopolitical, economical, etc.) potential. It presupposes the desire to use this resource more and more actively in the tactical and competitive purposes in competition for preferable positions in the global community, which provide better chances of survival in the future world with rigid resource restrictions.

Key words: information environment; modern society; social information; communicative action; information resource; information pressure.

Рассматривая проблему содержания понятия «информационная среда», выделим два смыслопорождающих момента. Первый задается ее пониманием как обычного метрического поля, на котором осуществляются какие-либо информационные взаимодействия. Второй, который определяет дискурс по поводу сферы коммуникативных отношений между отдельными людьми и общностями с целью воспроизводства социальности.

Наша задача — анализ информационной среды и ее структурных компонентов с позиций рефлексии опытного знания с последующей его концептуализацией, т. е. средствами социальной теории. Поэтому мы берем на вооружение вторую интенцию, для которой информационная среда может быть изначально дефинирована как совокупность определенных структур (индивидов, их групп и организаций), соединенных информационными отношениями, которые имеют свое особое (системное) качество, отсутствующее у самих акторов [Дзялошинский 2001].

Необходимо отметить также, что информационная среда весьма неравномерна, ибо включает в свою структуру множество полей

и процессов, пронизывающих ее в разных направлениях, и любой участник информационного взаимодействия может выполнять различные функции одновременно в нескольких из них. Таким образом, статус субъекта этого взаимодействия «...может определяться по его позициям в различных структурах среды, т. е. по уровню и направленности его коммуникативного действия, которое активируется в каждой из них» [Бурдье 1993, с. 57].

В силу этого информационная среда представляется как некий объективный феномен — носитель социальной информации, которая актуализируется и направляется субъектом на определенный объект, благодаря чему это пространство и обретает свою структуру. Каждый ее (среды) элемент, посредством целеосознанного действия субъекта, выполняет определенную коммуникативную функцию, координация и субординация которых и определяет социальное место, роль и статус участника данного процесса. Так, в рамках этой среды и формируются социальные связи и взаимодействия индивидных и ассоциированных акторов, а сама она выступает их имманентным информационным субстратом.

Переходя к уровню осмысления обменной природы информационной среды, мы определяем ее как глобальную динамическую систему данных, в рамках которой реализуется вся совокупность коммуникативных (социальных) взаимодействий различных акторов. Структура этой системы представлена множеством информационных потоков, которые благодаря изменяющейся во времени коммуникативной направленности, обеспечивают динамическую целостность всей среды. Сама же информация здесь выступает как многофакторное явление, содержание и объем которого переменны и во многом зависят от смысловых контекстов данных о тех или иных явлениях, подлежащих рефлексии.

Такой подход к информации с очевидностью вписывается в реляционную концепцию понимания пространственно-временных отношений, который распространяется и на осмысление рассматриваемых сред. Предлагаемое наполнение содержания этого феномена позволяет выделить важные аспекты его понимания, на некоторых из которых, кратко остановимся.

Реляционный характер информационной среды имманентно связывает ее с «источником» и «преемником». Последние, являясь социальными акторами, всегда апеллируют к целям и ценностям, вступая

в те или иные коммуникативные (социальные) связи. Поэтому информационная среда имеет строгую «привязку» к субъекту, ибо она создается людьми, общностями и социальными институтами, отражая не только их природу, внутреннее содержание, но и интересы, социальные установки и цели деятельности.

Такие рассуждения позволяют выйти на понимание природы информации как средства реализации (самореализации) субъекта с использованием внутренних или внешних коммуникационных ресурсов. Здесь информация еще более рельефно выступает в ее инструментальном свойстве, непосредственно включая в себя социальные функции. При этом информационные среды предстают как некоторые топологические пространства, изменяющиеся под влиянием различных социальных акторов.

Информационная среда может рассматриваться и с точки зрения хранимой и циркулирующей в ней информации (ресурсный подход). Она в данном случае выступает в качестве объекта и одновременно средства целенаправленной деятельности человека. Но как только она начинает рассматриваться с позиций осуществления коммуникативных связей, не сводящихся только к передаче лишь фактических сведений, она предстает неотъемлемым фрагментом человеческой культуры и должна исследоваться именно в этом качестве. Речь идет об известных феноменах и результатах реализации социальных коммуникаций, таких как наука во всех ее проявлениях, техносфера, организационные (коммуникационные) принципы деятельности и производства в целом, а также различные технологии информационного воздействия (образовательные процессы, пропаганда, PR-прессинг и т. д.).

Всё означенное и обусловливает базовые признаки информационной среды.

Во-первых, она существует для фиксации и направленной трансляции различных форм отражения бытия объективной реальности с целью доведения этих сведений до адресата. Эти информационные формы могут быть представлены самыми разнообразными данными: от знаковых эмпирических презентантов *a posteriori* и, неизбежно сопутствующих им идеологизмов; до систем символьной концептуализации *a priori* [подробнее см.: Курлов 2018, с. 89, 109–110].

Во-вторых, она имеет свойство наполнять любое предоставленное ей пространство и сохраняться неизменно в таком состоянии неопределенно долгое время. (Речь идет об инерционности процессов

восприятия реальности и последующей рефлексии его содержания с целью формирования ценностно-целевых программ ее преобразования).

В-третьих, эта среда позволяет сформировать пространственные границы специфического восприятия и представления материального, социального и духовного миров, и сохранить их неизменными, несмотря даже на существенный дрейф миропредставлений за границами определенного этоса.

В-четвертых, она обеспечивает специфический тип информационного взаимодействия и социального поведения рефлексирующих субъектов и их сообществ.

И, наконец, эта среда может быть организована по принципам открытой или закрытой информационной системы. В первом случае она открыта для взаимодействия с внешним пространством и активно использует его информационные ресурсы, что и является одним из условий ее существования и развития. Во втором — вынуждена функционировать в рамках жестких регламентов инфообмена, исключающих множество форм ценностно-целевых взаимодействий, выходящих за границы установленной меры. Именно поэтому информационная среда является важнейшим фактором формирования определенного типа организационного порядка, регламентирующего характер многих форм социальных актов.

Таким образом, информационная среда имеет особую природу, позволяющую считать ее атрибутом социума, служащим для постоянной (ретроспективной и перспективной) трансляции актуальных сведений социокультурного порядка. Благодаря этой среде у субъекта или сообщества появляется возможность активной адаптации к окружающей действительности. Для этого используется ее (действительности) образ, отражающий пространственно-временные очертания соответствующего сегмента бытия, преломленного в представлениях социального демиурга — субъекта информационного взаимодействия. Таким образом оформленная информация может передаваться от одного субъекта к другому (от одного сообщества к другому) во времени и в пространстве, выступая в качестве основания социальных взаимодействий между людьми.

Изложенное позволяет выделить и обосновать базовые *свойства информационной среды*.

Вариативность заключается в том, что существующая реальность отражается в структуре информационной среды бесчисленное множество раз, что создает бесчисленное множество таких отражений, существующих независимо друг от друга. И только в процессе инфообмена крайние формы этих образов несколько сглаживаются. Тем не менее в структуре даже зарегулированной среды всегда присутствуют латентные инфопроцессы, способные разорвать границы указанной выше меры, ибо оказываются за пределами ценностно-целевого регламента взаимодействий. Это свойство свидетельствует о выраженном антропном характере информационной среды, что, соответственно, и обусловливает ее экзистенциальную и социальную наполненность.

Проективность состоит в том, что созданные в информационной среде образы и представления передают признаки и свойства объективной реальности отнюдь не в формате ее копии, а в виде модели, которая никогда не может быть тождественна прототипу. Такие проекции постоянно дорабатываются и воспроизводятся в среде в соответствие с морально-нравственными, политическими, экономическими, конъюнктурными и др. преференциями ее субъектов.

Коммуникативная направленность информационной среды проявляется, во-первых, в том, что она не может существовать вне взаимодействия рефлексирующих субъектов, равно как и их взаимодействие не может осуществляться вне информационной среды. В ходе взаимодействия происходит не только обмен образами (знаками, символами, смыслами) действительности, но и установление степени их относительного соответствия самой реальности. Поэтому инфообмен в среде практически всегда, кроме всего прочего, выполняет и критериальную функцию. Во-вторых, коммуникативная направленность какого-либо инфопроцесса всегда обусловлена ценностно-целевыми ориентациями субъекта, рассчитывающего на достижение некоего социального результата, посредством избранной коммуникативной стратегии.

И, наконец, элиминарность информационной среды обусловлена следующим. В известные моменты приходит понимание относительности наших представлений, т. е. фиксируется факт взаимного

¹ Элиминарность – исключение излишнего разнообразия и отбор необходимой информации для продуктивного познания или адекватного воздействия на объект.

несоответствия окружающего мира и представлений о нем. Вследствие этого и происходит формирование мотивации к переосмыслению способов обеспечения соответствия между насущным и его восприятием. Практически речь идет о «спасении» самого принципа отражения. Оно (спасение) может происходить двумя взаимоисключающими способами: либо реальность «подвинуть» под наши представления и с опорой на конвенцию продолжить жить в иллюзорном мире идеологизмов; либо изменить вектор развития наших представлений, переключив познавательный интерес на коррекцию способов рефлексии на основе объективистских принципов, исключающих спекулятивную, коньюнктурную аксиоматику.

Продолжая рассмотрение оснований и содержания информационной среды, еще раз поясним, что в качестве ее компонентов мы выделяем информационные поля и потоки, ибо именно эти составляющие ее структуры актуализируются в качестве предмета, не столько социальной, сколько социологической теории. Такой переход от концептуализации к практической рефлексии содержания наблюдения, является вполне оправданным и не противоречит посылу «о превращении Логоса в производительную силу» [подробнее см.: Курлов 2018, с. 46–73].

Итак, эти поля и потоки, существуя объективно как атрибут различных по природе социальных явлений, становятся продуктами деятельности и отчуждаются от человека, приобретая не только надличностный, но и надсоциальный характер. Информационные поля, постоянно развиваясь и увеличиваясь в масштабах вследствие деятельности субъектов, в целом иногда представляются абсолютно свободными и хаотическими. Однако это впечатление обманчиво.

Понятно, что каждый объект, отраженный в информации, где зафиксированы его параметры, взаимодействия, процессы, ситуации, их динамика и т. д., несет в себе множество характеристик и черт, проявляющихся во множестве информационных образов реальности. Понятно и то, что объектов, интересующих человека, достаточно много и число их постоянно возрастает. Вся совокупность интересующих человека надличностных характеристик объектов в многообразии взглядов на них и образует общее информационное поле и соответствующую среду вокруг отдельных объектов. Причем, поскольку содержание и форма информации, являясь продуктом человеческой

деятельности, несут в себе элементы объективного (присущего объекту самому по себе) и субъективного (его видения человеком, формирующим и оформляющим ту или иную информацию), то создаются основания для сосуществования различных социальных субъектов, создающих информационные модели реальности. В структуру последних включаются как эмпирические описания, так и априорные оценки объекта. Так формируются информационные блоки, поля и потоки как элементы идеальной реальности. Они транслируются в информационной среде, накапливаются, сохраняются и, если необходимо, утилизируются. Эти акты осуществляются благодаря информационной инфраструктуре, без которой невозможно оптимальное функционирование информационной системы (среды) в целом.

Так, за перемещение информации ответственны различные виды связи: за возникновение и исчезновение — различные субъекты и социальные организации; за накопление и хранение — базы данных, информационные сети и др. Благодаря такой инфраструктуре информационные поля и потоки не просто существуют — они реагируют на внешние воздействия и внутренние процессы. Так происходит изменение самой информационной среды и ее воспроизводство.

Специалисты в определенной степени знают, как влиять на информационные потоки, так и идентифицировать их изменения, которые не только отражают динамику реальных объектов, но и являются результатами рефлексии над их изменяющимся содержанием. Например, большие информационные потоки чрезвычайно чувствительны к появлению новых информационных форм. Аналитик, проводя их мониторинг, даже не вдаваясь в детали происходящего, вполне точно диагностирует появление новых модусов среды, фиксируя тем самым динамику социальных процессов. Вследствие этого появляется возможность влияния на ход последних, управления ими с использованием информационных средств.

Но необходимо учитывать, что профессиональная работа с информационными полями всегда нуждается в наличии четкой концепции и аргументированной цели деятельности. Контакт с множеством информационных полей и потоков может быть конструктивным лишь тогда, когда это не способ первоначального познания мира, а способ углубления знания на основе уже сформированной мировоззренческой и профессиональной базы.

Результатом такой практико-ориентированной информационной деятельности является формирование социальных стандартов на основе единых принципов координации подходов к работе в коммуникативной сфере. В качестве такой координирующей основы мы рассматриваем материалистическую парадигму в ее современных транскрипциях. Полагаем, что только такое основание информационной (социальной) аналитики способной придать, актуализированной субъектом информации, аргументированность, целостность и предметную ориентацию¹. Только в этом случае информация приобретает инструментальный смысл и способна стать неисчерпаемым ресурсом социального управления.

После обоснования субстанциональных и функциональных оснований информационной среды кратко рассмотрим признаки и формы ее современного состояния и некоторые общие особенности ее структуры.

Итак, анализ современного этапа развития информационной среды, характеризующийся широким внедрением принципиально новых коммуникационных технологий, что позволяет выделить ряд следующих ее имманентных тенденций.

Расширение субъектности – вовлечение в информационное пространство всё новых акторов.

Повышение однородности структуры информационной среды путем разработки и применения единых стандартов информационнокоммуникационного обмена.

Глобализация и интеграция различных информационных сред, означающие расширение информационного взаимодействия до социетального уровня (этому способствует значительное распространение компьютерных сетей на основе телекоммуникационных структур общего использования и глобальной сети Интернет) [Каюмов 2005, с. 48].

¹Например, субъективно-идеалистическая позиция не дает оснований для объективации знаний; позитивистская — не позволяет выйти за пределы сущего в область идеальных конструкций; прагматическая ориентируется на сиюминутную полноту и целостность, игнорируя внутреннюю динамику объектов и неактуальные в конкретный момент срезы реальности; одномерный антропологический материализм не дает оснований для рассуждений об объективности идеально-информационного сущего, сужая спектр возможностей в исследовании информации.

Регионализация информационного пространства — стремление на партикулярном уровне сохранить и приумножить информационные ресурсы (эта тенденция диалектически связана с предыдущей и сохраняется в силу неравномерного социального развития отдельных территорий).

Рост многомерности информационной среды, вычленение в ней все новых подпространств (например, культурно-языковых путем введения в сферу информационного обмена ранее практически не используемых региональных языков, освоение ее микроизмерений и т. д.) [Каюмов 2005, с. 49].

Эпистемологизация информационных сред, связанная с ростом интеллектуальной компоненты информационных взаимодействий, повышением роли знания в жизни общества [подробнее см.: Курлов 2016, с. 7–21, 74–84, 100–106].

Вышеперечисленные тенденции непосредственным образом связаны с развитием и внедрением современных информационных технологий, которые способствуют сопоставимо быстрому приращению информационного ресурса социума, составляющего всё более заметную и важную компоненту его совокупного (геополитического, экономического, предметно-деятельностного и др.) потенциала. Отсюда и стремление всё более активно использовать этот ресурс в коньюнктурных и конкурентных целях в соперничестве за предпочтительные позиции в мировом сообществе, дающие лучшие шансы на выживание в будущем мире с жесткими ресурсными ограничениями.

Особую актуальность имеет и то обстоятельство, что управление информационным ресурсом сегодня для России чрезвычайно существенно из-за возникших в процессе реформирования нашего общества барьеров общения, во многом сокративших мобильность населения. Это ведет к разрыву ранее значимых социальных связей, усилению фрагментарности общества и свертыванию многих социокультурных и профессиональных коммуникаций. Если добавить к этому снижение уровня образования молодежи и уменьшение реальных возможностей непрерывного образования для представителей старших возрастов, а также прогрессирующее замещение традиционных ценностей чуждыми для России ценностями ее геополитических соперников, то становится все более очевидным значительное сокращение духовного, культурного, интеллектуально-знаниевого

и профессионального потенциала информационного пространства России, существенной утрате некогда прочных ее позиций в составе мировой цивилизации.

В связи с этим можно говорить о стремлении наиболее развитых стран обеспечить контроль над «чужим» информационным пространством или возможность его коррекции, достигая тем самым информационного доминирования. Сегодня эта проблема выступает не просто как политическая, но как культурологическая и философская, ориентированная на сохранение и развитие ядра отечественной культуры [Каюмов 2005, с. 49–50].

Если в прошлом информация, лежащая в основе принятия решений и коммуникации, была во многом инвариантна, а сами эти процессы носили замедленный характер, то сегодня их скорость и, соответственно, управление ими соотносимо с реальным масштабом времени, что существенно повышает инструментальную значимость социальной информации. Необходимо отметить и другую особенность сегодняшнего дня: в отличие от прошлого, когда информационные процессы были связаны исключительно с человеком. Сегодня же информация отделена от него и чаще в формализованном виде обрабатывается и хранится в информационных системах. Это в сочетании с обрушившимся на человека огромным потоком сведений делает возможным манипулирование индивидным и массовым сознанием, осуществление информационно-психологических операций.

Существует точка зрения, согласно которой информационное господство геополитического субъекта позволяет ему необратимо обеспечить себе главенствующую, определяющую роль в мировом сообществе. В случае если информационный ресурс некоего субъекта развивается опережающими темпами, то речь может идти и о достижении им существенного превосходства над своими оппонентами. Понятно, что геополитические прорывы и проигрыши имеют серьезнейшие культурологические, цивилизационные последствия. Они приводят к изменениям не только на карте мира, но к доминированию тех или иных мировых ценностей, а значит, к коррекции тенденций мирового развития, той или иной культуры, изменению целей и оценок бытия с ее позиции.

При этом информационная среда, сконструированная в соответствии с чужеродными ценностными императивами, не порождает

ничего, кроме социальных пароксизмов. Очевидно, что она (среда) должна формироваться и воспроизводиться на преемственной основе, ибо социальная информация всегда несет на себе глубокий след общественных отношений, отпечаток потребностей, интересов и ментальных черт тех общностей, ценности и приоритеты которых она отражает. В случае нарушения принципа преемственности, когда внедряемая в среду информация диссонирует с внутренними закономерностями функционирования общества, с содержанием его этоса — она превращается в индуктор социальной деструкции, что чревато массой непредсказуемых последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Дзялошинский И. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции [Электронный ресурс]. URL: www.ksdi.ru/right/2001dzyaloshinskii78.html.
- *Каюмов А. Т.* Социодинамика информационного общества. М.: Изд-во Московского университета, 2005. 212 с.
- Курлов А. Б. Методология социального познания. М. : Проспект, 2016. 232 с. Курлов А. Б. Современное общество. В поисках оснований Социо-Логоса. М. : Проспект, 2018. 184 с.

УДК 17

А. В. Маслова

кандидат философских наук, доцент каф. философских наук MГЛУ: e-mail: an maslova@inbox.ru

АКТ ПРОШЕНИЯ КАК ВЫЗОВ И СПАСЕНИЕ

В статье рассматривается феномен прощения, как основа христианской этики. Дихотомия твердого закона и акта прощения берется как проблема вызова самому закону, и одновременно, как спасение прощаемого. Эта двойственность обнаруживается не только в христианской морали, но и в исламе, а также в обычной жизни. Рассматривается этимология самого слова «прощение», его контексты употребления и применимость в разных культурах – это позволило нам увидеть многогранность его смысловых коннотаций. Например, в русской культуре прощение является естественным актом души, а вот месть не является естественной чертой для русского человека. Акт прощения – это неотъемлемая часть человеческой жизни, но который не осознается обыденным сознанием. Мы пытаемся вскрыть внутреннюю основу прощения, как в историческом контексте, так и на уровне индивидуального сознания, души человека. Обращаясь к работе М. М. Бахтина «К философии поступка», мы обнаружили внутреннюю двойственность поступка и акт прощения не исключение. В онтогенезе человека прощение меняет свой смысл. Опираясь на работу Р. Энрайта, мы отметили, что, например, в детстве превалирует принцип мести. этика Талиона. Ребенок эгоистичен и взаимодействие с другими происходит у него через призму своего Эго. Но это только стадия, которая преодолевается зрелым сознанием взрослого человека. Теперь на первый план выходит ответственность перед другими и перед самим собой. Здесь этика Талиона сменяется на этику любви и всепрощения. Таким образом, исторический контекст пересекается с этапами индивидуальной жизни личности, которая по мере взросления сменяет систему ценностей. Также вскрывается внутренняя парадоксальность прощения как морального поступка. Поступок совершается на границе ответственности и беззакония. Однако стоит разделять божественное прощение и человеческое. Это принципиально два разных актора. Человек в роли судьи другого человека берет на себя только часть божественной функции прощения, но при этом сам он является также судимым. Человеческое прощение парадоксально, но божественное стоит над ним и является абсолютным благом. Проблема прощения обширна, она является междисциплинарной, требует специального анализа в области культурологии, теологии, этики и философии жизни. В данной работе мы попытались показать, что проблема прощения содержит в себе внутреннее противоречие и парадоксальную природу.

Ключевые слова: прощение; закон; спасение; вызов; добро; христианство; парадокс; поступок.

A. V. Maslova

Maslova A. V., PhD, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU; e-mail: an maslova@inbox.ru

THE ACT OF FORGIVENESS AS A CHALLENGE AND SALVATION

In the article the phenomenon of forgiveness is viewed as a basis of Christian ethics. The dichotomy of the firm law and the act of forgiveness is considered both as a problem of a challenge to the law and as a salvation of the forgiven. This duality could be found not only in Christian morals, but as well in Islam and day-to-day life. The etymology of the word «forgiveness», the contexts of its usage and applicability in different cultures is also considered - it has allowed us to see versatility of its semantic connotations. For example, in the Russian culture forgiveness is a natural act of soul and revenge is an unnatural trait of the Russian character. The act of forgiveness is an integral part of human life but which isn't realized by ordinary consciousness. We try to reveal an internal basis of forgiveness both in a historical context and at the level of individual consciousness, soul of a person. Addressing M.M. Bakhtin's work «Toward a Philosophy of the Act» we have found an internal duality of an act and the act of forgiveness not an exception. In the ontogenesis of a person forgiveness changes its sense. Based upon R. Enright's work, we have found out that, for instance, in the childhood the principle of revenge, Talion's ethics, prevails. A child is selfish and interaction with the others happens through the prism of the Ego. But it is only a stage which is overcome by a mature consciousness of an adult. At this point the responsibility to others and to oneself steps forward. Here Talion's ethics is replaced by the ethics of love and forgiveness. Thus, the historical context is crossed with stages of individual life of a person which, in the process of growing, replaces the system of values. Furthermore the internal paradoxicality of forgiveness as a moral act is revealed. The act is made on the border of responsibility and lawlessness. However it is worth distinguishing between divine forgiveness and a human one. These are two crucially different factors. A person as the judge of another person undertakes only a part of divine function of forgiveness, but at the same time, he himself is also being judged. Human forgiveness is paradoxical, but the divine one is above it and is the unconditioned blessing. The problem of forgiveness is extensive, it is crossdisciplinary, demands a special analysis in the field of cultural science, theology, ethics and philosophy of life. In this work we have tried to show that the problem of forgiveness comprises an internal contradiction and a paradoxical nature.

Key words: forgiveness; law; salvation; challenge; good; Christianity; paradox; responsible; action.

Прощение известно нам как феномен жизни, неотъемлемая составляющая интерсубъективного взаимодействия, социального поведения. Каждый из нас в жизни хоть раз просил прощение. При этом мы не задумываемся над тем, что собой представляет сам акт прощения, ведь он вбирает в себя дуальность интенций двух субъектов, которые полярны друг другу в этом акте. Как правило, стимулом к прощению или не-прощению выступает установка души в качестве убеждения или предубеждения, направляющая волю к выбору между двумя возможностями. Реализация одной из возможностей ведет к конкретным последствиям для каждого из акторов, которые должны учитываться заранее. Таким образом, ситуация прощения становится узловым моментом в выстраивании отношения между субъектами акта прощения. Итак, есть прощающий и прощаемый, которые имеют внутренние установки души и определенную предысторию. В данной статье мы сосредоточимся на мучительном внутреннем выборе прощающего, ибо в его душе содержится установка, которая предрешает судьбу прощаемого.

Для начала рассмотрим само понятие *прощение*, какие смысловые коннотации оно в себе содержит.

Слово «прощение» имеет массу значений. Все зависит от контекста, в котором его употребляют. Толковый словарь Ушакова дает следующее определение данному понятию: прощать — проявлять снисходительность, снять с кого-нибудь / чего-нибудь вину за что-либо, не поставить кому-нибудь / чему-нибудь в вину что-либо, извинить. Это значение является одним из наиболее часто употребляемых. Однако, помимо этого значения слово «прощение» может трактоваться как помилование, амнистия; в экономической или юридической сфере данное слово может трактоваться как прекращение тех или иных обязательств. Прощать, также можно многое, долг, обиду. Согласно словарю Даля этимология данного слова берет свое начало в словах «простой», «простота». В Древней Руси «простить» имело значение «выпрямить», позднее, приобрело более привычное нам значение: «разрешить виноватому, согнувшемуся в раболепном поклоне, выпрямиться».

Таким образом, семантический спектр данного понятия крайне широк. И тем не менее люди не испытывают никаких сложностей при употреблении этого слова, а ведь мы очень часто используем его в нашей повседневной речи, и когда кто-то говорит «прощаю…» ни у кого не возникает вопроса: а что же имел в виду собеседник?

Всё же наиболее часто мы употребляем данное слово в межличностных отношениях и в богословской сфере, когда речь идет

о прощении обид или грехов. Обратимся к истокам возникновения данного слова и понятия «прощать» как такового в Русской культуре и сравнить традиции прощения в некоторых монотеистических религиях.

Феномен «прощения» уходит корнями в древнейшие времена. Пример одного из довольно ранних упоминаний «прощения» как части межличностных отношений можно найти в связи с упоминанием личности Питтака. Согласно историческим источникам, ему принадлежит фраза «Лучше простить, чем раскаяться», она сталареакцией на встречу мыслителя с убийцами его сына. Позднее, с возникновением христианства, понятие прощения стало неотъемлемой частью жизни и культурных традиций целых народов.

Французский философ Поль Рикёр считал, что прощение, в привычном для современного человека понимании, во многом является детищем авраамо-христианской культуры, представляющей наследие общих подходов иудаизма, христианства и ислама к прощению. Прощение рассматривается христианской традицией как дар Божий, но в то же время это дар одного человека другому и самому себе в том числе. На двойственную природу акта прощения указывает в своих трудах Жак Деррида. Он пишет о противоречиях безусловного и условного дара прощения. Необходимо отметить отношение Жака Деррида к понятию дара, как такового [L'ethique du don]. Он понимал, что дар и дар прощения не являлись исключением, с одной стороны, как социальный факт, а с другой – как дело совести каждого человека. В данной интерпретации прослеживается сильное влияние Марселя Мосса, которого Деррида признавал своим философским учителем. Тем не менее, рассмотрение понятия дара как социального феномена, в единении свободы, и как обязательства с привнесением метафизики воли, которая имеет в своих истоках августиновское учение, приводит нас к противостоянию двух воль – божественной и человеческой.

Кроме того, прощение является реакцией на поступок другого и выступает как «единственная реакция, – как пишет Х. Арендт, – на которую невозможно настроиться, оно неожиданно и потому... само есть деяние, равноценное исходному поступку» [Арендт 2000]. Такое понимание прощения как самостоятельного поступка созвучно мысли М. М. Бахтина в его работе «К философии поступка», где даже мысль понимается как поступок, за который носитель этой мысли

несет ответственность, именно моральную ответственность. Прощение выступает как синтез двух не-алиби в бытии, прощающего и прощаемого. Моральная философия двояко относится как к прощению, так и к исполнению закона. Человек становится судьей самого себя и в акте прощения судит другого как самого себя. Рациональное решение по отношению к другому не сводится к следованию правилам, но проходит путь внутреннего диалога с собственным бытием, в котором только и возможен поступок.

Особенно парадоксальность прощения проявляется в религиозном контексте. Например, Ибн Араби пишет: «Ибо в действительности судящий зависит от того, о чем судит, — ведь судит он в соответствии с тем, как того требует сам судимый. Судимый (которого судят в соответствии с тем, каков он) сам есть судия судящего, определивший ему судить именно таким, а не иным образом» [Смирнов 1999].

Амбивалентность, проявляющаяся в акте прощения, а значит, в вынесении результата состоявшегося суда содержится в самом существе человека, который изначально противоречит самому себе в акте события-бытия. Это событие, стягивающееся в поступке прощения, открывает в самом человеке его парадоксальные черты. Как пишет Т. В. Щитцова: «Верность себе и вера в несовпадение с собой – таковы вскрываемые Бахтиным конструктивные амбивалентные полюса единства события, обусловленные исходной амбивалентной структурой последнего» [Щитцова 2002]. В этой двойственности, если угодно, эквивокативности человека акт прощения становится вызовом самому себе данному из горизонта той заданности, которая охватывает событие прощения.

В Евангелие от Марка есть строки, утверждающие, что прощающий подобен Богу в его акте прощения: «Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! Прощаются тебе грехи твои. Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что он так богохульствует? Кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на Земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой [Евангелие по Марку].

В Новом Завете прощение чаще всего выражается греческим словом *afieymi* и его основное значение: «отпустить или перестать держаться за что-то». Прощение не может являться односторонним актом. Оно является взвешенным решением после долгого пути самоанализа и анализа поведения и объяснения обидчика, должника, оппонента.

Роберт Энрайт в своем исследовании показывает, что стадии понимания прощения и факторы, которые побуждают человека к совершению акта прощения, зависят от возраста. Так, детям свойственно прощение, основанное на мести: я смогу простить, только если я накажу его в мере, пропорциональной моему собственному страданию. Прощение, основанное на возмещении: если я получу обратно то, чего лишился, если мне будут принесены извинения, если простив, я буду чувствовать себя менее виноватым, тогда я смогу простить. Прощение во исполнение ожиданий других: я смогу простить, если меня побуждают к этому другие.

У взрослых акт прощения зависит от более сложного механизма оценок и системы ценностей. Так, существуетпрощение во исполнение требований религии; прощение как средство достижения социальной гармонии: я прощаю, так как это восстановит социальную гармонию и хорошие отношения в обществе. И, наконец, прощение как любовь: я прощаю безо всяких условий, из любви к обидевшему меня, так как должен испытывать искреннюю любовь к другому человеку и его ущемляющему меня поведению, не отражающемуся на моей любви к нему [Энрайт 1991].

Этическая максима Талиона, которая базируется на мщении «зуб за зуб, глаз за глаз» не знает прощения, только с появлением этики любви человек открыл в себе силу, которая способна на поступок прощения. Более того, до возникновения личности не было и поступка, в силу того, что совершить поступок способна только личность, обладающая свободой и разумом. Внутренняя работа, приводящая в действие ответственность и долженствование возможна только для личности. Поэтому для нас особый интерес представляет личность, как она понимается христианской традицией. Личина – Личность – Лик – три составляющие христианское представление о стадиях развития души, где личность пребывает в промежуточном состоянии, когда она уже не личина в своем низменном и греховном существе, но и не Лик,

к которому она вечно стремится и пытается с помощью очищения воссоединиться с богом, как учили средневековые мистики.

Говоря о христианском прощении в православной традиции, рассмотрим русские традиции и обычаи, связанные с актом прощения.

Смирение и кротость издавна поощрялись православным народом. Например, «правонарушителю», «повинившемуся» перед общиной, признавшего свою вину и раскаявшемуся вдвое уменьшалось наказание. Просьба о прощении всегда имела особый смысл как акт смирения и признания своей вины, а «повинную голову меч не сечет». Просившего прощения либо прощали сразу, либо наказывали, но после все равно прощали, ибокак писал С. Я. Дерунов: «Мщения русский народ почти не понимает».

Специальным днем духовного очищения было (и остается) «Прощеное воскресенье», когда все просили прощения у всех, «отмываясь» от «прегрешений вольных и невольных». Расставаясь с близкими, путник кланялся тем, кого оставлял, и говорил: «Не поминайте лихом». Считалось, что грехи, прощенные людьми, и в«мире ином» не будут зачтены Богом.Стремлением любого христианина является спасение души и акт прощения уникален тем, что прощая, человек приближается не только к спасению своей души, но и спасает тем самым прощенного, уподобляясь Спасителю. Является ли в таком случае прощение вызовом Богу или оно становится своеобразным вызовом себе, своим моральным устоям?

Человек прощающий — человек любящий, благостный. Как упоминалось выше, в Евангелии прочитывается, что Бог, наделивший человека даром прощения, почти прировнял его к себе. Однако, все авраамо-христианские религии сходятся в том, что сила «человеческого» прощения ограничена земным миром. Человек не может простить другому человеку прегрешения против Бога, тем не менее, готовность прощать нанесенные обиды обеспечивает человеку прощение Богом его собственных прегрешений.

Таким образом, как пишет М. Годава: «Связь любви человека и Бога защищает от ошибок, например лицемерия, и сохраняет сплоченность добра. В итоге обнаруживается, что мир вообще мыслится как постоянное отношение к добру» [Годава 2017]. Здесь мы выходим за пределы локуса акта прощения в область этического принципа добра, который является определяющим в выборе того или иного

поступка. Бог есть добро и он сам есть принцип добра, а человек волен выбирать, на какой принцип ему опереться, на добро или на зло, вот здесь появляется сама актуальность прощения как такового. С появлением у человека свободы воли возникает дуализм божественного и человеческого.

Резюмируя данное сопоставление человеческого и божественного прощения, следует отметить, что земное прощение имеет довольно явные границы, люди могут прощать только «прощаемые» поступки, и этот, на первый взгляд, естественный вывод интересен тем, что только мы сами способны определять, какие поступки и деяния «прощаемы», а какие нет. Ответственность лежит на субъекте действия, определяя его свободу относительно своей роли в акте прощения, которая накладывает определенные ограничения той культуры и религии, в рамках которых происходит поступок.

Тема прощения очень многогранна. Различные ее аспекты вызывают неподдельный интерес не только у философов, богословов, но и у психологов. Нередки случаи, когда человек не может простить своего обидчика не из-за нежелания или недостаточного раскаяния последнего, а из-за того, что он не научился прощать самого себя. Прощение учит нас любви. Любви к ближнему своему, а как можно говорить о любви к кому бы то ни было, если мы не можем полюбить самого близкого нам человека, самих себя? На наш взгляд, человек прощающий – человек бесконечно сильный морально, уверенный в себе. Прощение является своеобразной проверкой нашего отношения к самим себе. Если мы не можем простить человеку какую-то его оплошность, держим зло, то, скорее всего, проблема кроется именно в нас самих. В детских психологических травмах, в ущемленном Эго, в комплексах и т. д. Невозможность простить, часто скрываемая за нежеланием, является защитной реакцией на свои собственные недостатки. «Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить» [Дхаммапада]. Эти слова кажутся простыми и ясными, но как часто люди забывают эту истину! Феномен не-прощения является ярчайшим примером непринятия самих себя. Закрытость от себя и от внешнего мира, за которой мы так часто прячемся, отрицательно сказывается на взаимоотношениях с другими. Стоит человеку произнести: «Я Вас прощаю...», и вместе с этими словами в мир врывается энергия, которая провоцирует надрыв этого «кокона», в котором индивид пытался закрыться от окружающих.

Прощение по своей сути беззаконно, оно парадоксально не только по своей природе, но и в своих проявлениях. Как писал В. Л. Янкелевич: «Прощение сильно как эло, но не сильнее его» [Jankélévitch 1986]. Более того, прощение есть сингулярность добра и зла, по своей силе превосходящее их обоих, являясь квинтэссенцией человеческой воли. Истинная сила прощения состоит в том, что оно начинается там, где оно же становится невозможным. С одной стороны, прощение должно быть актом доброй воли прощающего и идти от сердца, должно быть бескорыстным, следовательно, о прощении нельзя просить. С другой – человек не раскаявшийся, не молящий о прощении не может быть прощен. Здесь прощение предстает перед нами как парадокс. Эту парадоксальность акта прощения мы постарались раскрыть на культурологическом и философском материале, ка кэто возможно в рамках статьи. Однако тема прощения неисчерпаема, так как контекст ее смысловых проявлений охватывает все области человеческой жизни, поэтому прощение не просто действие души, но сложный многоуровневый поступок, вбирающий в себя ценностные установки времени и места его совершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Р. Г. «Мне отмщение, аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «не противься злому» // Этическая мысль. М. : ИФ РАН, 2006. С. 62–82.
- Арендт X. Vitaactive, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 319с. *Бахтин М. М.* Собр. соч. Т.1 Философская эстетика 1920-х годов. М.: «Русские словари» языки славянской культуры, 2003. 967 с.
- Годава М. Основной динамизм проявления добра в проекте «Стремление к миру». Поиск путей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 5 (776). С. 177–188. [Электронный ресурс]. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/5_776_GM.pdf
- *Гусейнов А. А.* Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Статья первая: Быть значит, поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5–16.
- Дхаммапада. Памятники литературы народов Востока / пер. с пали В. Н. То-порова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 160 с.

- Евангелие по Марку [Электронный ресурс]. URL : azbyka.ru/biblia/?%20 Mk.1-16
- Лопухин А. П. Толковая Библия Евангелие от Марка. Глава IX. Исцеление расслабленного в Капернауме (1–8). [Электронный ресурс]. URL: bookscafe.net/read/lopuhin_aleksandr-tolkovaya_bibliya_tom_10-250634. html#p1 TOC idp323216
- Смирнов А. В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М.: Наука (издательская фирма «Восточная литература»), 1999. [Электронный ресурс]. URL: nur-org.ru/books/ibn-arabigemmy-mudrosti.pdf
- *Щитиова Т. В.* Событие в философии Бахтина. Мн. : И. П. Логвинов, 2002. 66 с.
- Энрайт Р. Д. Духовное развитие прощения. М.: Академия, 1991. С. 95–110. L'ethique du don, Jacques Derrida et la pensee du don. Paris : Metailit-Transition, 1992.
- Jankélévitch V. L'Imprescriptible. Paris : Seuil, 1986. 103 p.

УДК 138.2

Г. Н. Самуйлов

кандидат философских наук, доцент каф. философских наук МГЛУ; e-mail: samouilov@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ ФРЭНСИСА БЭКОНА: НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ

В данной статье, посвященной философии Ф. Бэкона, будут рассмотрены политические и идеологические аспекты науки в перспективе идеологий эпохи Просвещения и позитивизма XIX в., что, конечно, невозможно сделать без «ревизии» фундаментальных положений о науке, научном познании и ее институциональном статусе. Бэкон считал, что, кроме того, что по рождению и образованию он обязан был заниматься политической деятельностью, он также призван был служить всему человечеству в области философии. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, можно взять небольшой автобиографический трактат «De Interpretatione Naturae Procemiu».

Ключевые слова: философия и наука; идеология; эмпиризм; прогресс; история; революция; позитивизм.

G. N. Samuylov

PhD, Associate Professor of the Department of Philosophical Sciences, MSLU; e-mail: samouilov@gmail.com

PHILOSOPHY OF F. BACON: SCIENCE AND IDEOLOGY

The article dedicated to Francis Bacon's philosophy deals with political and ideological aspects of science from the perspective of the ideologies of the age of Enlightenment and positivism, which requires a total revision of the fundamental principles of science, scientific knowledge and its institutional status. Bacon believed that apart from being obliged to engage in political activity by birth and by education, he was also destined to serve humanity in terms of philosophy. The autobiographical fragment "De Interpretatione Naturae Proœmium" dated 1603 can serve as an example confirming this idea.

Key words: Philosophy and Science; ideology; empiricism; idea of progress; history; revolution; positivism.

Причины, побудившие Ф. Бэкона обратиться к науке, различны. Среди наиболее важных можно отметить его стремление к познанию, которое дает человеку радость, удовольствие от самого процесса познания. Он искренне любил науку. В его лице мы находим наглядное подтверждение тезиса, что «все люди от природы стремятся к знанию», с которого начинается знаменитая «Метафизика» Аристотеля [Аристотель 1976]. В рамках философии Ф. Бэкона познание трактуется как то,

что дает еще и силу, один из его знаменитых афоризмов: «знание — это сила». Из этого же стремления к истинному знанию берет свое начало его настойчивость устранить все препятствия, мешающие достижению цели: идет ли речь о ниспровержении доминирующей в его время аристотелевско-схоластической методологии в образовании и в научной картине мира, или о борьбе с эпистемологическими искажениями, разного рода деформациями, с «идолами» разума.

Также не следует забывать об изначальной сильной карьерной мотивации будущего виконта Веруламского, которая иллюстрируется его предисловиями, обращенными к королю Иакову І. В этом контексте мы видим Ф. Бэкона в качестве советника, рассматривающего институт науки в его государственном аспекте, а себя видящего в качестве эксперта и советника короля по этим вопросам.

Книга, вернее, книги, первую версию которой (под названием «О достоинстве и приумножении наук») философ публикует и посвящает королю в 1605 г. [Васоп 2008], и которая свой окончательный вариант получит в виде знаменитого трактата «De Augmentis Scientiarum», опубликованном на латинском языке в 1623 г. [Бэкон 1977], являются реализацией первой части бэконовского плана «Великого Восстановления Наук».

Во введении к «The Advancement of Learning» Бэкон прибегает к известному сравнению познания с двумя книгами – книгой природы и Откровением, а также сравнивает его с двумя источниками, один из которых ниспадает сверху, а другой поднимается снизу. Бог открывает перед людьми эти две книги и, если они хотят избежать ошибок и заблуждений, то должны научиться их читать, причем познание природы является ключом ко второй книге. Св. Писание открывает волю Бога, а его создания свидетельствуют о его силе. Познание природы актуализирует наши познавательные способности, раскрывает наш разум и подготавливает его к истинному постижению св. Писания на основании общих понятий и с помощью правил мышления, дискурса. Однако Ф. Бэкон признается, что между божественным откровением и нашим знанием нельзя ставить знак равенства, все же по своей значимости первое превосходит второе [Jaquet 2010].

Философ делит научное знание на три части, а именно, на историю, поэзию и философию. Оригинальность этого деления состоит в том, что он выдвигает на первый план историю и поэзию, обычно

пренебрегаемые и остающиеся на заднем плане. Ф. Бэкон не употребляет в данном случае слова «классификация», он называет эти разделы человеческой интеллектуальной деятельности частями единого знания.

Чтобы понять мысль философа, следует это разделение наук рассматривать в контексте всего проекта по развитию и продвижению научного познания. Сначала следует исследовать историю и роль памяти в ее построении, выступающей в форме истории природы, истории политики, истории Церкви или письменности. Потом следует обратиться к поэзии и ее нарративным, драматическим и параболическим формам, что позволит уяснить статус воображения и его функций, включая те, которые выходят за пределы собственно поэзии. И, наконец, следует обратиться к философии и ее многочисленным подразделениям, ставя вопрос о пределах могущества разума в постижении истины.

Препятствия для истинного познания

Данная проблематика рассматривается как в Du progrès et de la promotion des savoirs (1623), так и в De la dignité et de l'accroissement des sciences (1605), первую книгу которой он посвящает именно анализу внутренних и внешних причин стагнации в познании и стремится показать, как можно преодолеть все препятствия для прогресса. Среди причин он называет чрезмерную завистливость людей из церковной среды, чрезмерную строгость политиков, их враждебность и презрительность по отношению к созерцательной жизни, несовершенство и заблуждения в самой научной среде. Слабость научной среды связана, не в последнюю очередь, с низкой оплатой труда преподавателей и ученых, что не позволяет привлечь к занятию этой деятельностью более талантливых людей. Также он осуждает и некоторые нравы, царящие в университетах.

Свои претензии к состоянию института науки он представляет не только королю, но и широкой публике. Главная идея — сделать государство ответственным за прогресс научного знания. Оно должно взять на себя административные функции. Поскольку король в результате протестантской реформы в Англии стал одновременно и главой церкви, он может определять образовательную политику в университетах, принадлежащих разным конгрегациям и орденам. С целью усиления национального единства король может провести необходимые

реформы, и Ф. Бэкон призывает короля не упускать такой исторический шанс. Однако масштаб реформ таков, что для их реализации без помощи дополнительных общенародных налогов не обойтись.

Государство должно взять на себя также функцию арбитра для защиты серьезной науки, оно должно выполнять функцию гаранта для настоящей научности. В 1605 г. преподавание наук и научные исследования не были полностью интегрированы в университетах. Философ настаивал на такой интеграции, он хотел, чтобы ректоры университетов выступали в качестве консультантов, а король и высшие сановники инспектировали научные и образовательные центры.

Что касается общего духа, царящего в образовательной сфере его эпохи, то он выступает с резкой критикой схоластической ментальности. С целью осуществления настоящей трансформации в системе образования он предлагает создать в противовес Кембриджу и Оксфорду современный университет в Лондоне.

Ф. Бэкон выступает защитником широкого фундаментального образования, в отличие от узкоспециализированного. Его проект призван реформировать весь корпус существующего и возможного знания и изменить сам способ отношений университетов в отношении к знанию.

В книге «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» философ старается представить и обосновать само понятие «прогресс познания». В его время понятие научного прогресса не было ясным и однозначным. В трех языках того времени: английском, латинском и французском, слово «прогресс» (progrès, proficiency, progressio) применялось для обозначения деловой поездки, в Англии эпохи Ф. Бэкона оно указывало на официальную поездку королевского чиновника, также оно обозначало продвижение вперед ученика в изучении, например, латыни, или в смысле нравственного роста. Переводчик XVII в. трудов Бэкона на французский язык Андре Могар называет книгу трактатом о разделении наук, он не употребляет термина «прогресс наук» [Васоп 1624].

Илолы

Отдельной большой темой у Бэкона выступает теория идолов, то есть того, что препятствует истинному познанию. Речь идет о заблуждениях (aнzл. fallacies) или искажениях (dр. distorsions), или об идолах рода, пещеры, рынка и театра. Теория идолов представлена

в «Новом Органоне», в «О достоинстве и приумножении наук» (le Novum Organum, Iaph. 39 sq., в le De Augmantis, Sp., t. I, р.643). Бекон не придумал эту теорию на пустом месте, эксплицитно он ссылается на Платона, однако исследования Шанталь Жаке приводят к предположению, что Бэкон, ссылаясь на Платона, опирается всё-таки на комментарий «Государства», осуществленный Аверроэсом. Также она утверждает, что другим предшественником теории идолов был Роджер Бэкон:

A la théorie des fallacies ou idoles, il y a un autre antécédent, bien plus évident, qui est Rodger Bacon. Le livre I de son Opus Majus propose une théorie des offenducula « pierres d'achoppement » ou « obstacles » à la compréhension de la vérité (Roger Bacon, Opus Majus, livre I, chap. I, in édition Bridges Oxford, 1897, vol 1, p. 2).

Возвращаясь к вопросу о том, что является главным препятствием для познания, нужно признать, что ясного и полного ответа Бэкон не дает. Он считает, что чрезмерная религиозная экзальтированность является препятствием для научного постижения мира. Фанатики часто видят в науке проявление гордыни, греховности, а на ученых легко падают подозрения в атеизме и деизме. Это было характерно не только для Англии, где в XVI в. «Естественная история» Плиния была изъята из библиотек, а в царствование Эдуарда VI уничтожались математические трактаты по обвинению в том, что их авторы занимались колдовством. Следует, правда, признать, что и Библия на греческом языке также могла отправиться в огонь по такому обвинению. Споры в науке и искусстве не имеют ничего общего с противоречиями на почве веры.

Ф. Бэкон предлагает преодолеть разрыв между академической наукой и открытиями Нового времени, встав на защиту эмпирически полезного знания. Он также отстаивает важность философского исследования, которое является фундаментальным для всех частных наук, указывает на то, что государству нужны широко образованные люди, а не специалисты узкого профиля, и для этого нужны специальные колледжи. Для прогресса в некоторых науках недостаточно иметь только книги, нужны средства для лабораторий и технические инструменты. Он также обращает внимание на то, что возраст учеников и степень их предварительной подготовки должны соответствовать сложности изучаемых предметов. Он защищает принцип, согласно

которому занятия должны быть построены таким образом, чтобы отвечать, насколько это вообще возможно, реальной жизни и практике. Насколько прогресс в науках зависит от положения университетов в конкретном государстве, настолько же он зависит от международного взаимодействия между университетами Европы. Многими исследователями подчеркивается это стремление Бэкона к интернационализации научного знания. Философ также сетует, что ученые редко получают общественную материальную помощь. Он полагает, что упразднение всех недостатков это прерогатива государства.

Возвращаясь к делению научного знания, точнее, к так называемой *Первой философии*, которая определяется как источник (или даже как источники) для всех других наук, Бэкон выделяет три его вида, а именно, теологию, философию природы и учение о человеке (антропологию). При кажущейся простоте и чуть ли не самоочевидности, всё-таки изначально бросается в глаза разнопорядковость объектов. И когда мы начинаем искать первичную, одинаковую для всех них область пересечения, то таковой оказывается только область, в которой мы можем признать, что не знаем сути ни человека, ни природы, ни Бога. Эта та самая область, где и по сей день не существует однозначных ответов. Но кроме таким негативным образом найденного общего основания знания через незнание, существует история положительных исследований в данной области познания.

Для Ф. Бэкона философское знание является, с одной стороны, основанием и источником для всех остальных специализированных знаний, с другой — он констатирует, что положительное содержание этого знания, развернутое в истории, представляет собой сложную смешанную композицию, состоящую из элементов естественной теологии, различных частей логики и той части естественной философии, которая касается вопросов души и разума. Следовательно, сначала нужно создать, возвести здание первой философии. Критикуя ее существующее состояние, философ признает необходимость такой науки и собирается создать ее новое здание.

Идеи Ф. Бэкона в континентальной Европе

В своем введении к книге «De la dignité et de l'accroissement des sciences» Ф. Бэкона переводчик М. Ф. Рио утверждает, что это именно Вольтер экспортировал во Францию идеи И. Ньютона, Д. Локка,

Ф. Бэкона [Васоп 1843]. Философ был известен в XVII в. во Франции, но только очень узкому кругу, например его читал Рене Декарт. С легкой руки Вольтера и благодаря энциклопедистам, Бэкон становится не только широко известным, но и своего рода идеологическим отцом Просвещения.

Интерес к Ф. Бэкону не пропадал в течение всего XVIII в. и в первой половине XIX в. В 1751 г. Д'Аламбер в своей статье в Энциклопедии завершает то, что начал Вольтер: Бэкон представлен публике в качестве философского патрона эпохи Просвещения. Во Франции и в Европе он предстает как провозвестник современной философии, становится своего рода знаменем просветителей.

В XVIII и XIX вв. делаются новые переводы на французский язык, издаются и комментируются книги философа. Антуан де Лассаль переводит собрание сочинений Ф. Бэкона [Bacon 1800–1803], Жан-Андрэ Делюк пишет «Уточнения философии Бэкона» [Deluc 1802], Жан Александр Бюшон переводит и издает в 1838 г. философские, моральные и политические труды Ф. Бэкона [Bacon 1838], в 1840 г. М. Лорке заново перевел «Новый Органон» Ф. Бэкона [Bacon 1840].

Исследуются определенные аспекты философии Бэкона, например Жак-Андрэ Эмери пишет работу «Христианство Ф. Бэкона, или о Мыслях и чувствах этого великого человека в отношении к религии» [Émery 1798].

Но самым авторитетным в XIX в. станет издание трудов Ф. Бэкона, осуществленное М. Ф. Рио [Васоп 1862]. Портрет философа, предложенный французским переводчиком, предстает в положительных тонах: по его мнению, Бэкон реализовал свои лучшие способности в политической деятельности, он был хорошим квалифицированным юристом, знатоком и новатором, публицистом высокого уровня, тонким и осторожным дипломатом. Он живо интересовался современным состоянием в различных областях знаний, дал описание всего существующего корпуса наук и очертил контуры будущего прогресса.

Наряду с этими положительными оценками существовала и резкая критика идей английского философа. Если просветители видели в Ф. Бэконе союзника, то в контексте Французской революции он становится объектом бескомпромиссной критики в лице Жозефа де Местра, савойского консервативного радикала и традиционалиста, который прилагает титанические усилия, чтобы в рамках философскопублицистического дискурса ниспровергнуть авторитет последнего. Он пишет «Исследование философии Ф. Бэкона» с целью развенчать его как одного из «идолов театра» эпохи Просвещения и последующего позитивизма. По его мнению, философия Бэкона должна быть ниспровергнута, именно благодаря ей «наука вырождается в Энциклопедию, а французское общество приходит к революции» [Malerbe 2011].

Вопреки мнению просветителей, Жозеф-Мари Местр был уверен, что Ф. Бэкон никак не повлиял на прогресс науки. Репутация философа как новатора, как человека, породившего научный метод, представляется ему надуманной и «раздутой» по идеологическим соображениям.

Свою «атаку» на этот образ Ж.-М. Местр ведет по нескольким направлениям. Поскольку Бэкона повсюду восхваляли и практически не критиковали, Местр, во-первых, старался показать незрелость его научных взглядов, продемонстрировать отсутствие его реальных позитивных вкладов в научное знание. Во-вторых, Местра удивляла популярность английского философа и он высказал предположение, что многие Бэкона просто не читали. Например, Вольтер приписывал ему знание, которым тот никогда не обладал. Рио также указывает на то, что ссылки Вольтера всегда делались чуть ли не на одну и ту же книгу и у него сложилось такое впечатление, что с другими он просто не был знаком. В-третьих, Местр поставил своей задачей подвергнуть герменевтическому анализу тексты Ф. Бэкона, чтобы точно показать, что именно он сказал и что имел в виду в надежде на то, что человеку после понимания написанного тут же станет ясно отсутствие в книгах английского философа конструктивного знания. В качестве доказательства отсутствия этого знания у Ф. Бэкона он приводит следующие факты: 1) очень пессимистический взгляд философа на науку XVII в.; 2) его оппозиция по отношению к великим научным открытиям, которые принадлежали Копернику и Кеплеру; 3) несостоятельность бэконовской критики теории силлогизма Аристотеля и его преувеличенное мнение об оригинальности и значимости собственного метода, «нового инструмента», как перевел Местр «Новый органон»; 4) рекомендации Бэкона, которые должны сопровождать эксперимент, показывают, что философ не был ученым и ничего не знал о том, как совершаются научные открытия. Отличительной чертой критики Местром Бэкона в данном контексте является ее нарочито негативный характер. Примечательно, что такой известный историк философии науки XX в., как Алесандр Койре, также утверждал, что Бэкон ничего не понял в науке и был лишен критического духа, что его ментальность близка, скорее, духу алхимиков и магов.

В интеллектуальной истории XIX в. критика Местром философии Ф. Бэкона может, прежде всего, рассматриваться в контексте борьбы с современным ему материализмом и защитой христианским спиритуализмом собственной картины мира. В противовес просветителям Ж.-М. Местр стремится обосновать необходимость возврата к религиозным и духовным ценностям христианства, а поскольку философы Просвещения, такие как Д'Аламбер, Вольтер, Дидро, восхваляли Бэкона как родоначальника современной науки и считали его одним из отцов научного метода, то в связи с этим Местр и рассматривал его философию как своего рода «бренд» своих противников и написал целую книгу, посвященную развенчанию философии Ф. Бэкона.

Просвещение сделало из бэконовской философии идола, и этого идола необходимо было разрушить Местру. Он утверждает, что о людях, как и о книгах, можно судить исходя из следующего принципа: «Достаточно знать, кем они любимы и кем они ненавидимы». История с философской идеологией Бэкона прекрасно иллюстрирует это правило. «Будьте уверены, как только книгу популяризирует энциклопедист, а переводит атеист, а при этом расхваливают философы XVIII в., – эта философия опасная и ложная» [Местр 2004].

Местр пишет «Исследование философии Бэкона», начиная с 1804 г., но опубликованы были два тома только в 1836 г., через пятнадцать лет после смерти Местра. Можем предположить, что основной мотив, который сдерживал Местра от издания своей книги при жизни, исходил из его осторожности высказываться о науке, имея в виду современные ее достижения. В одном из писем к своему другу, который собирался написать апологетический труд, находим следующие его предостережения: «Будь очень аккуратным в смысле возражений, направленных против науки. Это очень деликатный момент. Это предмет, который для меня был значим в течение почти всей моей жизни. Наука — это как цветок, которому мы должны предоставить возможность естественного роста. Быть обученным — это еще не все; необходимо постигать, исходя из необходимости, когда это необходимо, и настолько, насколько это необходимо». Сразу после публикации появилась

рецензия Августина Бонетти, который заметил, «что с критикой Местром по строгости, язвительности и остроте, наверное, могут сравниться лишь «Письма провинциала» Б. Паскаля».

Канадский профессор Ричард Лебрён считает, что «Исследование философии Ф. Бэкона» может быть также рассмотрено в качестве основного для понимания собственной деместровской эпистемологии, которая, с его точки зрения, вырастает, прежде всего, как антитеза Просвещению [Maistre 1989]. С первой частью тезиса согласиться нетрудно, поскольку «Исследование философии Ф. Бэкона» интересны вовсе не своей критикой взглядов Ф. Бэкона, но именно собственной позицией Местра. Речь в данный момент не идет об оригинальности его позиции, ее не так просто осмыслить, поскольку он использует значительную часть историко-философского наследия. Однако цельность и продуманность высказываемых положений прямо-таки бросается в глаза, кроме того, его стиль и форма, посредством которой он выражает свои мысли, делают невозможным перепутать его с какимлибо другим автором. Утверждение же о зависимости деместровской эпистемологии от Просвещения весьма распространено, и отчасти, несомненно, истинно.

Следует отметить и тот факт, что Ж.-М. Местр обращался к книгам Бэкона не всегда критично. Например, он с интересом и симпатией отнесся к интерпретации Бэконом мифов древности. В связи с этим в его конспектах встречаем следующее замечание: «Греческая мифология полна разумности, даже мудрости, которая удивляет своей экстраординарностью. Она содержит множество восхитительновозвышенных аллегорий, например в «Мудрости древних» Бэкона» [Маistre 1989].

Есть и другие точки соприкосновения между Бэконом и Местром, которые, вероятно, могли бы сделать их более близкими друг другу. Они оба были аристократами, базовым образованием у них была юриспруденция, оба были яростными роялистами и противостояли нововведениям в социальной и политической сферах, оба стояли на страже неприкосновенного суверенитета монарха, боялись разрушительного действия индивидуализма в вопросах экзегезы Священного Писания, выступали против сектантства, которое всегда оказывается неповиновением установленному религиозному авторитету. Они, конечно же, отличались друг от друга по национальности, языку,

религиозной принадлежности, но Ж.-М. Местр в каком-то смысле был англофилом. Он еще в молодости предпринял попытку овладеть письменным английским. С уважением относился ко многим протестантским писателям, таким как Ральф Кедворт, Роберт Бойль, Роберт Блэк, Исаак Ньютон. Это позволяет сделать вывод, что Местр выступил против Бэкона по соображениям, независимым от религиозной и национальной принадлежности. Доказательства тому мы находим также и в записных книжках, обозначенных как «Философия D», хранящихся в архивах Института деместеровских исследований при Савойском университете. Главным для Местра была борьба с секулярной идеологией. При этом, конечно, не следует забывать, что истоки этой идеологии он видел в «духе протестантизма».

Подводя итоги рассмотренным аспектам наследия Ф. Бэкона, следует признать, что его философия сыграла значительную роль в идеологической борьбе, при этом оставаясь малоизученной для большинства, включая тех, кто пропагандировал и распространял идеи Просвещения и позитивизма. В настоящее время продолжается исследование как наследия Ф. Бэкона, так и его влияния, прежде всего на эпоху Просвещения, о чем свидетельствуют работы Мишеля Малерба, Дидье Делёля, Жана-Мари Пуссёра, Шанталь Жаке. В России данные аспекты остаются малоизученными и ждут еще своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.

 $\it Бэкон\ \Phi.$ Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1977. 567 с. ; Т. 2. М. : Мысль 1978. 575 с.

Сапрыкин Д. Л. Regnum Hominus. М. : Индрик, 2001. 224 с

Штракс М. Г. Философия просвещения во Франции // Философия и политология: история и современность: сб. науч. тр. МАДИ. М.: МАДИ, 2017. 114 с.

Bacon F. Le Progrez et avancement aux sciences divines et humaines, composé en anglois par Messire François Bacon... / traduit en françois par A. Maugars. Paris : Pierre Billaine, 1624. 8°, XII-640 p.

Bacon F. Œuvres de Bacon. Traduction revue, corrigée et précédée d'une Introduction par M. F. Riaux, 2 vol., Paris, 1862. 516 p.

Maistre J, de. An Examination of the Philosophy of Bacon. Monreal & Kingston – London – Buffalo : McGill-Queen's University Press, 1998. 331 p.

Bacon F. The Major Works including New Atlantis and the Essays. Oxford University Press. First published 1996, Reissued 2008. 813 p.

- Deluc J-A. Précis de la philosophie de Bacon. Paris : Nyon, 1802. 324 p.
- *Émery J-A*. Le Christianisme de François Bacon,... ou Pensées et sentiments de ce grand homme sur la religion. 1 vol. Paris: Nyon aîné, an VII 1798. 170 p.
- *Émery J-A*. Le Christianisme de François Bacon,... ou Pensées et sentiments de ce grand homme sur la religion. 2 vol. Paris: Nyon aîné, an VII 1798. 375 p.
- Jaquet Ch. Bacon et la promotion des savoirs. Paris: PUF, 2010. 291 p.
- Jaquet Ch. L'Héritage baconien au XVIII^e et au XVIII^e siècles. Paris: éditions Kimé, 2002. 111 p.
- *Maistre, J. de.* An Examination of the Philosophy of Bacon, Monreal& Kingston London Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1998. 331 p.
- *Malherbe M.* Bacon : l'Encyclopédie et la révolution // Les études philosophiques. 1985. n° 3. P. 387–404.
- Malherbe M. La philosophie de Bacon, Répères. Paris : Vrin, 2011. 187 p.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК VESTNIK

Московского государственного of Moscow State Linguistic

лингвистического университета University

Гуманитарные науки Humanitarian Sciences

Выпуск 4 (793) Issue 4 (793)

Над выпуском 4 (793) работали:

доктор филологических наук, доцент Е. Ф. Косиченко (*ответственный редактор*); доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова (*ответственный секретарь*) кандидат филологических наук, профессор В. С. Страхова

Редактор Е. М. Евдокимова Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ Подписано в печать 29.05.2018 Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 19,4 Заказ № 92

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23 E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 - Языкознание

10.01.00 - Литературоведение

24.00.00 - Культурология

09.00.00 - Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна